

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025
4(48)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 4 (48)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик

Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Арабаев Ч.И., *д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);*

Баллыева Д.Ю., *заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);*

Бандурин Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Василевич Г.А., *д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитгадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кекеновски Й., *д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского, (Северная Македония);*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Ного С., *д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд», (Сербия);*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Рагимов И.М., *д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;*

Чанхай Лун, *д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2025

**СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ7
Егерева Олеся Александровна, Слюсаренко Татьяна Валерьевна

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ.....14
Колонтаевская Ирина Федоровна

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ И ФОРМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ
ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ20
Максуров Алексей Анатольевич

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ**

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ВОСПОЛНЕНИИ ПРОБЕЛОВ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ).....31
Епифанов Александр Егорович

ОБЩИЕ НАЧАЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ
ВИНОВНОГО В СОВЕРШЕНИИ КРАЖИ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ ИЗ ТРУБОПРОВОДОВ.....37
Плешаков Александр Михайлович, Туманов Александр Сергеевич

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ45
Карпова Наталия Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ
В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ (СТ. 318 УК РФ).....52
Семенова Ульяна Сергеевна

ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ58
Антонченко Вадим Викторович

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРАКТИКОВ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....67
Штыков Дмитрий Викторович, Дронов Максим Олегович

ОПЫТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ:
ИНСТИТУТ ХУЛЬБА В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ74
Лунев Юрий Федорович

Трибуна молодого ученого

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК»: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ	80
<i>Коробова Анна Сергеевна</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ.....	91
<i>Гарник Людмила Юрьевна</i>	

CONTENTS

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

CYBERSECURITY AS AN INTERDISCIPLINARY LEGAL INSTITUTION	7
<i>Yegoreva O.A., Slyusarenko T.V.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF COMMERCIAL CORPORATIONS IN THE REPUBLIC OF INDIA	14
<i>Kolontaevskaya I.F.</i>	

CLASSIFICATION OF TYPES AND FORMS OF ABUSE OF RIGHTS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF LEGAL ENTITIES.....	20
<i>Maksurov A.A.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

THE ROLE OF JUDICIAL PRACTICE IN FILLING GAPS IN CRIMINAL LAW (ISSUES OF THEORY AND HISTORY).....	31
<i>Yepifanov A.E.</i>	

GENERAL PRINCIPLES OF SENTENCING AND IDENTIFICATION OF THE PERPETRATOR OF THEFT OF ENERGY CARRIERS FROM PIPELINES	37
<i>Pleshakov A.M., Tumanov A.S.</i>	

RELEVANT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT COMMITTED WITH THE USE OF VIOLENCE	45
<i>Karpova N.A.</i>	

FEATURES OF QUALIFYING THE USE OF VIOLENCE AGAINST A GOVERNMENT REPRESENTATIVE (ARTICLE 318 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION).....	52
<i>Semenova U.S.</i>	

THE PHILOSOPHY OF HUMANISM IN CRIMINAL LAW	58
<i>Antonchenko V.V.</i>	

SPECIFIC ISSUES OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

THE LEGAL STATUS OF INSOLVENCY PRACTITIONERS UNDER THE LEGISLATION OF THE UNITED KINGDOM	67
<i>Shtykov D.V., Dronov M.O.</i>	

THE EXPERIENCE OF LEGAL CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA: THE INSTITUTION OF KHUL' IN MUSLIM LAW	74
<i>Lunev Yu.F.</i>	

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY "PUBLIC ORDER": DOCTRINAL ISSUES	80
<i>Korobova A.S.</i>	
LEGAL REGULATION OF SOLVING PROBLEMATIC ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMICS.....	91
<i>Garnik L.Yu.</i>	

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Егерова Олеся Александровна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: oegereva@muiv.ru

Слюсаренко Татьяна Валерьевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: tslyusarenko@muiv.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Статья посвящена вопросам нормативно-правового регулирования кибербезопасности в современном цифровом мире, где информационные системы, сети и данные стали объектами постоянных кибератак и угроз. Исследование фокусируется на анализе существующей законодательной базы Российской Федерации, регулирующей сферу кибербезопасности как межотраслевого правового института, и на выявлении тех изменений, которые произошли в данной области в последние годы. Одной из целей работы является также и выборочный анализ зарубежного опыта в области кибербезопасности посредством изучения содержимого соответствующих стратегий для проведения сравнительного анализа с российской действительностью. Кроме того, в данной статье обозначены авторские позиции по дефинициям «информационная безопасность», «кибербезопасность»; анализ действующих редакций правовых норм об информационной безопасности. В целом, проведенный анализ кибербезопасности как межотраслевого правового института вносит вклад в понимание современных проблем и перспектив его дальнейшего развития, и может быть полезен как для специалистов в области кибербезопасности, так и исследователей, интересующихся вопросами обеспечения защиты прав и свобод личности в условиях цифрового общества. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: кибербезопасность, цифровизация, информационное общество, нормативно-правовые акты, правовая система, киберугрозы

CYBERSECURITY AS AN INTERDISCIPLINARY LEGAL INSTITUTION

Yegoreva O.A.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: oegereva@muiv.ru

Slyusarenko T.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: tslyusarenko@muiv.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article is devoted to the issues of regulatory and legal regulation of cybersecurity in the modern digital world, where information systems, networks and data have become the objects of constant cyber attacks and threats. The study focuses on analyzing the existing legislative framework of the Russian Federation regulating the area of cybersecurity as an interdisciplinary legal institution, and on identifying the changes that have occurred in this area in recent years. One of the objectives of the work is also a selective analysis of foreign experience in the area of cybersecurity by examining the contents of relevant strategies for comparative analysis with the Russian reality. In addition, this article outlines the author's positions on the definitions of «information security» and «cybersecurity»; an analysis of current versions of legal norms on information security. In general, the analysis of cybersecurity as an interdisciplinary legal institution contributes to an understanding of current problems

and prospects for its further development, and may be useful for both cybersecurity specialists and researchers interested in ensuring the protection of individual rights and freedoms in a digital society.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: cybersecurity, digitalization, information society, regulatory legal acts, legal system, cyber threats

В настоящее время цифровая трансформация общества поставила перед правовыми системами вызовы беспрецедентного масштаба. Классические модели защиты прав человека, сформированные в аналоговую эпоху и опирающиеся на физические границы юрисдикций и материальные объекты регулирования, демонстрируют свою фрагментарную эффективность в пространстве, где действие стирает след, а идентичность становится набором данных. В этом контексте разработка новых моделей и механизмов защиты приобретает характер не эволюционной, а революционной правовой задачи. Российское законодательство, находясь в процессе активного «цифрового правотворчества», пытается сформировать комплексный ответ на эти вызовы, создавая гибридные конструкции, сочетающие традиционные гарантии с цифровыми инструментариями.

Рост количества и сложности кибератак, в том числе на государственную инфраструктуру, образовательные учреждения и работодателей трансформировал кибербезопасность из сугубо технической категории в межотраслевой правовой институт, непосредственно влияющий на реализацию прав и свобод. В фокусе оказываются не только экономические интересы организаций, но и достоинство личности, частная жизнь, право на образование и труд, а в случае посягательств на критическую информационную инфраструктуру – и право на жизнь и здоровье. Стратегические документы РФ в сфере национальной и информационной безопасности исходят из того, что устойчивость цифровой среды является условием осуществления гарантированных прав, а не побочной задачей ИТ-политики государства, что придает кибербезопасности характер объективной правовой необходимости, уходящей за пределы узкопрофессиональной сферы специалистов по защите информации.

Концепция комплексного регулирования кибербезопасности, охватывающая ключевые аспекты защиты информации, инфраструктуры и борьбы с киберпреступностью, не является новой для международного сообщества и успешно реализована во многих странах и на союзных уровнях, например, в Сингапуре (Cybersecurity Act), Германии (Закон о безопасности информационных технологий (IT-Sicherheitsgesetz)), Европейском союзе (Директива ЕС NIS2), США (Cybersecurity Information Sharing Act) и пр.¹

В 2020 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе кибербезопасность была признана одной из важнейших глобальных проблем современности². Экспертное сообщество считает киберугрозы даже более опасными, чем терроризм и экологические проблемы. Постоянный рост числа кибератак, наносящих ущерб организациям, подчеркивает острую необходимость усиления мер по обеспечению цифровой безопасности [1, с. 646]. Между тем в российском законодательстве отсутствует определение понятия «кибербезопасность». Юридическая наука при его раскрытии опирается на терминологию, заимствованную из различных областей знаний.

Отсутствие в российском законодательстве легального определения кибербезопасности компенсируется обращением к зарубежным и внутригосударственным концептуальным моделям.

Классическим толкованием кибербезопасности считается определение Национального института стандартов и технологий США (National Institute of Standards and Technology) – «способность защищать или оборонять киберпространство от кибератак»³.

Лаборатория Касперского описывает кибербезопасность как «совокупность методов и практик защиты от атак злоумышленников для компьютеров, серверов, мобильных устройств, электронных си-

¹ Танкова А. Правовые механизмы кибербезопасности: общие принципы и секторальное регулирование // ЭЖ-Юрист. – 2025. – №14 (1363). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68451> (дата обращения: 10.10.2025).

² Жданов Ю., Овчинский В. О киберугрозах в Давосе // Совет по внешней и оборонной политике. – URL: <https://svop.ru/mains/31921/> (дата обращения: 14.10.2025).

³ NIST Special Publication 800-30 Revision 1, Guide for Conducting Risk Assessments. – URL: https://csrc.nist.gov/glossary/term/cyber_security (дата обращения: 20.10.2025).

стем, сетей и данных»⁴. ПАО «Сбербанк» считает, что кибербезопасность – это направление информационной безопасности, целью которого является защита цифровых данных в киберпространстве⁵. Компания Positive Technologies – российский разработчик комплексных решений в области кибербезопасности – определяет ее как защиту сетевых систем (оборудования, программного обеспечения и данных) от киберугроз. Последние представляют собой совокупность факторов и условий, способных привести к нарушению информационной безопасности⁶.

Н.Ш. Козлова и В.А. Довгаль рассматривают кибербезопасность как область информационных технологий, ориентированных на защиту систем, включающих в себя электронные записи, устройства для отслеживания информации, оборудование и программное обеспечение, используемое для оказания услуг и управления ими [2, с. 90].

Необходимо отметить, что в 2014 г. Временной комиссией Совета Федерации по развитию информационного общества был разработан проект концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации, в котором был предпринят шаг в направлении установления официального понятия «кибербезопасность». Согласно данному проекту под кибербезопасностью предполагалось понимать «совокупность условий, при которых все составляющие киберпространства защищены от максимально возможного числа угроз и воздействий с нежелательными последствиями»⁷. Однако документ принят не был.

В то же время в некоторых странах СНГ понятие «кибербезопасность» закреплено в нормативных правовых актах, регулирующих общественные отношения в данной сфере. К примеру, в Законе Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 г. № ЗРУ-764 «О кибербезопасности» она определяется как «состояние защищенности интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в киберпространстве» (ст. 3)⁸. В Законе Республики Молдова от 16 марта 2023 г. № 48 «О кибербезопасности» установлено, что это «действия, необходимые для защиты информационных сетей и систем, пользователей таких систем и других лиц, подверженных киберугрозам» (ст. 2)⁹.

В Концепции кибербезопасности («Киберцит Казахстан»), утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 407, «под кибербезопасностью понимается состояние защищенности информации в электронной форме и среды ее обработки, хранения, передачи (электронных информационных ресурсов, информационных систем и информационно-коммуникационной инфраструктуры) от внешних и внутренних угроз, то есть информационная безопасность в сфере информатизации» [3, с. 112].

Указом Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» кибербезопасность определена как «состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз».

Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует понятие «кибербезопасность», в правовом пространстве России используется близкий по смыслу термин – «информационная безопасность РФ» (таблица 1).

⁴ Что такое кибербезопасность? – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cyber-security> (дата обращения: 14.10.2025).

⁵ Кибербезопасность. Кибрарий – библиотека знаний по кибербезопасности. Все самое важное и полезное о том, как защитить себя в цифровом мире. – URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/vocabulary/kiberbezopasnost> (дата обращения: 14.10.2025).

⁶ Что такое кибербезопасность. – URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/knowledge-base/chto-takoe-kiberbezopasnost/> (дата обращения: 13.10.2025).

⁷ Образование и занятость: правовые вопросы новой цифровой реальности: монография / Н.С. Волкова, О.Ю. Еремина, О.В. Моцная [и др.]; отв. ред. Н.С. Волкова, Н.В. Путило. – Москва: Юриспруденция, 2025.

⁸ Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан от 16 апреля 2022 г. № 03/22/764/0313.

⁹ Официальный монитор Республики Молдова. – 2023. – № 151–153. – Ст. 225.

Таблица 1 – Соотношение понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность»¹⁰

Критерий	Информационная безопасность РФ	Кибербезопасность
Базовый источник	Доктрина информационной безопасности РФ, Стратегия национальной безопасности	Проекты Концепции кибербезопасности, акты СНГ, доктрины других государств
Объект защиты	Информация независимо от носителя (бумага, электронные данные и т.д.)	Цифровая информация, сети, системы, киберпространство
Субъекты защиты	Личность, общество, государство	Личность, общество, государство в цифровой среде
Основные угрозы	Внутренние и внешние информационные угрозы	Киберпреступность, кибератаки, кибертерроризм
Цель	Обеспечение реализации конституционных прав и суверенитета РФ	Защита цифровой инфраструктуры и данных от киберугроз
Степень формализации в РФ	Легальное определение закреплено	Легального определения на уровне закона нет
Соотношение	Более широкое понятие	Частный случай, относящийся к цифровому сегменту информационной безопасности

В нашей стране цели и задачи по обеспечению информационной безопасности изложены в документах стратегического планирования. К ним относятся Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400¹¹, и Доктрина информационной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646¹². Кроме того, Указ Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности РФ»¹³ направлен на усиление мер по обнаружению, предупреждению и ликвидации последствий компьютерных атак и реагированию на компьютерные инциденты.

Проанализировав данные акты, можно сделать вывод, что правовое содержание информационной безопасности заключается в защите интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в киберпространстве и является приоритетом в обеспечении кибербезопасности государств [4, с. 83].

Подводя краткий итог изложенному, отметим, что, несмотря на тесную взаимосвязь понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность», данные понятия не являются тождественными.

В соответствии с определением Кембриджского словаря:

- 1) «информационная безопасность» – состояние защищенности электронных данных от преступного или несанкционированного использования;
- 2) «кибербезопасность» – способы защиты компьютерных систем от таких угроз, как вирусы [5, с. 184].

В российской практике встречается более широкое понятие «информационная безопасность», связанное с обеспечением безопасности в первую очередь личности, общества и государства.

Так, информационная безопасность представляет собой комплексное понятие, включающее в себя состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие РФ, оборона и безопасность государства¹⁴.

Данное понятие охватывает все аспекты обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности данных. В свою очередь, кибербезопасность призвана защищать цифровую информацию от несанкционированного доступа и кибератак. Она направлена на предотвращение неправомерного разглашения, искажения или уничтожения такой информации третьими лицами, а также на противодействие трем основным категориям угроз, к которым относятся:

¹⁰ Составлено авторами.

¹¹ Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (Ч. II). – Ст. 5351.

¹² Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

¹³ Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 18. – Ст. 3058.

¹⁴ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

1) киберпреступление – противоправные действия, осуществляемые одним или несколькими лицами с целью нарушения функционирования компьютерной системы или получения материальной выгоды за счет ее использования;

2) кибератака – действия, направленные на получение конфиденциальной информации;

3) кибертерроризм – действия, направленные на дестабилизацию электронных систем с целью вызвать страх или панику¹⁵.

Правовое регулирование кибербезопасности имеет многоуровневый характер и базируется на ряде ключевых законодательных актов, определяющих общие принципы информационной безопасности и специальных норм, регулирующих защиту критической информационной инфраструктуры, обработку персональных данных, противодействие киберугрозам [6, с. 83].

Основополагающим правовым актом, задающим парадигму защиты прав человека, остается Конституция РФ. Закрепленные в ее статьях 23, 24, 29, 45 права на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, свободу информации и поиск, получение и распространение информации, а также гарантии государственной защиты прав и свобод получают новое цифровое прочтение. Конституционный Суд РФ в ряде постановлений¹⁶ указал, что конституционные гарантии распространяются на коммуникации, осуществляемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Однако абстрактность конституционных норм требует их конкретизации в специальном законодательстве.

Системообразующую роль играет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁷. Он вводит базовые понятия: «информация», «информационно-телекоммуникационная сеть», «обладатель информации», «оператор информационной системы». Ключевой моделью, заложенной данным законом, является модель регулирования через определение статуса оператора. Именно на оператора, определяемого как лицо, осуществляющее деятельность по эксплуатации информационной системы, возлагается основной объем обязанностей по обеспечению безопасности и законности обработки данных, что создает точку приложения для контрольно-надзорных мер.

Специальный уровень правового регулирования – это Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹⁸.

Этот закон представляет собой наиболее продвинутую и детализированную модель регулятивного подхода. Он вводит понятие «критическая информационная инфраструктура» (далее КИИ) – объекты информационных систем и сети электросвязи, используемые для управления процессами в оборонной, энергетической, транспортной, банковской и иных ключевых сферах, нарушение или прекращение функционирования которых ведет к тяжелым последствиям. В контексте прав человека защита КИИ напрямую коррелирует с защитой права на жизнь, здоровье, благоприятную окружающую среду, социальное обеспечение.

Закон устанавливает императивно-разрешительную модель регулирования, включающую:

- государственную регистрацию объектов КИИ и ведение их реестра (ст. 8, 9);
- обязательность лицензирования деятельности по разработке и внедрению средств защиты информации для КИИ (ст. 14);
- установление системы категорирования объектов КИИ и дифференцированных требований по их защите (ст. 7);
- создание Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА) (ст. 13). Операторы КИИ обязаны подключаться к ней, что формирует модель централизованного государственного мониторинга угроз для наиболее значимых объектов.

Данный подход демонстрирует главенство публичных интересов (национальная безопасность, общественный порядок) и прямое вмешательство государства в деятельность частных компаний, управляющих КИИ.

¹⁵ Что такое кибербезопасность? – URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/what-is-cyber-security> (дата обращения: 15.10.2025)

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 45. – Ст. 6735.

¹⁷ Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (Ч. I). – Ст. 3448.

¹⁸ Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (Ч. I). – Ст. 4736.

Следующим уровнем конкретизации выступает Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁹.

С точки зрения защиты прав конкретного индивида данный закон является центральным. Он конкретизирует общие требования кибербезопасности применительно к специальному объекту – персональным данным. Ст. 19 закона возлагает на оператора обязанность принимать необходимые организационные и технические меры для защиты данных от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения. Механизм защиты здесь носит превентивно-распределенный характер: государство (в лице Роскомнадзора) устанавливает требования (утвержденные Постановлением Правительства РФ № 1119 от 01.11.2012)²⁰, а оператор самостоятельно выбирает и внедряет меры, адекватные угрозам, что подтверждается в ходе проверок регулятора. Важным инструментом является модель оценки соответствия, реализуемая через обязательную оценку уязвимостей и аттестацию информационных систем персональных данных (ст. 22 ФЗ-152, Постановление Правительства РФ № 21 от 18.01.2023).

Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»²¹ и Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ устанавливают модель защиты через обязанности организаторов распространения информации и блогеров, которые, при определенных количественных критериях аудитории, приравниваются к СМИ и несут дополнительные обязанности по хранению и предоставлению данных правоохранительным органам, а также по соблюдению законодательства о распространении информации.

Ключевые нормы, определяющие понятия и меры ответственности за киберпреступления, сосредоточены в главе 28 УК РФ, которая входит в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Данные нормы подчеркивают признание защиты цифровой инфраструктуры в качестве элемента национальной безопасности и общественных интересов.

Административная ответственность (гл. 13 КоАП РФ) выполняет функцию оперативного реагирования на менее опасные нарушения. Ключевые статьи: 13.11 (нарушение законодательства в области персональных данных, с детализированными составами), 13.12 (нарушение правил защиты информации), 13.14 (разглашение информации с ограниченным доступом). Данные нормы представляют собой модель административного принуждения, направленную на обеспечение соблюдения регулятивных требований под угрозой крупных штрафов.

Анализ действующего российского законодательства позволяет констатировать, что в стране сформирована комплексная, но внутренне противоречивая система защиты прав человека в цифровом пространстве. Ее доминирующей чертой является сильная публично-правовая, превентивно-ограничительная составляющая, ориентированная на обеспечение государственного суверенитета, информационной безопасности и общественного порядка, иногда в ущерб развитию приватности и индивидуальных цифровых автономий. Модели, связанные с защитой от государства (например, в сфере тотального сбора данных в рамках СМР), развиты слабее, чем модели контроля государства над информационным полем.

В ближайшем будущем потребность в модернизации информационной инфраструктуры и укреплении кибербезопасности будет только возрастать, что обусловлено быстрым развитием новых прорывных технологий [7, с. 745]. В частности, большие возможности в сфере кибербезопасности видятся в контексте использования искусственного интеллекта [8, с. 69] и больших данных [6, с. 88]. Однако это требует обеспечения должного правового регулирования, что, в свою очередь, представляется перспективным направлением дальнейших научных исследований.

Список литературы

1. Сафонова М.Ф., Кривошей Д.Н. Аудит информационной и кибербезопасности: нормативное регулирование и проблемы функционирования // Международный бухгалтерский учет. – 2024. – № 6. – С. 644–664.

¹⁹ Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (Ч. I). – Ст. 3451.

²⁰ Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства РФ от 01 ноября 2012 № 1119 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 45. – Ст. 6257.

²¹ О связи: федер. закон РФ от 07 июля 2003 № 126-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.

2. Козлова Н.Ш., Довгаль В.А. Кибербезопасность и информационная безопасность: сходства и отличия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 4: Естественно-математические и технические науки. – 2021. – № 3(286). – С. 88–97.
3. Ержанова З.А. Обеспечение кибербезопасности Казахстана и правовые аспекты современной кибербезопасности // Труды XVI Евразийского научного форума: сб. статей, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2025. – С. 111–119.
4. Никитина Е.Е. Информационная безопасность как элемент конституционного статуса личности // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 81–94.
5. Кулжабаева Ж.О. Законодательное разграничение понятий «кибербезопасность» и «информационная безопасность» // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2024. – № 4(79). – С. 178–186.
6. Прокопьев И.В. Анализ нормативно-правового обеспечения кибербезопасности в Российской Федерации // Интеграционные процессы в современной науке: новые подходы и актуальные вопросы: Сборник научных трудов по материалам XXXIII Международной научно-практической конференции, Анапа, 27 мая 2025 года. – Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2025. – С. 81–88.
7. Bertovsky L.V. High-tech law: concept, genesis and prospects / RUDN Journal of Law. – 2021. – № 25 (4). – Pp. 735–749.
8. Ересько П.В. Правовое обеспечение безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10. – С. 69–76.

References

1. Safonova M.F., Krivoshej D.N. Audit informatsionnoj i kiberbezopasnosti: normativnoe regulirovanie i problemy funktsionirovaniya // Mezhdunarodnyj bukhgalterskij uchet. – 2024. – № 6. – S. 644–664.
2. Kozlova N.Sh., Dovgal' V.A. Kiberbezopasnost' i informatsionnaya bezopasnost': skhodstva i otlichiya // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki. – 2021. – № 3(286). – S. 88–97.
3. Erzhanova Z.A. Obespechenie kiberbezopasnosti Kazakhstana i pravovye aspekty sovremennoj kiberbezopasnosti // Trudy KhVI Evrazijskogo nauchnogo foruma: sb. statej, Sankt-Peterburg, 12–13 dekabrja 2024 goda. – Sankt-Peterburg: Universitet pri MPA EvrAzES, 2025. – S. 111–119.
4. Nikitina E.E. Informatsionnaya bezopasnost' kak element konstitutsionnogo statusa lichnosti // Zhurnal rossijskogo prava. – 2024. – № 1. – S. 81–94.
5. Kulzhabaeva Zh.O. Zakonodatel'noe razgranichenie ponyatij «kiberbezopasnost'» i «informatsionnaya bezopasnost'» // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informatsii Respubliki Kazakhstan. – 2024. – № 4(79). – S. 178–186.
6. Prokop'ev I.V. Analiz normativno-pravovogo obespecheniya kiberbezopasnosti v Rossijskoj Federatsii // Integratsionnye protsessy v sovremennoj nauke: novye podkhody i aktual'nye voprosy: Sbornik nauchnykh trudov po materialam XKhKhIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Anapa, 27 maya 2025 goda. – Anapa: ООО «Nauchno-issledovatel'skij tsentr ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov» v Yuzhnom Federal'nom okruge, 2025. – S. 81–88.
7. Bertovsky L.V. High-tech law: concept, genesis and prospects / RUDN Journal of Law. – 2021. – № 25 (4). – Pp. 735–749.
8. Eres'ko P.V. Pravovoe obespechenie bezopasnosti informatsionnogo prostranstva Rossijskoj Federatsii v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2024. – № 10. – S. 69–76.

Статья поступила в редакцию: 21.09.2025

Received: 21.09.2025

Статья принята к публикации: 30.11.2025

Accepted: 30.11.2025

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

Колонтаевская Ирина Федоровна^{1,2},
д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор,
e-mail: kolont@bk.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Еврейский университет, г. Москва, Россия

Цель: анализ положений Закона Республики Индия о компаниях (2013 г.), а также иных источников, определяющих организационно-правовые формы ведения предпринимательской деятельности коммерческими корпорациями. Исследование терминологических и семантических особенностей наименований индийских корпораций в сравнении с российскими компаниями, выявление специфики правовых бизнес-конструкций по законодательству Индии, определение юридической основы и преимуществ организационно-правовых форм индийских коммерческих компаний для лучшего понимания правовых механизмов коммерческого взаимодействия Индии и России; оценка эффективности разнообразия организационно-правовых форм коммерческих корпораций по законодательству Республики Индия и рассмотрение возможности совершенствования российского законодательства с учетом российских реалий. Сделан вывод о том, что правовой опыт Индии может способствовать российским компаниям, планирующим работать с индийским рынком, разобраться в особенностях ведения бизнеса в этой стране. Методология: общенаучные методы научного познания (анализ, индукция, сравнение, обобщение) и частные методы юридической науки, в том числе формально-юридический, сравнительно-правовой, метод юридической догматики, контент-анализ законодательных актов, судебных решений и прецедентов.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: компания, коммерческая корпорация, торгово-экономическая кооперация, акционерное общество, ответственность корпораций, Республика Индия, законодательство Индии

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF COMMERCIAL CORPORATIONS IN THE REPUBLIC OF INDIA

Kolontaevskaya I.F.^{1,2},
Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,
e-mail: kolont@bk.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Hebrew University, Moscow, Russia

The purpose of the study is to analyze the provisions of the Companies Act of the Republic of India (2013), as well as other sources that determine the organizational and legal forms of conducting business activities by commercial corporations. Research of terminological and semantic features of names of Indian corporations in comparison with Russian companies, identification of specifics of legal business structures under the legislation of India, definition of the legal basis and advantages of organizational and legal forms of Indian commercial companies for a better understanding of the legal mechanisms of commercial interaction between India and Russia; assessment of the effectiveness of the diversity of organizational and legal forms of commercial corporations under the legislation of the Republic of India and consideration of the possibility of improving Russian legislation taking into account Russian realities. It is concluded that India's legal experience can help Russian companies planning to work with the Indian market to understand the specifics of doing business in this country. Methodology: general scientific methods of scientific cognition (analysis, induction, comparison, generalization)

and private methods of legal science, including formal legal, comparative legal, method of legal dogmatics, content analysis of legislative acts, court decisions and precedents.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: company, commercial corporation, trade and economic cooperation, joint stock company, corporate responsibility, Republic of India, Indian law

Введение

Актуальность темы статьи состоит в том, что в настоящее время в торгово-экономической кооперации РФ и Индии отмечается положительная динамика. Российско-индийские отношения активно развиваются в рамках особого привилегированного стратегического партнерства. 21 декабря 2025 года исполняется 15 лет с момента принятия совместного заявления о достижении этого уровня сотрудничества. Значительную роль в торгово-экономических отношениях играют коммерческие корпорации обеих стран.

Общим законом, регулирующим регистрацию, функционирование и корпоративное управление в Республике Индия, является «Закон о компаниях» 2013 года (в ред. 2021 г.)¹, заменивший предыдущий статут 1956 года. Исходя из смысла положений нового Закона о компаниях, понятия «компания» и «корпорация» с учетом их лексической семантики можно считать синонимичными. Вместе с тем, отдельные авторы эти понятия не отождествляют, полагая, что в Индии «компания» – это организация, созданная и зарегистрированная в соответствии с Законом о компаниях, являющимся общим, а «корпорация» – это юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии со специальным законом [1, с. 68].

Наличие общих и специальных законов имеет место и в российском законодательстве. Так Гражданский кодекс Российской Федерации² (общий закон) регулирует широкий круг однородных отношений и распространяет своё действие, в частности, на всех корпоративных юридических лиц. В статье 65.1 ГК РФ дается общее определение корпорации. В то же время действуют и специальные законы, которые регламентируют и детализируют создание и деятельность корпораций отдельных организационно-правовых форм, – федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью»³, «Об акционерных обществах»⁴, «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁵ и другие. От одновременного наличия норм в общих и специальных законах, регулирующих правовой статус компаний, суть корпорации в целом не меняется. Соответственно, в данной работе понятия «компания» и «корпорация» используются как синонимичные, не противоречащие друг другу.

Глава 9 Закона о компаниях закрепляет обязательную государственную регистрацию каждой корпорации с внесением сведений о ней в единый Реестр компаний (Registrar of Companies), находящийся в ведении Министерства корпоративных дел Индии – Ministry of Corporate Affairs (MCA). Закон о компаниях ввел положения, обусловленные новыми реалиями и вызовами времени. Так Закон о компаниях установил ответственность корпоративных руководителей в секторе информационных технологий, чем повысил гарантии Индии по противодействию организованной киберпреступности. Кроме того, на основании раздела 408 Закона с целью решения корпоративных споров был создан квазисудебный орган – Национальный трибунал по корпоративному праву – The National Company Law Tribunal (NCLT), который начал работу с 1 июня 2016 года. Он рассматривает дела о банкротстве, нарушениях в управлении компаниями, принудительном выкупе акций и защите миноритарных акционеров [2, с. 2318]. В

¹ Companies Act 2013. – URL: <https://www.india.gov.in/companies-act-2013> (дата обращения: 12.11.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2025).

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2025).

⁴ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2025).

⁵ Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2025).

частности, в случаях сбоев информационных технологий закон позволяет привлекать к ответственности генеральных и технических директоров.

Закон о компаниях предусматривает несколько организационно-правовых форм коммерческих корпораций: частная компания (Private Company), публичная компания (Public Company), (Cooperative Society), совместное предприятие (Joint Venture). В Законе раскрываются также и их разновидности.

Различие между частными и публичными корпорациями заключается в структуре владения акциями и особенностях ответственности участников. По аналогии их можно сравнить с российскими непубличными (НАО) и публичными (ПАО) акционерными обществами. Так, для индийских частных компаний не допускается публичный выпуск акций, их свободная продажа на рынках или перепродажа (передача) без согласия остальных участников. Корпоративные правила довольно жёсткие: нужно подавать годовые отчёты и вести аудит финансовой деятельности. Однако частные компании часто предпочитают оставаться частными, чтобы сохранить контроль и избежать свойственных для публичных компаний сложных регуляторных требований.

Самой предпочтительной для осуществления предпринимательской деятельности бизнес-структурой в Индии является *частная компания с ограниченной ответственностью – Private Limited Company (Pvt Ltd)*, во многом аналогичная российскому обществу с ограниченной ответственностью [3, с. 515; 4, с. 528] с той разницей, что собственниками (участниками) Pvt Ltd являются акционеры. Иными словами, акционерный капитал – это способ получения права собственности в Pvt Ltd. Статус и деятельность частной компании с ограниченной ответственностью регулируются разделом 2 Закона о компаниях 2013 года. Для открытия Pvt Ltd требуется минимум 2 участника (максимальное их количество – 200) и минимум 2 директора (ими могут быть два единственных участника). При этом один из директоров компании должен быть гражданином Индии и проживать в стране не менее 182 дней в году. Активы компании Pvt Ltd отделены от собственности участников. Согласно принципу непрерывной преемственности компания Pvt Ltd может продолжать свою деятельность независимо от любых изменений в руководстве. Предусмотрена юридическая возможность привлечения стороннего капитала (внешних инвестиций). Корпоративные правила в Pvt Ltd более жесткие, чем у индивидуальных предпринимателей в Индии, так как нужно подавать годовые отчеты и вести аудит финансовой деятельности [5].

Одним из типов частной компании с ограниченной ответственностью является *Company Limited by Shares – компания с ограниченной ответственностью в пределах количества акций*, акционеры которой несут ответственность только за неоплаченные суммы по своим акциям.

Компания с неограниченной ответственностью – Unlimited Company, в которой ответственность участников не ограничена их долей или суммой гарантии. Если компания не может полностью выплатить свои обязательства (долги) и начинается официальная ее ликвидация, то кредиторы получают право на возмещение из личных активов акционеров. Это наименее популярная организационно-правовая форма ведения бизнеса в Индии из-за неограниченной ответственности участников корпорации.

Как закреплено в Законе о компаниях 2013 г., публичные компании (Public company) в отличие от частных компаний могут привлекать капитал через открытый выпуск акций, размещать их на бирже и продавать широкому кругу инвесторов. В то же время они обязаны проводить строгий контроль со стороны корпоративного регулятора. В Индии корпоративными регуляторами (органами, регулирующими деятельность компаний) выступают Министерство по корпоративным вопросам – The Ministry of Corporate Affairs (MoCA) и Совет по ценным бумагам и биржам – Securities and Exchange Board of India (SEBI).

Среди публичных компаний можно выделить *публичную компанию с ограниченной ответственностью – Public Limited Company (PLC)* – эта организационно-правовая форма предлагает свои акции для публичной торговли [6]. Ее деятельность регулируется Законом о компаниях 2013 года. Публичные компании с ограниченной ответственностью имеют множество особенностей, среди которых:

- ограниченная ответственность акционеров – они не несут личной ответственности за долги компании сверх своих инвестиций;
- независимость существования компании от изменений в собственности или управлении;
- возможность привлечения значительного капитала, отсутствие ограничений на количество инвесторов и возможность сбора средств от широкого круга лиц. Свободная торговля акциями на публичных платформах позволяет привлечь большие средства для расширения и проведения операций;

- повышенная прозрачность корпорации. Все публичные компании с ограниченной ответственностью должны публиковать проспект компании, содержащий все необходимые сведения;
- деятельность компаний PLC подлежит строгому контролю со стороны корпоративного регулятора. Независимый аудит и раскрытие финансовой отчётности обязательны⁶.

Партнерство с ограниченной ответственностью Limited Liability Partnership (LLP) – в бизнес-литературе часто переводится на русский язык как товарищество с ограниченной ответственностью, что может ввести в заблуждение русскоязычного читателя. Деятельность LLP в Индии регулируется специальным Законом о партнерствах с ограниченной ответственностью 2008 года⁷, который ввёл концепцию LLP и закрепил её в законодательстве. Особенности LLP:

- обладает ограниченной ответственностью партнёров – они несут ответственность только в пределах внесённого ими вклада в капитал;
- имеет бессрочное правопреемство – существование LLP не зависит от входа или выхода партнёров, оно продолжает существовать до юридического распада;
- требуется минимум два назначенных партнёра, которые отвечают за соблюдение правовых и регуляторных требований. При этом хотя бы один должен быть резидентом Индии. Верхнего предела на количество партнёров не установлено.

Компания одного лица – One Person Company (OPC). Эта организационно-правовая форма была введена Законом о компаниях 2013 года в соответствии с разделом 2 (62). Единственным учредителем, акционером и директором OPC может быть один человек, ответственность которого ограничивается размером уставного капитала. Учредитель (владелец компании) назначает номинанта на случай своей смерти или потери дееспособности. Статус самостоятельного корпоративного юридического лица позволяет одному предпринимателю сохранять полный контроль над компанией и при этом получать все преимущества корпорации. Например, личные активы владельца защищены от долгов и бизнес-рисков, так как в компании только один владелец, то управление и принятие решений происходит быстрее. Статус OPC повышает доверие к предпринимателю со стороны клиентов, поставщиков и инвесторов. OPC может привлекать деньги через венчурный капитал, бизнес-ангельские и акционерные инвестиции. Для OPC действуют более низкие налоговые ставки, чем для индивидуальных предпринимателей, и доступны различные налоговые льготы и освобождения [7, с. 256].

Согласно правилам, если оплаченный уставный капитал OPC превышает 5 миллионов рупий или её среднегодовой оборот за три предшествующих финансовых года превышает 20 миллионов рупий (225 797 \$), то OPC должна в обязательном порядке реорганизоваться в частную или публичную компанию.

Следует обратить внимание, что в российском законодательстве понятие «компания одного лица» не закреплено. Вместе с тем в ч. 2 ст. 88 ГК РФ и ст. 7 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» определяют, что ООО может быть учреждено одним лицом или состоять из одного лица. ФЗ «Об акционерных обществах» предусматривает возможность создания и существования акционерного общества с одним акционером (ст. 7).

Кооперативное общество Cooperative Society (CS) – это отдаленный аналог российского производственного кооператива, представляющий собой добровольную ассоциацию людей, созданную для достижения общих коммерческих целей. CS могут быть и не коммерческими. Деятельность кооперативных обществ регулируется частью IX-B Конституции Индии, Законом о кооперативных обществах, 1912 г. (Cooperative Societies Act) и Законом о межгосударственных кооперативных обществах, 2002 (Multi-State Cooperative Society Act). Кроме того, в 2025 году была представлена Национальная политика кооперации, которая направлена на развитие кооперативных обществ и подготовку их к будущему⁸.

Совместное предприятие – Joint Venture (JV) в Индии – это стратегический альянс, в котором две или более стороны объединяют капитал, ресурсы и опыт и для достижения определённой бизнес-цели.

⁶ Процесс регистрации публичной компании с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.setindiabiz.com/> (дата обращения: 14.11.2025).

⁷ Limited Liability Partnerships Act, 2008. – URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2023/1/A2009-06.pdf> (дата обращения: 14.11.2025).

⁸ National Cooperation Policy – 2025. – URL: <https://www.nextias.com/ca/current-affairs/25-07-2025/national-cooperative-policy-2025/> (дата обращения: 14.11.2025).

Долевые совместные предприятия могут создаваться путем образования нового юридического лица на основе акций (долей). Другой вариант совместного предприятия – договорные (контрактные) совместные предприятия, представляющие собой договорные соглашения или лицензионные сделки без создания нового юридического лица [8, с. 130].

Заключение

В настоящее время законодательством Республики Индия предусмотрено значительное число организационно-правовых форм коммерческих корпораций, при этом их список в Законе о компаниях 2013 г. не является исчерпывающим. Он существенно расширен в других нормативных правовых актах (специальных законах). Каждая из организационно-правовых форм, которая определяется в зависимости от формы собственности, сферы деятельности и требований к ведению бизнеса, имеет свои преимущества, особенности и специфику, которые влияют на результативность экономической деятельности, установление оптимального налогообложения, инвестиционную активность, высокую доходность корпораций. Подобное многообразие организационно-правовых форм корпораций позволяет создавать продуктивные бизнес-модели и разрабатывать эффективные стратегии развития компании. Правильный выбор организационно-правовой формы компании является не просто юридическим требованием – он закладывает основу для финансовой безопасности, операционной гибкости и долгосрочного гарантированного успеха. Как выявило проведенное исследование, правовой опыт Индии в данной сфере может составлять для России важный источник для совершенствования отечественных организационно-правовых форм ведения коммерческой и производственной деятельности. Правовой опыт Индии может способствовать российским компаниям, планирующим работать с индийским рынком, разобраться в особенностях ведения бизнеса в этой стране.

Список литературы

1. Компании и их виды в Индии / А.Ю. Яковлев, П.Ю. Яковлев // Проблемы права. – 2013. – № 5(43). – С. 67–70. – EDN SGZMCB.
2. *Warna Jaiswal, Pragati Singh, Vanshdeep Singh. Analysis of 'National Company Law Tribunal'* // International Journal of Law Management & Humanities. – 2023. – Vol. 6. – Iss. 2. – P. 2316.
3. *Прохорова, А.М.* Ответственность в деятельности общества с ограниченной ответственностью / А.М. Прохорова, И.И. Аминов // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 06 декабря 2023 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. – С. 515–522. – EDN YVVS VX.
4. *Мачин, Я.А.* Способы защиты прав участников корпоративных отношений / Я.А. Мачин, И.И. Аминов // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 02 декабря 2022 года / под ред. А.В. Семенова, Т.В. Слюсаренко, В.Г. Голышева. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. – С. 528–533. – EDN RUHTMC.
5. *Ella Moore.* What Is Private Limited Company – Rules of Pvt Ltd Business. – URL: <https://paykassma.com/blog/business-basics/pvt-ltd-company/>
6. *Utsav Mishra.* 20 Differences between public limited company and private limited company in India. – URL: <https://www.analyticssteps.com/blogs/20-differences-between-public-limited-company-and-private-limited-company-india>
7. *Nadim Yusufbhai Belim.* One Person Company: concept, features & growth in India // Inspira – Journal of Modern Management & Entrepreneurship (JMME). – 2020. – October. – Vol. 10, No. 04. – Pp. 256–263.
8. *Harsh Pathak.* A perspective on joint venture: an international business expansion strategy and legal implications with specific reference to India // Juridical Tribune. – 2018. – March. – Vol. 8. – Iss. 1. – Pp. 130–137.

References

1. *Kompanii i ih vidy v Indii / A. Yu. Yakovlev, P. Yu. Yakovlev // Problemy prava. – 2013. – № 5(43). – Pp. 67–70. – EDN SGZMCB.*

2. *Warna Jaiswal, Pragati Singh, Vanshdeep Singh. Analysis of 'National Company Law Tribunal' // International Journal of Law Management & Humanities. – 2023. – Vol. 6. – Iss. 2. – P. 2316.*
3. *Prohorova, A.M. Otvetstvennost' v deyatel'nosti obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu / A.M. Prohorova, I.I. Aminov // Aktual'nye napravleniya razvitiya otraslej prava v usloviyah novej real'nosti: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 06 dekabrya 2023 goda. – Moskva: Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte, 2024. – Pp. 515–522. – EDN YVVS VX.*
4. *Machin, Ya.A. Sposoby zashchity prav uchastnikov korporativnyh otnoshenij / Ya.A. Machin, I.I. Aminov // Aktual'nye napravleniya razvitiya otraslej prava v usloviyah novej real'nosti: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 02 dekabrya 2022 goda / pod red. A.V. Semenova, T.V. Slyusarenko, V.G. Golsheva. – Moskva: Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte, 2023. – Pp. 528–533. – EDN RUHTMC.*
5. *Ella Moore. What Is Private Limited Company – Rules of Pvt Ltd Business. – URL: <https://paykassma.com/blog/business-basics/pvt-ltd-company/>*
6. *Utsav Mishra. 20 Differences between public limited company and private limited company in India. – URL: <https://www.analyticssteps.com/blogs/20-differences-between-public-limited-company-and-private-limited-company-india>*
7. *Nadim Yusufbhai Belim. One Person Company: concept, features & growth in India // Inspira – Journal of Modern Management & Entrepreneurship (JMME). – 2020. – October. – Vol. 10, No. 04. – Pp. 256–263.*
8. *Harsh Pathak. A perspective on joint venture: an international business expansion strategy and legal implications with specific reference to India // Juridical Tribune. – 2018. – March. – Vol. 8. – Iss. 1. – Pp. 130–137.*

Статья поступила в редакцию: 28.09.2025

Received: 28.09.2025

Статья принята к публикации: 28.11.2025

Accepted: 28.11.2025

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ И ФОРМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Максуров Алексей Анатольевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: maxurov78@yandex.ru

¹Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Предметом настоящего исследования стали особенности различения случаев злоупотребления правом в рамках производства о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц. Автор использует логический прием классификации, позволяющий системно взглянуть на обычно предлагаемое хаотичное определение форм (видов) злоупотребления правом при банкротстве. Исследуются вопросы соотношения формы и содержания в контексте злоупотребления правом как особого вида поведения. В результате автор предлагает рассматривать виды злоупотребления правом при банкротстве вне отрыва данного вида неправомерного поведения от его вредных результатов. В работе подвергнуты критике как позиции исследователей, отождествляющих формы и виды злоупотребления правом при банкротстве, так и мнения ученых, которые данные понятия различают, однако не всегда по правильным основаниям, либо делают из такого различия неверные выводы. Обосновывается необходимость выделения шести форм (типов) злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, которые исследователь отличает от видов злоупотребления правом. Им приведены новые доводы в защиту представленных в доктрине классификаций злоупотребления правом при банкротстве, а также предложены дополнения к данным классификациям. Эти дополнения предполагают возможные изменения в гражданском законодательстве, направленные на защиту интересов участников дела о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, иных заинтересованных лиц, государства и общества в целом от неправомерного поведения, выражающегося в злоупотреблении правом.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: злоупотребление правом, банкротство, несостоятельность, шикана, сделка, нарушение прав, защита добросовестных лиц, правомерное поведение

CLASSIFICATION OF TYPES AND FORMS OF ABUSE OF RIGHTS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF LEGAL ENTITIES

Maksurov A.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: maxurov78@yandex.ru

¹P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The subject of this study is the specificities of distinguishing cases of abuse of rights in the framework of insolvency (bankruptcy) proceedings of legal entities. The author uses a logical classification technique that provides a systematic look at the usually proposed chaotic definition of forms (types) of abuse of law in bankruptcy. The issues of the relationship between form and content in the context of abuse of rights as a special type of behavior are investigated. As a result, the author suggests considering the types of abuse of law in bankruptcy without separating this type of misconduct from its harmful results. The work criticizes both the positions of researchers who identify forms and types of abuse of rights in bankruptcy and the opinions of scientists who distinguish between these concepts, but not always on the right grounds, or draw incorrect conclusions from such distinctions.

The need to distinguish six forms (types) of abuse of rights in bankruptcy of legal entities, which are distinguished from types of abuse of rights, is substantiated. New arguments are presented to support the classification of abuse of law in bankruptcy as proposed in the doctrine, as well as additional classifications. These additions should include possible changes in civil legislation aimed at protecting the interests of participants in the insolvency (bankruptcy) case of legal entities, other interested parties, the State and society as a whole from misconduct resulting in abuse of law.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: abuse of rights, bankruptcy, insolvency, chicane, transaction, violation of rights, protection of bona fide persons, lawful conduct

Введение

Удовлетворяя собственные имущественные (а в ряде случаев и иные) интересы, представители должника (органы управления и учредители), его трудовой коллектив, его кредиторы, уполномоченные органы и третьи лица нередко используют принадлежащие им субъективные права вопреки их назначению, принося вред другим лицам, то есть злоупотребляют правом.

Вместе с тем, в науке до настоящего времени не выработано единой согласованной концепции злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, а при отсутствии четких законодательных ориентиров само ее создание также находится под вопросом [1, с. 90; 2, с. 23]. Более того, пока еще отсутствует разделяемая большинством авторов логически непорочная и «стройная» дефиниция понятия «злоупотребление правом», а подход к легальному определению этого понятия в законе оставляет желать лучшего [3, с. 85]. В результате нет и единства мнений относительно разновидностей злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, а также способах противодействия им на различных стадиях (процедурах) несостоятельности (банкротства) с учетом специфики данных стадий (процедур) [4, с. 110].

В литературе неоднократно обращалось внимание на множественность и разнообразие проявлений злоупотребления правом в разных сферах юридической практики, например, применительно к практике согласования (координации) интересов участников дела о банкротстве [5, с. 52; 6, с. 57; 7, с. 140], с точки зрения использования процедур медиации в имущественных спорах [8, с. 22; 9, с. 28; 10, с. 33], в рамках отдельных аспектов деятельности по административному расследованию [11, с. 315; 12, с. 32; 13, с. 1090], в сфере гражданского исполнительного права [14, с. 53; 15, с. 191], в области контрольно-надзорной деятельности по делам о несостоятельности [16, с. 65], обеспечения взаимодействия органов власти и их должностных лиц при банкротстве предприятий [17, с. 16] и т.д., однако и в этих случаях не наблюдается единства мнений по поводу отграничения отдельных видов злоупотребления правом друг от друга. По этой причине упорядочение сведений об основных случаях (формах, видах) злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц будет отвечать требованиям системности исследования правовых явлений и способствовать применению структурного и функционального подходов к уяснению содержательных характеристик данного понятия, то есть будет полезным как в научных, так и в практических целях.

Целью исследования в данном случае выступает создание алгоритма различения основных видов (форм) злоупотребления правом при банкротстве.

Достижение цели работы стало возможным путем применения метода системного анализа, методов и приемов формальной логики, обобщения и анализа юридической практики. Однако основным методом выступил логический метод классификации, который, по сути, выступает частным случаем индукции как общенаучного метода познания.

Именно классификация позволяет упорядочить существующие сведения о проявлении свойств различных видов и форм злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц. Она предполагает разделение проявлений злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц *на виды* в широком смысле этого слова. Такого рода деление вызвано объективной необходимостью и полностью основано на положениях гражданского законодательства и юридической доктрине.

Как известно, в юридической науке сегодня используются различные виды классификаций, причем как естественные (по сущностному признаку), так и искусственные (по произвольно взятому признаку) классификации. Представляется, что и те и другие классификации с определенными допущениями применимы и в отношении проявлений злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц. Очевидно, тем не менее, что не всякие классификации злоупотреблений правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц могут быть познавательны и интересны в теоретическом и (или) практическом смысле. При этом очень многое в части полноты классификации, ее правильности зависит от выбора критерия (основания) деления классифицируемых предметов на виды.

Критика отождествления «формы» и «вида» злоупотребления правом

Исходными категориями для проведения научно обоснованной классификации выступают понятия «форма злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц» и «вид злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц», причем единства мнений по поводу содержательных характеристик данных понятий в юридической литературе не имеется. По указанному вопросу мнения ученых разделились по меньшей мере на несколько групп.

Представители первой группы ученых в той или иной степени отождествляют формы и виды злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц. Такое отождествление в некоторой мере объясняется социальным функционалом злоупотребления правом как особого типа поведения [18, с. 122] и основано на принципиальном требовании правомерного поведения в социуме, выражающегося в тех или иных формах [19, с. 62].

Например, А.В. Волков предлагает считать формы злоупотребления правом некоторыми объединенными классами или разновидностями [20, с. 322]. Нельзя сказать, что в его работах категории «форма» и «вид» однозначно смешиваются. Скорее, речь идет о неоправданном словоупотреблении («форма» – «разновидность» – «вид»). Кроме того, выделение некоторых классов злоупотреблений правом, объединенных отдельными общими признаками и не сводимых к конкретным злоупотреблениям, позволяет говорить о попытке типологии.

Еще дальше идет А.Ю. Белоножкин, который понимает формы злоупотребления правом как способы выражения содержания злоупотребления, однако, при ближайшем рассмотрении, речь также идет об отсутствии значительных различий между формами и способами (видами отражения содержания) [21, с. 162]. Однако и указанный исследователь не говорит о равенстве характеристик формы и способа как отражения содержания злоупотребления правом (как вида злоупотреблений) – здесь, видимо, имеет место соотношение формы и содержания (в качестве содержания выступает вид).

Необходимо отметить, что именно таким же образом рассуждают и специалисты в области обеспечения экономической безопасности [22, с. 14], также отождествляются виды и формы уголовно наказуемого злоупотребления правом в уголовном праве [23, с. 19; 24, с. 16].

Разумеется, сами понятия формы и содержания относительно. Диалектическую позицию в трактовке соотношения формы и содержания достаточно четко выражают следующие положения: неразрывность содержания и формы; неоднозначность связи; противоречивость единства; оптимальность развития – при соответствии формы содержанию, содержания – форме. Именно с таких позиций следует исходить при анализе формы и содержания злоупотреблений права.

Форма и содержание неразрывны в том смысле, что нет ни одной материальной системы, у которой не было бы содержания и формы: форма содержательна, содержание оформлено; одно без другого не существует. Это полностью справедливо и для злоупотребления правом, содержание которого не может существовать без надлежащего оформления, но в тоже время не могут существовать и формы злоупотребления правом, ненаполненные ее конкретным содержанием. Но одно и то же содержание может иметь разные формы, а может быть и иначе: одна и та же форма злоупотребления правом может иметь различное содержание. Кроме того, внутри формы и содержания порой возникают разнонаправленные тенденции: у содержания злоупотребления правом преобладает тенденция к изменениям, у формы – тенденция к устойчивости. Содержание более «чувствительно» к изменениям внешней среды, в том

числе и по причине психологического фактора в оценке согласования поведения заинтересованных субъектов в деле о банкротстве [25, с. 90]. Форма же изменяется медленно, только после того, как этого потребует изменившееся содержание, притом, что существуют рамки для изменения формы, обусловленные ее качеством.

Следствие смешения понятий «форма» и «вид» злоупотребления правом

Смещение категорий «форма» и «вид» злоупотребления правом сказывается на проводимых учеными классификациях форм и видом, где, в ряде случаев, деление на виды рассматривается как деление по формам и наоборот, а нередко предлагаются и некоторые «сборные» классификации, в рамках которых виды и формы выделяются одновременно.

Так, например, А.А. Малиновский выделяет виды и формы злоупотребления правом исходя из отрасли права, в которой предусмотрены права, ставшие предметом злоупотребления (гражданского, семейного, трудового и других отраслей права), с точки зрения субъекта злоупотребления (организация или гражданин и проч.), по характеристикам субъективной стороны (вызвано злоупотребление правом умыслом или неосторожностью) [26, с. 48]. Еще более развернутую классификацию предлагает А.В. Волков, который, в числе прочего, предлагает выделять виды злоупотребления правом по стоящим перед управомоченным лицом целям (это может быть причинение вреда другим лицам, наступление благоприятных для правообладателя последствий в силу прекращения обязанностей или возникновения прав, целью может быть и стремление избежать (уклониться) выполнения своих обязанностей, воспрепятствовать реализации субъективных прав кредиторов на их защиту и восстановление) и с точки зрения юридических актов, положениями которых злоупотребляет управомоченное лицо (нормы закона и подзаконного акта, условия договора) [27, с. 295]. В.И. Крусс выделяет также виды злоупотребления правом с позиций сфер проявления (злоупотребление правом может иметь место в национальной правовой системе, в сфере международного права, в трансграничной сфере), с точки зрения вида права: личностные (ненадлежащее пользование правами и свободами человека и гражданина либо ненадлежащее выполнение конституционных обязанностей) и публично-властные (ненадлежащее осуществление публично-властных полномочий, прямо или косвенно сопряженное с неконституционным опосредованием прав, свобод и обязанностей человека и гражданина) [28, с. 84]. Д.А. Токарев пишет также о возможности выделять виды злоупотреблений исходя из правового статуса злоупотребляющего правом субъекта, в связи с чем это может быть злоупотреблением правами индивидуальными или коллективными субъектами, причем они также могут обладать различными правовыми статусами (общим, специальным или индивидуальным) [29, с. 24].

Вместе с тем, К.И. Гурылева, анализируя приведенные выше авторские позиции, указывает, что в одних случаях речь идет о делении на формы злоупотребления правом, тогда как в других – о делении злоупотребления правом на виды. По ее мнению, форма – это способ злоупотребления правом, тогда как виды злоупотребления правом – это объединенные общими характерными признаками группы злоупотреблений [30, с. 96].

По всей видимости, критика К.И. Гурылевой является обоснованной, так как принципиальное или фактическое отождествление видов и форм злоупотребления правом не способствуют уяснению правового смысла выделения классово обособленных случаев злоупотребления правом.

Различение «формы» и «вида» злоупотребления правом не всегда достаточно обоснованно

Другие исследователи все-таки поддерживают различие видов и форм злоупотребления правом, однако делают это исходя из особенностей собственных методологических позиций.

Так, часть авторов указывает на то, что формы злоупотребления правом можно подразделять лишь применительно к типам недобросовестного поведения, указанным в статье Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [31]. Например, Д.О. Османова полагает, что злоупотребление правом при несостоятельности является «иной формой недобросовестного поведения», непоимено-

ванной в законе [32, с. 8]. Ей активно возражает К.И. Гурылева, указывая, что такой подход не соответствует устоявшейся в доктрине позиции о том, что иное заведомо недобросовестное поведение, наряду с обходом закона с противоправной целью и шиканой, является формой злоупотребления правом. Кроме того, по ее мнению, выделять формы злоупотребления правом исходя из отношений, в которых они имеют место, не придает такой классификации научного и практического смысла, поскольку тогда иными формами можно признать злоупотребление корпоративным правом, злоупотребление трудовым правом и так далее [30, с. 97]. С таким выводом можно согласиться [33, с. 71].

Значительная группа авторов четко различает форму и содержание злоупотреблений в праве вообще и злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, в частности, исходя из философского понимания взаимоотношения «формы» и «содержания».

В данном случае представители юридической науки акцентируют внимание на категории «форма» как изначальной исследовательской категории с учетом того, что понятие формы в философии многозначно. Чаще всего, однако, под формой понимается способ внешнего выражения содержания, иногда при этом указывается, что форма к тому же есть относительно устойчивая определенность связи элементов содержания и их взаимодействия, тип и структура содержания. Под «формой» также понимается внутренняя организация, способ связи элементов внутри системы, однако, в данном случае понятие формы совпадет с понятием структуры.

Форма как элемент структуры злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц представляет собой как способ внешнего выражения содержания, так и относительно устойчивую определенность связи элементов содержания и их взаимодействия, тип и структуру содержания, внутреннюю организацию, способ связи элементов внутри системы.

Следствие различения внешней и внутренней формы поведения

Следует согласиться с теми авторами, которые выделяют внутреннюю и внешнюю форму правового поведения [34, с. 71]. Именно с таких позиций целесообразно рассматривать и форму злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц. Внешняя и внутренняя форма злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц присутствуют в любом недобросовестном поведении, взаимно дополняют одна другую и должны находиться в положении соответствия, иначе такое поведение нельзя будет назвать злоупотреблением правом.

Так, П.А. Избрехт указывает, что форма правового явления – это его внешнее выражение в материальном мире, позволяющее отличать его от смежных категорий, тогда как вид правового явления сводится к установлению видовых, отличных от родовых, признаков правового явления [35, с. 116].

В последних работах форма и вид злоупотребления правом, как правило, различаются схожим образом.

В частности, К.И. Гурылева называет формы злоупотребления правом участниками дела о несостоятельности внешним выражением содержания злоупотребления правом. По ее мнению, они могут быть классифицированы в зависимости от: 1) намерений сторон – в двух формах: шикана и злоупотребление правом, совершенное с намерением получить необоснованные преимущества; 2) содержания действий по осуществлению права: действия в обход закона с противоправной целью и недобросовестное осуществление права; 3) последствий; 4) способов злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве). В свою очередь тот же автор выделяет виды злоупотребления правом в деле о банкротстве, во-первых, в зависимости от субъектов, осуществляющих право (лицами, участвующими в деле о банкротстве или в арбитражном процессе по делу о банкротстве, иными лицами, не относящимися ни к первой, ни ко второй из названных категорий, но которые могут быть допущены в соответствии с АПК РФ или Законом о банкротстве (например, участники торгов, контролирующие должника лица, созданные в результате замещения активов должника компании и иные)); во-вторых, в зависимости от субъекта, чьи интересы преследуются (в интересах злоупотребляющего лица, в интересах иных лиц); в-третьих, в зависимости от права, которым субъект злоупотребляет (в частности, злоупотребление правом на инициирование процедуры банкротства, на голосование по вопросам повестки дня, на со-

зывает и проведение собрания кредиторов, на участие в торгах); в-четвертых, в зависимости от процедуры банкротства; в-пятых, в зависимости от отдельных мероприятий, реализуемых в банкротстве (злоупотребление правом при замещении активов, при реализации имущества должника, при заключении и исполнении мирового соглашения, при организации и проведении собрания кредиторов); в-шестых, в зависимости от субъектов, которых затронули последствия злоупотребления правом (злоупотребление правом, повлекшее последствия только в отношении злоупотребляющего субъекта, в отношении третьих лиц, для злоупотребляющего субъекта и для третьих лиц) [30, с. 107].

Д.О. Османова указывает, что виды злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) как проявление содержания недобросовестного поведения, реализуются посредством определенной формы такого поведения при банкротстве. Ею предлагается выделять такие формы злоупотреблений при банкротстве, как: 1) сделка (универсальная форма); 2) вывод активов; 3) манипулирование механизмом торгов; 4) акт недобросовестной конкуренции; 5) погашение задолженности третьим лицом; 6) манипулирование преимущественным правом; 7) преднамеренное банкротство; 8) контролируемое банкротство [32, с. 8], хотя, например, вывод активов возможен как раз путем сделки, а фиктивное банкротство автором в числе возможных форм злоупотребления правом по каким-то причинам указано не было.

Все-таки принципиально такое деление будет верным, хотя некоторые предложенные К.И. Гурyleвой и Д.О. Османовой классификации выглядят надуманными с точки зрения оснований, не упоминающихся в качестве самостоятельных в контексте законодательства о ликвидации юридических лиц путем банкротства [36, с. 105].

Типы и виды злоупотребления правом

В этой связи представляется, что в статье 10 ГК РФ названы типы недобросовестного поведения, которые могут быть признаны судом злоупотреблением правом, и в которых отражен механизм (средства, способы, стадии и т.п.) злоупотребления правом, а наименование обхода закона или шиканы «формами злоупотребления правом» (с помощью отсылки к «иным формам») логически и лексически не верно. «Форма» в понимании законодателя – это совокупность средств, способов, стадий, субъектов, объекта и предмета, юридических и фактических связей между субъектами и других элементов структуры злоупотребления правом, существенно отличающаяся по этим элементам структуры от других совокупностей таких (схожих, подобных) элементов.

Виды злоупотребления правом, в свою очередь, характеризуют не конкретный тип злоупотребления, а выделяются по иным показателям. Виды могут быть разновидностями реализации в реальной действительности того или иного типа злоупотребления правом, но существуют и типы злоупотребления правом, которые невозможно подразделить на виды.

Таким образом, существуют типы (или, в контексте статьи 10 ГК РФ, формы) злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, к числу которых следует отнести: 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); 2) действия в обход закона с противоправной целью, а также иные формы (типы) заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав, среди которых можно указать на 3) злоупотребление правом, совершенное с намерением получить необоснованные преимущества при отсутствии признаков обхода закона; 4) злоупотребление правом, совершенное с намерением обеспечить реализацию иных прав при отсутствии признаков обхода закона; 5) злоупотребление правом, совершенное с намерением избежать ответственности и издержек при отсутствии признаков обхода закона; 6) злоупотребление правом, совершенное с намерением обеспечить интересы, лежащие за пределами дела о банкротстве.

Соответственно, виды злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц выделяются вне зависимости от формы (типа) злоупотребления правом: иногда на виды могут быть подразделены ситуации, которые охватываются только одной формой (типом) злоупотребления правом, но, чаще всего, можно говорить о выделении видов по основаниям, никак не связанным с формой (типом) злоупотребления правом. В этой связи за основу может быть принята классификация, предложенная К.И. Гурyleвой, приведенная в работе выше, однако эта классификация может быть дополнена, поскольку,

например, можно выделять различные виды злоупотреблений правом по делам о несостоятельности (банкротстве) в зависимости от объекта (предмета) отношений, в рамках которых происходит злоупотребление правом, с точки зрения процедуры банкротства, на которой происходит злоупотребление правом, с позиций не осуществляемого субъективного права, а юридической обязанности, которая должна быть исполнена участником правовых отношений несостоятельности или дела о банкротстве. Злоупотребление правом может быть материальным, процессуальным и смешанным, оно может иметь место до возбуждения процедуры банкротства (совершение сделок, направленных на вывод активов) или после его возбуждения (уменьшение стоимости активов), быть направленным на получение преимуществ или уменьшение затрат. К недобросовестному поведению могут быть отнесены как действия, связанные с осуществлением права, так и действия, направленные на отказ от его осуществления, если такие действия причиняют вред другим лицам (отказ от наследства, который уменьшает конкурсную массу и вероятность удовлетворения интересов кредиторов). Интерес лица, злоупотребляющего правом, также может быть имущественным и неимущественным.

Между тем, виды злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц имеют вторичное значение сравнительно с формой (типом) такого злоупотребления.

Заключение

Представляется, что в научно-практических целях целесообразна систематизация сведений о конкретных случаях злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц при наличии некоторых общих признаков в частных ситуациях недобросовестного поведения. Эту задачу призван решить логический прием классификации, благодаря которой можно не только упорядочить сведения об имевших место случаях злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, но и предусмотреть возможность новых способов (средств, действий и операций и проч.) злоупотребления правом в указанной сфере, получив, таким образом, новое знание о предмете исследования.

Классификация случаев злоупотребления правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц на виды имеет огромное значение как для систематизации юридических знаний о юридических связях, так и для детализированного научного анализа этих правовых явлений. В частности, всесторонняя и полная классификация злоупотреблений правом при несостоятельности (банкротстве) юридических лиц поможет систематизировать сведения о них, что станет подспорьем для последующего правотворчества и правосистематизационной практики, применения норм права и их толкования, контрольно-надзорной юридической деятельности.

Следует отметить и то, что результаты использования классификации как логического метода исследования могут быть положены в основу других логических методов и приемов, например, метода сравнения. В свою очередь, путем сравнения устанавливается тождество или различие исследуемых объектов путем их сопоставления и нахождения сходств и различий. Данный метод может оказать существенную помощь при отграничении категории «злоупотребление правом» от смежных правовых явлений, а также при конструировании понятий и категорий в системе права и в других подобных случаях. В указанном смысле практическую значимость классификации будет иметь определение взаиморасположения, сходства и различия классифицируемых предметов, уточнение функционала классифицируемых правовых явлений.

В юридической науке принято, с опорой на положения пункта 1 статьи 10 ГК РФ, проводить классификации форм и видов злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц. По поводу возможных классификационных оснований и пределов деления в юридической литературе представлены различные позиции ученых. Наиболее верной из них представляется различение классификаций форм и классификаций видов злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц с учетом принятого в философии порядка взаимоотношений содержания и формы. Виды в данном случае будут выступать проявлением вонне содержания злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, а формы, которые правильнее именовать «типами» злоупотреблений правом, – упорядоченными совокупностями способов, средств, действий и операций, стадий их осуществления, субъектов, объекта и

предмета, юридических и фактических связей между субъектами, и других элементов структуры злоупотребления правом, существенно отличающихся по этим элементам структуры от других совокупностей таких (схожих, подобных) элементов.

Предлагается рассматривать, по меньшей мере, шесть форм (типов) злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц, к числу которых относятся: 1) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана); 2) действия в обход закона с противоправной целью, а также иные формы (типы) заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав, среди которых можно указать на 3) злоупотребление правом, совершенное с намерением получить необоснованные преимущества при отсутствии признаков обхода закона; 4) злоупотребление правом, совершенное с намерением обеспечить реализацию иных прав при отсутствии признаков обхода закона; 5) злоупотребление правом, совершенное с намерением избежать ответственности и издержек при отсутствии признаков обхода закона; 6) злоупотребление правом, совершенное с намерением обеспечить интересы, лежащие за пределами дела о банкротстве. В третьем, четвертом и пятом случаях речь обычно идет о сделке.

В выделении видов злоупотребления правом при банкротстве юридических лиц следует ориентироваться на приведенную в работе классификацию, предложенную К.И. Гурылевой, как наиболее полную и развернутую из существующих классификаций. В работе сделаны предложения по дополнению данной классификации.

Список литературы

1. *Карташов В.Н.* Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 89–94.
2. *Карташов В.Н.* Механизм координационного регулирования // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С. 21–25.
3. *Таланова М.В.* Юридическое проектирование координационных процессов // Право и бизнес: сб. статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / М.Ю. Абрамкина, М.Г. Абрамова, А.А. Алпатов [и др.]; под ред. И.В. Ершовой. – Москва: Юрист, 2012. – С. 80–87.
4. *Таланова М.В.* Эффективность норм частного права / Частноправовые отношения в условиях глобализации // Saarbrüchen: Lambert academic publishing. – 2012. – Ч. 1. – Гл. 7. – С. 109–116.
5. *Карташов В.Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. – Тамбов, 2011. – С. 50–55.
6. *Кивленок Т.В.* Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. научных трудов. – Владимир: ВГПУ. – 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.
7. *Макаров И.И.* Координация в праве. – Ярославль: ЯФ МФЮА, 2012. – 314 с.
8. *Таланова М.В.* К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. – 2012. – № 10. – С. 19–26.
9. *Таланова М.В.* Политическая функция медиативной юридической практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С. 23–32.
10. *Таланова М.В.* Экономическая функция медиативной юридической практики // Законодательство и экономика. – 2011. – № 11. – С. 32–39.
11. *Терехова А.В.* Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 311–323.
12. *Терехова А.В.* Доверие к органам административной юрисдикции в расследованиях несчастных случаев и в практике назначения административного наказания по делам об административных правонарушениях государственных нормативных требований охраны труда // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2024. – № 2. – С. 30–37.

13. Терехова А.В. Обязательность административных актов, изданных по результатам расследования несчастных случаев на производстве // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17(6). – С. 1088–1093.
14. Максуров А.А. Отсрочка или рассрочка исполнения судебных актов и актов других органов, изменение способа и порядка исполнения судебных актов и актов других органов // Юрист. – 2008. – № 6. – С. 53–54.
15. Гражданское исполнительное право / под ред. Власова А.А. – Москва: Экзамен, 2004. – 430 с.
16. Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ: материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). – 2005. – Вып. 6. – Ч. 1. – С. 64–67.
17. Мельников Ю.И. Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция / под ред. Ю.И. Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семеновой. – Ярославль. – 2003. – Вып. 1. – С. 15–18.
18. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. науч. тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. – Кострома, 2007. – С. 121–125.
19. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. научных трудов. – Владимир, 2002. – С. 59–64.
20. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2010. – С. 322.
21. Белоножкин А.Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. – С. 162.
22. Баранов В.М., Карташов В.Н. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.
23. Уколова Ю.А. При каких обстоятельствах невозвращение кредита может повлечь уголовную ответственность? // Юридический справочник руководителя. – 2009. – № 11. – С. 17–23.
24. Максуров А.А. Об уголовной ответственности должника по невыполненным денежным обязательствам // Вопросы экономики и права. – 2010. – № 20. – С. 15–17.
25. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – Москва: РГГУ. – 2007. – С. 89–94.
26. Малиновский А.А. Злоупотребление правом (основы концепции). – Москва, 2000. – С. 48–49.
27. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... д-р юрид. наук. – Москва, 2010. – С. 294–301.
28. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учебное пособие. – Москва: Норма, 2010. – С. 84–85.
29. Токарев Д.А. Злоупотребление правом. Межотраслевой подход, обзор диссертационных исследований. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2012. – С. 24–25.
30. Гурьева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации и меры противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2022. – С. 96.
31. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
32. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – С. 8.
33. Максуров А.А. Банкротство банка // Банковское дело. – 2009. – № 4. – С. 71–72.
34. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989. – С. 70–71.
35. Избрехт П.А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 116.
36. Максуров А.А. Регистрация и ликвидация юридических лиц. – Москва: Русайнс, 2021. – 146 с.

References

1. *Kartashov V.N.* Coordination legal practice of state bodies: a look at the problem of efficiency // Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage. Coll. sci. Proc. of the 5th Interuniversity scientific-practical. conf. / Ed. prof. G.G. Bril. – Kostroma, 2007. – Pp. 89–94.
2. *Kartashov V.N.* Mechanism of coordination regulation // Bulletin of the scientific work of the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Issue 3. Part 8. Issues of the theory and history of state. and law / Ed. P.A. Kabanov. – Nizhnekamsk, 2001. – Pp. 21–25.
3. *Talanova M.V.* Legal design of coordination processes // Law and business: collection of articles of the 1st annual international scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of Professor V.S. Martemyanov / M.Yu. Abramkina, M.G. Abramov, A.A. Alpatov et al. Ed. by I.V. Ershova – Moscow: Jurist, 2012. – Pp. 80–87.
4. *Talanova M.V.* Effectiveness of private law norms / Private law relations in the context of globalization // Saarbrüchen: Lambert academic publishing. – 2012. – Part 1. – Chapter 7. – Pp. 109–116.
5. *Kartashov V.N.* On the concept of coordination legal tactics // Development of youth legal science in the modern world. Coll. of scientific papers. Based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference on May 15, 2011. – Tambov, 2011. – Pp. 50–55.
6. *Kivlenok T.V.* Legal act as an external form of coordination activity // Actual problems of jurisprudence. Collection of scientific papers. – Vladimir: VSPU. – 2002. – Issue. 3. – Pp. 54–58.
7. *Makarov I.I.* Coordination in law. – Yaroslavl: Yaroslavl Faculty of Finance and Law. 2012. – 314 p.
8. *Talanova M.V.* On the issue of classification of functions of mediation legal practice // Modern law. – 2012. – No. 10. – Pp. 19–26.
9. *Talanova M.V.* The political function of mediation legal practice // State power and local self-government. – 2012. – No. 1. – Pp. 23–32.
10. *Talanova M.V.* The economic function of mediation legal practice // Legislation and Economics. – 2011. – No. 11. – Pp. 32–39.
11. *Terekhova AV* Administrative discretion in the investigation of industrial accidents and administrative investigation of cases of violation of state regulatory requirements for labor protection // Siberian Legal Review. – 2024. – Vol. 21. – No. 3. – Pp. 311–323.
12. *Terekhova AV* Trust in administrative jurisdiction bodies in accident investigations and in the practice of imposing administrative penalties in cases of administrative violations of state regulatory requirements for labor protection // Electronic supplement to the “Russian Law Journal”. – 2024. – No. 2. – Pp. 30–37.
13. *Terekhova A.V.* Binding nature of administrative acts issued based on the results of the investigation of industrial accidents // J. of the Siberian Federal University. Humanities. – 2024. – No. 17(6). – Pp. 1088–1093.
14. *Maksurov A.A.* Deferral or installment plan for the execution of judicial acts and acts of other bodies, changing the method and procedure for the execution of judicial acts and acts of other bodies // Jurist. – 2008. – No. 6. – Pp. 53–54.
15. Civil enforcement law / Ed. by Vlasov A.A. – Moscow: Exam, 2004. – 430 p.
16. *Postnov A.S.* Control and supervision as factors in increasing the efficiency of coordination practice // Russian law during the period of social reforms. Proceedings of the conference of students, graduate students, applicants and young legal scholars (Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004). – Iss. 6. – Part 1. – 2005. – Pp. 64–67.
17. *Melnikov Yu.I.* Forms of coordination interaction in law: Coordination seminar // Bulletin of scientific works of the Yaroslavl branch of the Moscow Financial and Law Academy. Jurisprudence / Ed. by Yu.I. Melnikov, A.A. Maksurov, G.V. Semenova. – Yaroslavl, 2003. – Issue 1. – Pp. 15–18.
18. *Bril' G.G.* Little-studied general social functions of coordination legal practice // Actual problems of the theory and history of law and state at the present stage. Coll. sci. Proc. of the 5th Interuniversity Scientific and Practical Conf. / Ed. by prof. G.G. Bril'. – Kostroma, 2007. – Pp. 121–125.
19. *Frolov S.E.* Principles of coordination activities // Actual problems of jurisprudence: collection of scientific papers. – Vladimir, 2002. – Pp. 59–64.
20. *Volkov A.V.* Abuse of civil rights: problems of theory and practice: Diss. ... Doctor of Law. – Moscow, 2010. – P. 322.

21. *Belonozhkin A.Yu.* Content and forms of abuse of subjective civil rights: Diss. ... Cand. of Law. – Volgograd, 2005. – P. 162.
22. *Baranov V.M., Kartashov V.N.* The main shortcomings of the coordination practice to ensure the economic security of the Russian Federation at the present stage // Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, practice of provision. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2006. – No. 6. – Pp. 11–15.
23. *Ukolova Yu.A.* Under what circumstances can failure to repay a loan result in criminal liability? // Legal reference book of the manager. – 2009. – No. 11. – Pp. 17–23.
24. *Maksurov A.A.* On the criminal liability of the debtor for unfulfilled monetary obligations // Questions of Economics and Law. – 2010. – No. 20. – Pp. 15–17.
25. *Chernetsov V.Yu.* Psychological approach to the study of the problems of coordination legal practice // Legislation and law enforcement in the Russian Federation. Reports and communications of the VII international scientific conference, Moscow, April 17, 2007. – Moscow: RSUH, 2007. – Pp. 89–94.
26. *Malinovsky A.A.* Abuse of law (basics of the concept). – Moscow, 2000. – Pp. 48–49.
27. *Volkov A.V.* Abuse of civil rights: problems of theory and practice: Diss. ... Doctor of Law. – Moscow, 2010. – Pp. 294–301.
28. *Kruss V.I.* Abuse of law: a tutorial. – Moscow: Norma, 2010. – Pp. 84–85.
29. *Tokarev D.A.* Abuse of law. Inter-industry approach, review of dissertation research. – Volgograd: VolgGASU, 2012. – Pp. 24–25.
30. *Guryleva K.I.* Abuse of law by subjects of insolvency (bankruptcy) relations: problems of qualification and countermeasures: Diss. Cand. Sci. (Law). – Moscow, 2022. – P. 96.
31. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 01/26/1996 No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
32. *Osmanova D.O.* Abuse in insolvency (bankruptcy): Abstract of Cand. Sci. (Law). – Moscow, 2018. – P. 8.
33. *Maksurov A.A.* Bankruptcy of a bank // Banking. – 2009. – No. 4. – Pp. 71–72.
34. *Kartashov V.N.* Legal activity: concept, structure, value. – Saratov, 1989. – Pp. 70–71.
35. *Izbrecht P.A.* Abuse of civil rights in the sphere of entrepreneurial activity: Diss. ... Cand. of Law. Sciences. – Ekaterinburg, 2005. – P. 116.
36. *Maksurov A.A.* Registration and liquidation of legal entities. – Moscow: Rusains, 2021. – 146 p.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025

Received: 11.08.2025

Статья принята к публикации: 01.10.2025

Accepted: 01.10.2025

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ВОСПОЛНЕНИИ ПРОБЕЛОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ)

Епифанов Александр Егорович¹,

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

¹Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Статья посвящена исследованию судебной практики как одного из наиболее значимых инструментов преодоления пробелов в уголовном праве. Рассматриваются историко-правовые и теоретико-правовые основы института пробелов, их соотношение с аналогией закона и аналогией права, а также специфика судебного толкования в условиях необходимой реализации принципа законности. Особое внимание уделено историческим этапам формирования роли судебной практики в России – от дореволюционного периода толкования законов Сенатом до современной практики Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Анализируется влияние постановлений Пленума Верховного Суда РФ на восполнение пробелов в регулировании новых видов преступности, включая киберпреступления и экстремизм. Сделан вывод о двойственной природе судебной практики в уголовном праве: с одной стороны, она обеспечивает правовую определенность и восполнение законодательных лакун, с другой – порождает риски «судебного правотворчества» и размывания принципа законности.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: уголовное право, пробел в праве, судебная практика, аналогия закона, аналогия права, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, судебное толкование

THE ROLE OF JUDICIAL PRACTICE IN FILLING GAPS IN CRIMINAL LAW (ISSUES OF THEORY AND HISTORY)

Yepifanov A.E.¹,

Doctor of Legal Sciences, Professor,

e-mail: mvd_djaty@mail.ru

¹Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia

The article is devoted to the study of judicial practice as one of the most significant instruments for overcoming gaps in criminal law. Theoretical and legal foundations of legal gaps, their correlation with the analogy of statute and the analogy of law, as well as the specifics of judicial interpretation in the context of the principle of legality are considered. Particular attention is paid to the historical stages of the forming of the role of judicial practice in Russia — from the pre-revolutionary interpretation of laws by the Senate to the modern practice of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. The impact of the Supreme Court Plenum resolutions on filling gaps in the regulation of new types of crime, including cybercrime and extremism, is analyzed. It is concluded that judicial practice in criminal law has a dual nature: on the one hand, it ensures legal certainty and fills legislative lacunae, and on the other hand, it entails the risks of “judicial law-making” and blurring of the principle of legality.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: criminal law; gap in law; judicial practice; analogy of statute; analogy of law; Supreme Court of the Russian Federation; Constitutional Court of the Russian Federation; judicial interpretation

Пробел в уголовном праве традиционно определяется как отсутствие необходимой уголовно-правовой нормы при наличии общественного отношения, требующего регулирования. В отличие от коллизии, когда речь идет о противоречии между нормами, пробел означает пустоту в системе права. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что уголовное законодательство должно обеспечивать должную определенность, позволяющую каждому субъекту предвидеть последствия своих действий [1, с. 7].

В современном российском праве базовым ориентиром выступает принцип законности, закрепленный в ст. 3 УК РФ¹ и в ст. 54 Конституции РФ². Согласно указанным положениям, никто не может нести уголовную ответственность за деяние, которое на момент его совершения не признавалось преступлением. Запрещается применение закона по аналогии, что прямо отражено в ч. 2 ст. 3 УК РФ. Таким образом, восполнение пробелов не может происходить путем создания новых составов преступлений или расширительного толкования в ущерб лицу, привлекаемому к ответственности.

На доктринальном уровне проблема пробелов в уголовном праве активно разрабатывалась до-революционными и современными исследователями. Н.С. Таганцев отмечал, что пробелы в уголовном праве неизбежны, однако они должны устраняться исключительно через законодательное обновление, а не через судебное усмотрение [2, с. 67]. Современная наука также указывает на ограниченность судебного усмотрения в условиях действия принципа законности [3, с. 35].

Тем не менее судебная практика фактически выступает инструментом восполнения пробелов [4, с. 140]. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя и не имеют формально нормативного характера, обладают обязательной силой для нижестоящих судов (ст. 126 Конституции РФ; ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»³).

Верховный Суд РФ, давая разъяснения по вопросам судебной практики, конкретизирует содержание норм уголовного права и устраняет неопределенность, которая фактически является проявлением пробела [5, с. 22].

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами» разъясняются вопросы квалификации действий по ст. 228–234 УК РФ⁴. В отсутствие четкой законодательной регламентации критериев разграничения «значительного», «крупного» и «особо крупного» размера наркотиков именно судебная практика обеспечивает правовую определенность, восполняя соответствующий пробел в законе.

Аналогичный пример – Постановление Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»⁵. В нем разъяснены такие ключевые категории, как «экстремистские материалы», «возбуждение ненависти либо вражды», что устраняет неопределенность в их толковании и снижает риск произвольного применения.

Конституционный Суд РФ занимает последовательную позицию, согласно которой толкование уголовного закона допустимо лишь постольку, поскольку оно не приводит к расширению его действия и не ухудшает положение лица. Данный подход был закреплён ещё в Постановлении от 11 ноября 1997 г. № 16-П, где Суд подчеркнул, что принцип законности в уголовном праве предполагает необходимость строгого следования букве закона и исключает возможность произвольного или расширительного истолкования, способного повлечь негативные последствия для обвиняемого⁶.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

³ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 07.02.2014. – № 27.

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. – 28.06.2006. – № 137.

⁵ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) // Российская газета. – 04.07.2011. – № 142.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.1997 № 16-П // СЗ РФ. – 1997. – № 46. – Ст. 5339.

Эта правовая позиция получила подтверждение и в последующей практике. Так, в Определении от 4 апреля 2017 г. № 716-О Конституционный Суд указал, что законодательные нормы должны быть сформулированы достаточно определённо, чтобы их применение не порождало неопределённости и не допускало расширительного толкования, нарушающего конституционные гарантии прав личности⁷.

Таким образом, на теоретико-правовом уровне судебная практика выполняет двойственную функцию [6, с. 42]. С одной стороны, она выступает необходимым инструментом восполнения пробелов в целях обеспечения правовой определённости и единообразия правоприменения [7, с. 33]. С другой стороны, чрезмерная активность суда в данной сфере чревата риском «судебного правотворчества», что противоречит принципу разделения властей и конституционному запрету аналогии в уголовном праве [8, с. 131].

Понимание судебной практики как средства восполнения пробелов в уголовном праве в России складывалось постепенно и тесно связано с общей эволюцией принципа законности [9, с. 36]. Уже в дореволюционный период ученые отмечали, что отсутствие конкретной нормы закона нередко компенсировалось судебным толкованием. Как указывал Н.С. Таганцев: «Не может быть и речи о произвольном усмотрении суда, но именно судебное толкование наполняет уголовный закон содержанием в тех случаях, когда законодатель умолчал» [2, с. 69].

В Российской империи важнейшую роль в этом процессе играл Правительствующий Сенат. Согласно ст. 46 Учреждения Сената 1711 г. и последующим положениям законодательства, Сенат являлся высшим судебным органом, а его решения в порядке кассации и надзора имели обязательное значение для нижестоящих судов. Хотя формально судебный прецедент не был признан источником права, именно разъяснения Сената восполняли пробелы, возникавшие в применении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и других актов. Сенатские решения широко публиковались, что позволяло формировать относительно единообразную практику.

После Октябрьской революции и установления советской власти подход к судебной практике изменился. В условиях доминирования принципа социалистической законности формально отрицалась любая возможность судебного правотворчества. В ст. 3 УК РСФСР 1926 г. прямо закреплялось, что «применение уголовного закона по аналогии не допускается». Однако фактически в 1920–1930-е гг. суды и органы прокуратуры продолжали использовать аналогию и толкование для восполнения пробелов, особенно в условиях стремительной криминализации новых сфер общественных отношений. Примером является практика применения законодательства о контрреволюционных преступлениях (ст. 58 УК РСФСР 1926 г.), когда отсутствие четких дефиниций компенсировалось расширительным судебным толкованием [10, с. 36].

В дальнейшем, начиная с периода «оттепели», судебная практика вновь приобрела большее значение, однако её влияние ограничивалось рамками подзаконных разъяснений. Пленум Верховного Суда СССР издавал постановления, которые имели обязательный характер для судов. Эти акты, хотя и не признавались официальным источником уголовного права, фактически выполняли ту же функцию, что и сенатские толкования в дореволюционный период, – восполняли пробелы и уточняли содержание норм.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. и УК РФ 1996 г. роль судебной практики в уголовном праве существенно изменилась. Согласно ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд является высшим судебным органом по уголовным делам, обеспечивающим единообразное толкование законодательства. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» прямо закрепил обязанность Верховного Суда давать разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 5)⁸. Таким образом, судебная практика приобрела институционализованный характер.

Конституционный Суд РФ неоднократно выступал гарантом законности в сфере преодоления пробелов [11, с. 102]. В Определении от 4 апреля 2017 г. № 716-О КС РФ по жалобе гражданина Буданова Андрея Васильевича Суд подтвердил, что закон должен быть чётко сформулирован: примене-

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 716-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁸ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 07.02.2014. – № 27.

ние закона при отсутствии чёткости нормативной нормы недопустимо, поскольку нарушается принцип правовой определённости⁹.

Таким образом, эволюция российского права показывает закономерность: при официальном отрицании судебного правотворчества судебная практика всегда выполняла функцию восполнения пробелов. Сенат в дореволюционный период, Верховный Суд СССР в советский период и Верховный Суд РФ в современную эпоху фактически обеспечивали преодоление законодательных лакун. Если в XIX веке это было связано с недостаточной кодификацией, то в XXI веке судебная практика компенсирует сложности, связанные с новыми формами преступности – киберпреступлениями, экстремизмом, терроризмом.

Такое развитие позволяет говорить о преемственности в российской традиции: судебная практика, хотя и не закреплена в качестве источника уголовного права, выполняет компенсаторную функцию и становится необходимым элементом правовой системы.

Если говорить о современном этапе развития уголовного права России, то оно характеризуется активным вовлечением судебной практики в решение проблемы пробелов законодательства. Несмотря на закреплённый в ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации запрет применения уголовного закона по аналогии, именно деятельность Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ стала ключевым компенсаторным механизмом, обеспечивающим правовую определённость и предсказуемость применения закона [12, с. 219].

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что восполнение пробелов в уголовном праве возможно только при условии строгого соблюдения конституционных принципов законности и недопустимости ухудшения положения лица [13, с. 119].

Особая роль в преодолении пробелов принадлежит Верховному Суду РФ, полномочия которого закреплены в ст. 126 Конституции Российской Федерации и ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»¹⁰. Верховный Суд через постановления Пленума обеспечивает единообразное применение уголовного закона, устраняет неопределённость и формирует правовые ориентиры для нижестоящих судов. Несмотря на то, что такие акты формально не имеют нормативного характера, их обязательность для судов придаёт им фактическую силу источника права.

Таким образом, судебная практика в современной России выполняет важную компенсаторную функцию. Она обеспечивает единообразие применения закона, восполняет неопределённость в оценочных категориях и снижает риск произвольного усмотрения органов предварительного расследования и судов первой инстанции. В то же время в юридической науке сохраняется дискуссия о допустимости такого положения. А.И. Рарог справедливо указывает, что постановления Пленума Верховного Суда фактически обладают нормативным характером, хотя формально не являются законом, что ставит под сомнение их соответствие принципу разделения властей [14, с. 42].

Следовательно, судебная практика в уголовном праве России занимает промежуточное положение между традиционным толкованием и фактическим источником права. Она не создает новых норм, но восполняет пробелы в действующем законодательстве, формируя правовую определённость и обеспечивая предсказуемость применения уголовного закона.

Исследование роли судебной практики в восполнении пробелов в уголовном праве позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Российская правовая система традиционно формально включает возможность судебного правотворчества в уголовно-правовой сфере, закрепляя в ч. 2 ст. 3 УК РФ прямой запрет применения закона по аналогии и подтверждая этот принцип в ст. 54 Конституции РФ. Однако фактическое развитие судебной практики показывает, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ неизбежно выступают компенсаторными механизмами, обеспечивающими правовую определённость, конкретизацию оценочных категорий и единообразие применения норм уголовного законодательства.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 716-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

¹⁰ О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 07.02.2014. – № 27.

Анализ дореволюционного, советского и современного этапов развития демонстрирует устойчивую преемственность: судебные органы, будь то Сенат, Пленум Верховного Суда СССР или Верховный Суд РФ, в условиях законодательных лагун всегда брали на себя функцию устранения неопределённости. В современную эпоху это особенно значимо в связи с появлением новых форм преступности – киберпреступлений, экстремизма, терроризма, где законодатель нередко отстаёт от динамики общественных процессов.

Таким образом, судебная практика в уголовном праве России обладает двойственной природой. С одной стороны, она выступает необходимым инструментом восполнения пробелов, повышает предсказуемость правоприменения и укрепляет принцип правовой определённости. С другой стороны, чрезмерная активность судебных органов в толковании норм несёт риск подмены законодательной функции и размывания принципа законности. Научная новизна исследования заключается в выявлении этой противоречивой природы судебной практики и в акценте на необходимости баланса между допустимым судебным толкованием и недопустимым судебным правотворчеством.

Практическая значимость работы состоит в том, что её выводы могут быть использованы при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, а также при разработке доктрины пробелов в праве, которая позволит разграничить пределы судебного усмотрения и тем самым укрепить правовую определённую в уголовно-правовой системе.

Список литературы

1. *Честнов И.Л.* Пробелы в праве как разновидность неопределённости права: постклассическая интерпретация // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сб. научных трудов. – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – С. 2–20.
2. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 815 с.
3. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2022. – 816 с.
4. *Шахкелдов Ф.Г.* Презумпция невиновности в уголовном процессе: теория и практика. – Краснодар: Кубанькино, 2005. – С. 138–143.
5. *Епифанов А.Е.* Презумпция невиновности в ракурсе мировых процессов по обеспечению прав человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – №1. – С. 20–25.
6. *Епифанов А.Е., Панченко А.В.* Правовая природа механизма обеспечения личной безопасности граждан // Новая правовая мысль. – 2010. – № 4 (41). – С. 39–46.
7. *Епифанов А.Е., Мохов А.Ю.* Стадии деформации профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов (на примере правосознания следователя) // Право и практика. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
8. *Гуйван А.В.* Аналогия права и аналогия закона как способ преодоления пробелов в праве // Научные исследования студентов и учащихся: сб. статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 апреля 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 130–134.
9. *Шахкелдов Ф.Г.* Суд присяжных – необходимая реальность // Российский судья. – 1999. – № 3. – С. 35–40.
10. *Алиев М.А.* Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления (Отдельные аспекты) / М.А. Алиев, Ш.А. Алиев, А.П. Чунихин // Студенческий форум. – 2022. – № 22-4 (201). – С. 36–38.
11. *Епифанов А.Е., Кдлян Е.Л.* Теоретические аспекты воздействия законности на правовое поведение личности: научная монография. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.
12. *Кутин Р.К.* Аналогия права как метод преодоления пробелов в уголовном праве // Молодой ученый. – 2021. – № 21(363). – С. 219–221.
13. *Аниськина Э.Г.* Пробелы как форма дискретности уголовного законодательства и пути их преодоления // Проблемы в праве и пути их устранения: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, Смоленск, 10 декабря 2021 года. – Смоленск: Свиток, 2021. – С. 119–124.
14. *Рарог А.И.* Уголовное право России. Общая часть. – Москва: Проспект, 2020. – 944 с.

References

1. *Chestnov I.L.* Gaps in law as a kind of uncertainty of law: postclassic interpretation // Gaps in law in the context of digitalization: Collection of scientific works. – Moscow: Infotropic Media, 2022. – Pp. 2–20.
2. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. Lectures. Part general. – Vol. 1. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902. – 815 p.
3. *Naumov A.V.* Russian criminal law. General part: textbook. 7th ed., Revised and add. – Moscow: Norm: Infra-M, 2022. – 816 pp.
4. *Shahkeldov F.G.* Presumption of innocence in criminal proceedings: theory and practice. – Krasnodar: Kubankino, 2005. – Pp. 138–143.
5. *Epifanov A.E.* Presumption of innocence in the perspective of world processes to ensure human rights // Legal Bulletin of Dagestan State University. – 2014. – №1. – Pp. 20–25.
6. *Epifanov A.E., Panchenko A.V.* The legal nature of the mechanism for ensuring the personal safety of citizens // New legal thought. – 2010. – № 4 (41). – Pp. 39–46.
7. *Epifanov A.E., Mokhov A.Yu.* Stages of deformation of professional legal awareness of law enforcement officers (on the example of legal awareness of the investigator) // Law and practice. – 2021. – № 4. – Pp. 30–35.
8. *Guiwan A.V.* Analogy of law and analogy of law as a way to overcome gaps in law // Scientific research of students and students: collection of articles IX of the International Scientific and Practical Conference, Penza, April 27, 2023. – Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. – Pp. 130–134.
9. *Shahkeldov F.G.* Jury trial is a necessary reality // Russian judge. – 1999. – № 3. – Pp. 35–40.
10. *Aliyev M.A.* Gaps in criminal law and ways to overcome them (Certain aspects) / M.A. Aliyev, Sh. A. Aliyev, A.P. Chunikhin // Student Forum. – 2022. – № 22-4 (201). – Pp. 36–38.
11. *Epifanov A.E., Kdlyan E.L.* Theoretical aspects of the impact of legality on the legal behavior of a person: Scientific monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2015. – 208 p.
12. *Kutin R.K.* Analogy of law as a method of overcoming gaps in criminal law // Young scientist. – 2021. – № 21(363). – Pp. 219–221.
13. *Aniskina E.G.* Gaps as a form of discreteness of criminal legislation and ways to overcome them // Problems in law and ways to eliminate them: materials of the international scientific and practical conference of teachers, students, undergraduates and graduate students, Smolensk, December 10, 2021. – Smolensk: Scroll, 2021. – Pp. 119–124.
14. *Rarog A.I.* Criminal law of Russia. General part. – Moscow: Prospect, 2020. – 944 p.

Статья поступила в редакцию: 27.10.2025

Received: 27.10.2025

Статья принята к публикации: 28.11.2025

Accepted: 28.11.2025

ОБЩИЕ НАЧАЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО В СОВЕРШЕНИИ КРАЖИ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ ИЗ ТРУБОПРОВОДОВ

Плешаков Александр Михайлович¹,
д-р юрид. наук, профессор,
главный научный сотрудник НИЦ-1,
e-mail: pam7185@yandex.ru

Туманов Александр Сергеевич¹,
канд. юрид. наук,
старший научный сотрудник НИЦ-1,
e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com

¹Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Москва, Россия

В настоящей статье проводится анализ общих начал назначения наказания и криминологических характеристик личности виновного применительно к такому специфическому составу преступления, как кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Актуальность данного исследования определяется высокой общественной опасностью указанных деяний и наличием выраженных проблем в правоприменительной практике, требующих научного осмысления. Методологическую основу составил системный анализ материалов уголовных дел, позволивший дифференцировать преступные посяательства на две основные группы: 1) хищения нефти и нефтепродуктов; 2) хищения газа. Исследование показало, что, несмотря на единую уголовно-правовую норму, судебная практика демонстрирует устойчивый дифференцированный подход. Установлено, что за кражу нефти и нефтепродуктов в подавляющем большинстве случаев (85 %) назначается реальное лишение свободы, тогда как за хищение газа практически всегда (97 %) применяется условное осуждение. Такие виды наказаний, как штраф и принудительные работы, назначаются лишь в единичных случаях (15 % и 2 % соответственно). В работе детально проанализированы типичные смягчающие иотягчающие обстоятельства, а также представлен криминологический портрет виновных, который существенно различается для двух выделенных групп по мотивации, уровню организованности и социально-демографическим показателям. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: кража из трубопровода, нефть, нефтепродукты, газ, хищение энергоресурсов, назначение наказания, личность преступника, криминологическая характеристика, дифференциация ответственности

GENERAL PRINCIPLES OF SENTENCING AND IDENTIFICATION OF THE PERPETRATOR OF THEFT OF ENERGY CARRIERS FROM PIPELINES

Pleshakov A.M.¹,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chief Researcher of SRC-1,
e-mail: pam7185@yandex.ru

Tumanov A.S.¹,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher of SRC-1,
e-mail: tumanov.alexander18@gmail.com,

¹The Federal State Institution “Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia”, Moscow, Russia

This article analyzes the general principles of sentencing and criminological characteristics of the perpetrator's personality in relation to such a specific crime as theft from an oil pipeline, an oil product pipeline or a gas pipeline (paragraph "b" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation). The relevance of this study is determined by the high social danger of these acts and the presence of pronounced problems in law enforcement practice that require scientific understanding. The methodological basis was a systematic analysis of the materials of criminal cases, which made it possible to differentiate criminal attacks into two main groups: theft of oil and petroleum products, and theft of gas. The study showed that, despite the uniform criminal law norm, judicial practice demonstrates a sustainable differentiated approach. It was found that in the vast majority of cases (85 %), actual imprisonment is imposed for the theft of oil and petroleum products, while a suspended sentence is almost always applied for the theft of gas (97 %). Punishments such as fines and forced labor are imposed only in isolated cases (15 % and 2 %, respectively). The article analyzes in detail the typical mitigating and aggravating circumstances, as well as presents a criminological portrait of the perpetrators, which differs significantly for the two groups in motivation, level of organization and socio-demographic indicators. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: theft from a pipeline, oil, petroleum products, gas, theft of energy resources, sentencing, criminal identity, criminological characteristics, differentiation of responsibility

Уголовная ответственность за хищения энергоресурсов реализуется в процессе применения мер государственного принуждения, назначаемых по обвинительному приговору суда. Наказание является самой жесткой реакцией государства на совершение преступного деяния. Наказание считается одним из действенных средств в борьбе с преступностью. С назначением наказания и приведением его в исполнение в большинстве случаев прерывается антиобщественная деятельность лиц, совершивших преступление. Наказание предупреждает противоправные деяния других лиц, склонных к совершению правонарушений [1, с. 16]. Соответственно, его применение за кражи нефти, нефтепродуктов и газа из трубопровода представляет собой завершающий этап в социальной оценке преступного поведения и в реализации уголовной ответственности.

В процессе анализа мер государственного принуждения, которые лишают или ограничивают права и свободы виновного, мы выделили две группы преступных посягательств. Первая из них – это хищения нефти и нефтепродуктов. Вторая – хищения газа. Такое разделение было обусловлено тем, что эти преступные деяния имеют характерные особенности, отличающие их друг от друга. Однако наказание для них, в соответствии с законом, установлено одно и то же.

Уголовно-правовая норма, предусмотренная в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, помимо диспозиции, определяющей основания уголовной ответственности, имеет и санкцию, которая отражает неблагоприятные последствия деяния и содержит в себе виды и размеры наказания. Как отмечает Э.В. Густова, санкция выступает как гибкое и динамичное явление, зависящее от характера и степени общественной опасности соответствующего преступления: чем выше уровень этой опасности, тем строже должна быть санкция [2, с. 37]. Кража нефти, нефтепродуктов или газа является тяжким преступлением, т.е. максимальное наказание не превышает 10 лет лишения свободы (ст. 15 УК РФ).

Санкция носит альтернативный характер, в ней предусмотрено три возможных варианта назначения наказания.

1. Штраф в размере от 100 до 500 тысяч рублей или альтернативно – в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от 1 года до 3 лет.

Результаты исследования показали, что виновным в хищении нефти или нефтепродуктов как основной вид наказания назначается в 15% случаев. Размер штрафа в среднем колеблется от 150 до 300 тысяч рублей.

Штраф как основной вид наказания назначается и виновным в совершении кражи газа. Согласно исследованию он применялся в 16 % случаев. Размер штрафа в среднем колеблется от 100 до 150 тысяч рублей. Установление судом размера штрафа в зависимости от заработной платы или иного дохода осужденного в исследовании не зафиксировано.

2. Кража энергоресурсов альтернативно может повлечь и наказание в виде принудительных работ на срок от 2 месяцев до 5 лет. К этому основному наказанию может быть присоединено и дополнительное наказание в виде ограничения свободы на срок от 6 месяцев до полутора лет. Однако суд в зависимости от обстоятельств уголовного дела может и отказаться от применения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания – это его право.

В соответствии с проведенным исследованием основное наказание в виде принудительных работ как альтернатива лишению свободы (ст. 53.1 УК РФ) назначается весьма редко. По нашим данным это произошло только в 2 % случаев.

Характерной особенностью данного вида наказания является то, что принудительные работы за хищение энергоресурсов применяются только к тем осужденным, кто совершил преступление впервые. Это преступное деяние, как мы отмечали ранее, является тяжким и на него распространяется положение ч. 1 ст. 53.1 УК РФ.

3. Третьим альтернативным видом наказания за кражу из трубопроводов является лишение свободы. Эта мера государственного принуждения выбирается судом, условно говоря, «в последнюю очередь». Лишение свободы на определенный срок – это наиболее строгая мера наказания (за исключением пожизненного лишения свободы и смертной казни). Оно назначается только в случае, если все менее строгие меры, предусмотренные в санкции, не смогут обеспечить достижение целей наказания (ст. 43 УК РФ). В нашем случае, менее строгими наказаниями являются штраф, а затем принудительные работы.

В соответствии с уголовным законом хищение энергоресурсов может быть назначено на срок лишения свободы от 2 месяцев до 6 лет (ч. 2 ст. 56 УК РФ). В отношении осужденных за кражи нефти и нефтепродуктов это происходит в подавляющем большинстве случаев (85 %) и наказание исполняется реально. Применительно к осужденным за хищение газа лишение свободы применяется так же часто – в 78 % случаев, однако оно не отбывается реально. По результатам исследования лишение свободы в среднем назначается на срок от 3 до 5 лет и по той, и по другой категории дел.

В соответствии с уголовным законом лицам, осужденным к лишению свободы за кражу энергоресурсов, могут дополнительно назначаться такие наказания, как штраф в размере до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода в период до 6 месяцев. Вторым дополнительным наказанием является ограничение свободы на срок до полутора лет. Это право суда назначать такие дополнительные наказания, а не его обязанность, т.е. суд может отказаться от их применения.

Результаты исследования показали, что лицам, осужденным к лишению свободы за кражи нефти или нефтепродуктов, штраф как дополнительная мера наказания применялась в 11% случаев. К лицам, осужденным к лишению свободы за кражу газа, дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы (в совокупности) назначались редко – в 5% случаев.

Более строгое наказание, чем предусмотрено в санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ, может быть назначено по совокупности преступлений или по совокупности приговоров в порядке, установленном ст. 69 и 70 УК РФ. Результаты исследования показали, что каждый четвертый виновный в краже энергоресурсов (24 %) совершил одновременно еще как минимум одно преступление. Наказание такому лицу определялось в порядке ст. 69 УК РФ. Среди лиц, которым назначалось лишение свободы сроком более 6 лет, находились и те, кто во время кражи энергоресурсов имели неснятую или непогашенную судимость (7 %). К ним применялись положения ст. 70 УК РФ о совокупности приговоров.

Основания для назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено санкцией ч. 3 ст. 158 УК РФ, должны определяться положениями ст. 64 УК РФ. Таким основанием служат исключительные обстоятельства дела. Они должны быть связаны с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после хищения и другими обстоятельствами, существенно уменьшающими общественную опасность содеянного. К исключительным обстоятельствам приравнивается и активное содействие участника группового хищения раскрытию этого преступления.

Однако назначить наказание ниже низшего предела, т.е. ниже 2 месяцев лишения свободы объективно невозможно. Нельзя перейти и к другому более мягкому виду наказания, поскольку штраф как основное наказание, – самое легкое из всех мер государственного принуждения. Применительно к краже энергоресурсов суд, в порядке ст. 64 УК РФ может отказаться и от применения дополнительных

наказаний (ограничение свободы, штраф). Такой отказ возможен, если дополнительные меры уголовно-правового воздействия являются обязательными. В нашем случае все дополнительные наказания являются альтернативными, т.е. у суда есть право отказаться от них и без наличия исключительных обстоятельств.

В соответствии с общими началами наказания, при его назначении учитываются характер и степень общественной опасности хищения углеводородов, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Учитывается и влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В ходе проведенного исследования было установлено, что при краже из трубопроводов учитывались следующие смягчающие обстоятельства, предусмотренные в ст. 61 УК РФ¹:

- активное способствование лица раскрытию и расследованию преступления – 51 %;
- изобличение других соучастников – 13 %;
- возмещение имущественного ущерба – 28 %;
- наличие малолетних детей – 10 %.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ суд может учитывать в качестве смягчающих обстоятельств непредусмотренные в законе. Изучение показало, что это право широко используется судами. В качестве смягчающих обстоятельств были учтены: раскаяние виновного – 72 %; признание вины – 46 %; положительная характеристика лица – 18 %; совершение преступления впервые – 15 %.

Согласно изучению материалов уголовных дел, в подавляющем большинстве случаев (86 %) при назначении наказания отягчающие обстоятельства не устанавливались. В 14 % учитывались обстоятельства, отягчающие наказания и предусмотренные в ст. 63 УК РФ. Среди них указывалось: на рецидив преступлений (8 %); совершение кражи в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группе – 2 %; особо активная роль в совершении преступления – 3 %; использование специально изготовленных технических средств – 1 %.

В тех случаях, когда суд назначил виновному лишение свободы, он должен определить и место отбывания наказания. Согласно закону (п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ) мужчинам, совершившим кражу из трубопроводов и ранее не отбывавшим лишение свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы, в том числе при любом виде, необходимо отбывать наказание в исправительных колониях общего режима.

Однако каждый четвертый осужденный (24 %) был помещен в исправительное учреждение строгого режима. Это были виновные, которые наряду с хищением из трубопровода совершили и другие, в том числе и особо тяжкие преступления. К ним применялись положения о назначении наказания по совокупности преступлений. Срок наказания у них был больше, чем 6 лет лишения свободы. Среди этих осужденных находились и те лица, к которым применялись установления ст. 18 УК РФ о рецидиве преступлений (7 %).

Согласно результатам исследования 8 % осужденных за хищения энергоресурсов находились в колониях-поселениях. Это, в основном те лица, которым была изменена категория преступного деяния на менее тяжкую, т.е. суд признал кражу из трубопровода преступлением не тяжким, а средней тяжести.

В соответствии с законом суд вправе изменить категорию преступления на менее тяжкую при условии, что назначенный срок лишения свободы не превышает 3 лет (ч. 6 ст. 15 УК РФ). При изменении категории преступлений учитываются фактические обстоятельства преступления, степень его общественной опасности, наличие смягчающих и отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. При обосновании изменения категории преступления суды иногда учитывают смягчающие обстоятельства (в разной их интерпретации), которые в законе относятся к числу исключительных, но без оценки их в качестве таковых.

Одной из форм реализации уголовной ответственности является назначение условного осуждения (ст. 73 УК РФ). При этой мере государственного принуждения обвинительный приговор вступает в силу, но в части основного наказания в исполнение не приводится.

При осуждении за кражу энергоресурсов этот уголовно-правовой институт имеет весьма характерные особенности в зависимости от групп преступлений.

¹ Общие показатели превышают 100 %, так как учитывались несколько вариантов ответа.

Результаты исследования показали, что назначение лишения свободы за кражу газа практически всегда влекло применение условного осуждения. Это происходило в абсолютном большинстве случаев (97 %). При назначении лишения свободы за хищения нефти и нефтепродуктов условное осуждение применялось в три раза меньше (31 %).

Подобное различие, судя по всему, обусловлено небольшой стоимостью похищенного имущества и его объемом по сравнению со стоимостью нефти или нефтепродуктов; использованием газа, как правило, для собственных бытовых нужд; желанием избежать денежных затрат, а не получить обогащение (разная мотивация); действиями, совершенными в подавляющем большинстве случаев, в одиночку; возмещением стоимости поврежденного газопровода и т.п.

При назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок (ч. 3 ст. 73 УК РФ). В течение этого времени осужденный должен собственным поведением доказать свое исправление. При краже газа испытательный срок устанавливается, как правило, на время от полутора до двух лет. При хищении нефти или нефтепродуктов он, обычно, несколько больше – от 2 до 3 лет.

Суд может возложить на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей. Это могут быть требования о том, чтобы виновный: не изменял постоянного места жительства или не менял места работы без уведомления об этом специализированного государственного органа; трудиться или трудоустроиться: не посещать определенные места и др. (п. 5 ст. 73 УК РФ).

При обобщении материалов уголовных дел и судебных решений о краже, совершенной из трубопроводов, исследовались вопросы о наличии исков о возмещении вреда. В рамках уголовного дела может быть заявлен гражданский иск о возмещении вреда, причиненного собственнику трубопровода, из которого было похищено углеводородное сырье. Так, по делам о преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, иск заявлялся в 20 % случаев. При удовлетворении требований потерпевшего судом выписывается исполнительный лист, который направляется по месту отбывания наказания. Согласно результатам специальной переписи осужденных гражданские иски, удовлетворенные по делам о кражах, систематически погашаются лишь 13 % осужденными [3, с. 69].

Лицо, виновное в хищении нефти, нефтепродуктов и газа, подпадает под социально-психологическую и криминологическую категорию «личность преступника». Следует подчеркнуть, что данные о личности виновного не характеризуют его признаки как субъекта преступного деяния. Однако такие сведения позволяют расширять правовые представления о человеке, который совершает анализируемое преступление [4, с. 83]. В криминологии под личностью преступника понимается совокупность социально-политических психических и физических признаков лица, совершившего преступления [5, с. 16]. В свою очередь, в юридической науке указывалось, что с социальной точки зрения преступник представляет собой личность, которая является носителем социальных связей и зависимостей, сформировавших ее как субъекта антиобщественного поведения [6, с. 224].

Согласно результатам проведенного исследования, в подавляющем большинстве случаев кражи из трубопроводов совершают мужчины (93 %). Обращает на себя внимание достаточно большое число женщин, признанных виновными в хищении энергоресурсов (7 %).

Женщины, как правило, не участвуют в непосредственном изъятии предмета преступления. Это, судя по всему, обусловлено тем, что зачастую требуются хотя бы минимальные технические навыки и физическая подготовка, необходимые для прокладки труб, шлангов, присоединения или приваривания патрубков, подъема и выноса емкостей, их последующей транспортировки и т.п. Однако практика показывает, что женщины иногда в качестве пособников вовлекаются в хранение, приобретение или сбыт похищенного углеводородного сырья. Виновные подчас содействуют краже путем предоставления необходимой информации о защите трубопровода и путях ее преодоления, либо устраняют организационно-управленческие препятствия для совершения хищения, либо заранее обещают скрыть следы преступления и т.д.

Результаты исследования показали, что наиболее часто анализируемое деяние совершается лицами в возрасте от 18 до 40 лет – 76 %. В 23 % случаев деяние совершено лицами от 40 до 60 лет. В преступлении редко участвуют несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет (1 %).

Образование также является одной из существенных социальных характеристик личности виновного. Образовательный уровень лиц, совершивших кражу из трубопроводов, по данным нашего ис-

следования, характеризовался следующим образом: лица со средним образованием – 28 %, со средне-специальным образованием – 34 %, с неполным высшим образованием – 4 %, с высшим образованием – 34 %.

Отметим, что уровень образования непосредственно связан и с ролью лица в совершении хищения. Так, для непосредственных исполнителей или пособников в краже характерно среднее или средне-специальное образование (чаще всего технической специальности), организаторы и лидеры преступных групп зачастую имеют высшее образование. Виновного в тайном хищении углеводородного сырья характеризует наличие специальных познаний, необходимых для подключения к трубопроводу и навыков владения средствами, которые используются при совершении самовольного присоединения или врезки в «тело» трубы. Далеко не каждый человек способен совершить такое преступление. Э.М. Имамова в своем исследовании именуется подобную категорию виновных «врезчиками», т.е. лицами, которые совершают «врезку» в трубопровод [7]. Как утверждает П.В. Бикетов, наличие таких навыков и познаний позволяет сделать предположение о возможном совершении теми же лицами подобных хищений в будущем [8, с. 80].

По нашим данным 82 % от общего числа лиц, совершивших хищения нефти, нефтепродуктов или газа были официально трудоустроены. Нигде не работали и не учились 18 %. В 6 % случаев виновные занимали различные должности на государственной службе, в том числе в правоохранительных органах. Осужденные, как правило, могут быть работниками нефтегазовой или энергетической отрасли, а также из смежных профессий (строители, специалисты по ремонту или обслуживанию трубопроводных систем). Это лица, которые знают, как работают такие системы, и могут понимать, где именно и как можно совершить врезку в трубу.

Специфику имеет и географическое распределение преступлений, и место проживания осужденного. Кража из нефтепроводов и нефтепродуктопроводов совершается в большинстве своем жителями пригородных районов и сельских местностей, вблизи мест, где пролегают соответствующие трубопроводы (в основном это Республика Татарстан, Самарская область, Рязанская область, Краснодарский край и др.). Тайное хищение из газопровода зачастую совершается жителями городов и поселков из внутри- или придомовых газопроводов.

С криминологических позиций личность преступника, совершившего кражу нефти или нефтепродуктов, весьма отличается от личности преступника, совершившего изъятие и обращение газа в свою пользу. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что модель хищения энергоресурсов (объективная сторона преступления) отражается в психике субъектов по-разному. По нашему мнению, наиболее ярко психическое и психологическое отношение проявляется в корыстной мотивации и в совершении деяния индивидуально, или в одиночку. Представления об этих субъективных особенностях личности преступника позволяют дифференцировать подход при выборе альтернативных наказаний в процессе реализации принципа индивидуализации ответственности.

Для хищения нефти и нефтепродуктов характерным является заранее обдуманый (конкретизированный) умысел. Для кражи газа типичным является неопределенный умысел, т.е. сколько виновный «приобретет» в результате изъятия энергоресурса он и сам не знает. По существу, это означает, что и корыстная мотивация, как составная часть корыстной цели, у таких преступников разная. Однако и в том, и в другом случае, они стремятся прямо или косвенно обогатиться, получить личную выгоду. В первом случае это «прямое» желание нажиться за счет изъятия того, что тебе не принадлежит. Во втором – это намерение избежать имущественных расходов, не отдавать (не платить) того, что должен, сберечь собственные средства.

Подобные нюансы корыстной мотивации определяют характерные свойства и содержание психологического портрета преступника. Виновные в краже нефти и нефтепродуктов – это, чаще всего, лица высокоорганизованные, изворотливые, изощренные в сокрытии преступных следов, упорные, намеренные как можно дольше заниматься изъятием энергоресурсов.

В свою очередь, виновный в краже газа – это «одиночка». Как правило, он не нуждается в чьей-либо помощи, у него свой, индивидуальный образ действий, хотя и достаточно однотипный (*modus operandi*). Лицо, совершающее кражу газа, действует в зависимости от ситуативных факторов, внешних условий, близости расположения газопровода к собственному жилью, возможности беспрепятственно-

го и незаметного подхода к нему, наличия или отсутствия охраны и т.п. Подобные объективные обстоятельства и могут послужить основой, «толчком» для формирования корыстного поведения при общей антиобщественной установке.

По данным нашего исследования при краже газа в абсолютном большинстве случаев не было соучастия (97 %). Противоположная картина наблюдается при хищении нефти и нефтепродуктов. Такие преступления, наоборот, совершаются в основном в соучастии (80 %). Из них 56 % в группе лиц по предварительному сговору и 24 % – в организованной группе.

Соучастие в хищении энергоресурсов характеризуется таким правовым и психологическим признаком как устойчивость преступной группы. Устойчивость – это упорство в преступных намерениях, стойкое взаимосвязанное желание неоднократно совершать хищения или осуществлять несколько актов, которые составляют единое преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Соучастие в преступлении это в том числе психологическое взаимодействие людей, где личные интересы одного преступника подчиняются стремлениям других, поскольку они взаимосвязаны общей корыстной целью. В этой структуре действуют и закономерности преступного поведения: наличие организатора или руководителя преступления; подчинение иерархическим требованиям; распределение ролей; осознание своего места в группе; понимание «вклада» в общее дело и т.п. Соответственно личность преступника может способствовать предупреждению как общего, так и специального рецидива преступлений.

Таким образом, анализ применения санкции за кражу различных видов энергоресурсов показал, что реализация уголовной ответственности за эти преступления имеет дифференцированный, но ограниченный характер. В основном назначаются только две меры государственного принуждения – реальное лишение свободы и условное осуждение. Штраф как основной вид наказания применяется редко, а принудительные работы назначаются лишь в единичных случаях. Дополнительные наказания, предусмотренные в санкции уголовно-правовой нормы – штраф или ограничение свободы, используются в весьма незначительном объеме.

В соответствии с общими началами наказания суды учитывают традиционные смягчающие обстоятельства как предусмотренные в ст. 61 УК РФ, так и другие, которые они считают таковыми. В основном это обстоятельства, положительно характеризующие виновного, мотивы его действий, до совершения преступления, а также его посткриминальное поведение.

Список литературы

1. Шестопалова В.В. Вопросы назначения уголовного наказания (по материалам кассационной и надзорной практики верховных судов республик, краевых, областных и равных им судов) // Российское правосудие. – 2006. – № 3. – С. 15–18.
2. Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 168 с.
3. Головастова Ю.А., Дугенец А.С., Павлова Л.В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы за преступления против собственности (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2024. – 96 с.
4. Кириллов С.И. К вопросу о личности преступника // Вестник факультета управления и права Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВО Московский политехнический университет. – 2016. – №11. – С. 82–85.
5. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – Санкт-Петербург, 2004. – 366 с.
6. Лесников Г.Ю., Тищенко Ю.Ю. Общественная опасность как признак социальной сущности личности преступника // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. – Вып. 4. – Москва, 2021. – С. 223–226.
7. Имамова Э.М. Особенности криминологической характеристики лиц, совершивших кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, №5А. – С. 54–62.
8. Бикетов П.В. Криминологические меры противодействия хищениям нефти и нефтепродуктов, совершаемым на предприятиях нефтегазовой отрасли: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 202 с.

References

1. *Shestopalova V.V.* Issues of the appointment of criminal punishment (based on the materials of cassation and supervisory practice of the supreme courts of the republics, regional, regional and equal courts) // Russian justice. – 2006. – № 3. – Pp. 15–18.
2. *Gustova E.V.* Theoretical foundations of the construction of sanctions in the criminal law of the Russian Federation: a monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2016. – 168 p.
3. *Golovastova Yu.A., Dugenets A.S., Pavlova L.V.* Characteristics of convicts serving sentences of imprisonment for crimes against property (based on the materials of the special census of convicts and persons in custody, December 2022): monograph / under the scientific editorship of V.I. Seliverstov. – Moscow: Prospekt, 2024. – 96 p.
4. *Kirillov S.I.* On the question of the identity of the criminal // Bulletin of the Faculty of Management and Law of the Kolomna Institute (branch) of the Moscow Polytechnic University. – 2016. – №. 11. – Pp. 82–85.
5. *Antonyan Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E.* The identity of the criminal. – St. Petersburg, 2004. – 366 p.
6. *Lesnikov G.Yu., Tishchenko Yu.* Public danger as a sign of the social essence of the criminal's personality // Scientific Works of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Issue 4. – Moscow, 2021. – Pp. 223–226.
7. *Imamova E.M.* Features of criminological characteristics of persons who committed theft from an oil pipeline, an oil product pipeline, a gas pipeline // Issues of Russian and international law. – 2021. – Vol. 11, № 5A. – Pp. 54–62.
8. *Biketov P.V.* Criminological measures to counteract the theft of oil and petroleum products committed at enterprises of the oil and gas industry: diss. ... cand. jurid. nauk. – Moscow, 2010. – 202 p.

Статья поступила в редакцию: 20.08.2025

Received: 20.08.2025

Статья принята к публикации: 21.09.2025

Accepted: 21.09.2025

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ

Карпова Наталия Анатольевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: isakovkos@yandex.ru

¹Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются особенности квалификации хищений, совершенных с применением насилия. Количество таких деяний продолжает расти, что подтверждает актуальность рассматриваемой проблематики. Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за корыстные посягательства на собственность, сопряжённые с применением насилия как опасного, так и не опасного для жизни или здоровья. Целью исследования является выдвижение критериев разграничения грабежа и разбоя, а также обоснование предложений по правильной их квалификации. В содержании статьи приводятся примеры из материалов судебно-следственной практики, иллюстрирующие вопросы квалификации хищений, сопряжённых с насилием. В ходе исследования были применены следующие методы: формально-логический, сравнительно-правовой, а также анализ, синтез, дедукция. Новизна исследования заключается в том, что автором на основе обобщения материалов судебной практики даны более чёткие предложения по квалификации расстраиваемых деяний во избежание ошибок в правоприменительной сфере.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: хищение; грабёж; разбой; насилие, не опасное для жизни или здоровья; насилие, опасное для жизни или здоровья

RELEVANT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT COMMITTED WITH THE USE OF VIOLENCE

Karpova N.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: isakovkos@yandex.ru

¹The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

The article discusses the features of the qualification of thefts committed with the use of violence. The number of such acts continues to grow, which confirms the relevance of the issues under consideration. The subject of the study is the criminal law norms that provide for liability for malicious encroachments on property that involve the use of violence, both dangerous and not dangerous to life or health. The purpose of the study is to propose criteria for distinguishing between robbery and assault, as well as to substantiate proposals for their correct classification. The article provides examples from forensic and investigative practice that illustrate the issues of classifying thefts involving violence. The following methods were used in the study: formal-logical, comparative-legal, as well as analysis, synthesis, and deduction. The novelty of the research lies in the fact that the author, based on a generalization of judicial practice, has provided clearer suggestions for qualifying the actions that are being frustrated in order to avoid errors in the law enforcement sphere.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: theft; robbery; assault; violence that is not life-threatening or health-threatening; violence that is life-threatening or health-threatening

Введение

На современном этапе развития российского уголовного законодательства весьма актуальными остаются вопросы квалификации хищений, совершенных с применением насилия. Данные посягательства на собственность образуют такие формы противоправных деяний как грабёж и разбой. Несмотря на чёткие формулировки законодательных понятий этих корыстно-насильственных преступлений, в судебно-следственной практике нередко возникают трудности при их разграничении.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, установленной в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», грабеж представляет собой открытое хищение чужого имущества, совершаемое в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, осуществляющее это преступление, осознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к их пресечению или нет. В свою очередь, разбой как наиболее опасная форма хищения – нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Уголовно-правовой анализ характеристики и сущности данных преступлений позволяет сформулировать вывод о том, что основным критерием разграничения грабежа и разбоя является способ противоправного посягательства [1].

1. О главном критерии разграничения грабежа и разбоя – характере и степени применяемого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 и ст. 162 УК РФ)

Представляется важным как с теоретической, так и практической точек зрения отметить, что главным криминообразующим признаком разбоя является применение **опасного для жизни или здоровья насилия**, и проиллюстрировать примерами из правоприменительной практики. Такое насилие предусматривает случаи причинения потерпевшему любого вреда здоровью.

1. **Тяжкий вред здоровью.** Установлено, что гражданин Н., действуя с прямым умыслом, руководствуясь корыстными побуждениями, нанёс потерпевшему телесные повреждения, выразившиеся в нанесении удара кулаком в область лица, а также не менее пяти ударов кулаками и ногами по телу, в результате чего тот упал на бетонную площадку. Таким образом, Н. похитил имущество и причинил потерпевшему следующие повреждения: телесные повреждения в области головы, являющиеся компонентами черепно-мозговой травмы: ушибленная рана левой теменной области, ссадина правой теменной области, линейный перелом затылочной кости слева, субарахноидальное кровоизлияние в правой височной и левой теменно-затылочной областях, что в совокупности соответствует критериям тяжкого вреда здоровью (по признаку *опасности для жизни*)¹.

2. **Средней тяжести вред здоровью.** Так, О. и Г., преследуя цель незаконного обогащения, совершили нападение на потерпевшего, в результате которого последнему были причинены телесные повреждения в виде закрытой черепно-лицевой травмы в виде перелома основания венечного отростка нижней челюсти слева, перелома левой скуловой кости, переломов всех стенок гайморовой пазухи верхней челюсти слева, осложнившихся гемосинусом, переломов носовых костей, параорбитальной гематомы слева, которые *влекут за собой длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше 21-го дня* и квалифицируются как повреждения, причинившие *средней тяжести вред здоровью*².

3. **Легкий вред здоровью.** По делу было установлено, что гражданин З. совершил противоправное действие в отношении гражданки К. Он напал на нее с целью хищения имущества и, вырвав из рук сумку, нанёс потерпевшей удар кулаком в область головы и шеи, что по заключению эксперта привело к повреждениям в виде закрытой черепно-мозговой травмы с сотрясением мозга, отека мягких тканей носа

¹ Обвинительный приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 19 февраля 2024 года по делу № 1-117/2025(1-623/2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tPI8zLxAEl1N/> (дата обращения: 03.09.2025).

² Обвинительный Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 6 апреля 2025 г. по делу № 1-269/2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ae1ma1eaH1N8/> (дата обращения: 01.10.2025).

и правой затылочной области, тупой травмы шейного отдела позвоночника, что является критерием *кратковременного расстройства здоровья, предусмотренным ст. 115 УК РФ*³.

Однако следует отметить, что в рамках состава грабежа одним из *отягчающих обстоятельств является применение насилия, не опасного для жизни или здоровья*, охватываемое п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ:

1. **Побои.** Гражданин Ф., имея целью совершить открытое хищение чужого имущества, подавляя сопротивление потерпевшего, применил к нему насилие, не опасное для жизни или здоровья. Он толкнул потерпевшего И., вызвав его падение, нанес удары ногой по голове и лицу, причинив физическую боль, и открыто похитил мужские наручные часы с его руки. Судебно-медицинское освидетельствование зафиксировало у гражданина И. следующие телесные повреждения: ушибы мягких тканей на голове, кровоподтеки на лице, кровоизлияние на слизистой оболочке верхней губы, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья⁴.

2. **Совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли** имеет место быть в случаях, когда осужденный нанёс, например, однократный удар кулаком руки по лицу потерпевшему в момент хищения имущества⁵.

3. **Совершение противоправных действий, сопряженных с ограничением свободы передвижения: связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.** Например, по одному из уголовных дел, потерпевшая открыла дверь, чем воспользовались нападавшие, чтобы проникнуть в жилище, они изолировали потерпевшую и ее дочь в ванной комнате, а затем беспрепятственно совершили хищение⁶.

2. Особенности квалификации разбоя с учётом расширительного толкования понятия насилия, опасного для жизни и здоровья (ст. 162 УК РФ)

Важно отметить, что Верховный Суд РФ в своем постановлении № 29 от 27.12.2002 г. трактует понятие насилия опасного для жизни и здоровья и дает ему более расширительное толкование.

Как следует из этого толкования, под данный вид насилия подпадают не только действия, повлекшие за собой реальный вред здоровью, но и те, которые, не причинили вреда здоровью, создавая лишь реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего в момент их совершения [2, с. 18].

Так, судом при первоначальной уголовно-правовой оценке действия К. были признаны насильственным грабежом по причине отсутствия вреда здоровью. К. проник в дом 80-летнего Л. ночью, напал на него с целью хищения, нанес удары по голове бокалом и костылём, что привело к потере сознания потерпевшего. Однако Верховный Суд РФ отменил это решение, подчеркнув, что совокупность факторов (характер и степень физического насилия, локализация наносимых ударов, орудия преступления, способное причинить вред здоровью, возраст и состояние здоровья потерпевшего) свидетельствовала о наличии реальной угрозы для жизни и здоровья Л.⁷

В другой, но схожей ситуации действиям виновных Б. и Г. была дана юридическая оценка содеянного как разбой. Суд установил, что при хищении имущества они связали потерпевшую, заклеили ей рот лейкопластырем и оставили в запертом помещении. Основанием для такой квалификации послужило то, что примененное насилие создавало реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшей⁸.

³ Обвинительный приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 22 мая 2017 по делу № 1-204/2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hkoIJ5rUBKYw/> (дата обращения: 04.10.2025).

⁴ Обвинительный приговор Рыбинского городского суда Ярославской области от 15 марта 2021 г. по делу № 1-119/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SXfJjrBI6Bbb/> (дата обращения: 02.10.2025).

⁵ Обвинительный приговор Центрального районного суда г. Красноярска от 7 апреля 2025 г. по делу № 1-218/2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hwroVZxybBQt/> (дата обращения: 28.09.2025).

⁶ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁷ Обзор Московского областного суда «Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда за первое полугодие 2009 г.» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

Нередко встречаются случаи неверной юридической оценки хищений, совершенных с применением насилия. Например, Костромской районный суд вынес приговор в отношении А. и В., признав их виновными в грабеже. Они напали на 75-летнюю женщину, связали ей руки, надели на голову сумку, обмотали ее бечевкой и завязали кофтой, оставив в холодном и неотапливаемом помещении зимой. В результате таких противоправных действий наступила смерть потерпевшей. Суд в такой ситуации неправильно применил уголовный закон, квалифицируя содеянное как хищение в форме грабежа, объяснив это тем, что сумка была надета на голову потерпевшей лишь с целью маскировки личностей злоумышленников⁹. Содеянное образует разбой, поскольку насилие, примененное к потерпевшей, представляло опасность для ее жизни и здоровья, что в конечном итоге повлекло смерть последней.

На основе анализа судебной и следственной практики мы выделили наиболее распространенные ситуации, когда применялось насилие, представляющее угрозу для жизни и здоровья, но не приведшее к фактическому причинению вреда:

- а) сбрасывание с движущегося на скорости транспортного средства;
- б) падение с большой высоты;
- в) нанесение ударов в жизненно важные органы;
- г) покрытие головы жертвы предметом, препятствующим дыханию;
- д) удержание головы жертвы под водой в течение продолжительного времени.

3. Особенности квалификации хищений с применением предметов, создающих реальную опасность для жизни или здоровья

Весьма актуальными остаются вопросы квалификации хищений с использованием предметов и устройств, способных нанести вред жизни или здоровью потерпевшего [3, с. 59].

Согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т.п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами.

Так, по одному из уголовных дел было установлено, что потерпевшая сообщила о нападении во время прогулки с собакой. Незнакомый, действуя из засады, лишил её возможности видеть, накинув капюшон, применил перцовый баллончик и похитил серьгу. Медицинская экспертиза установила наличие у потерпевшей незначительных повреждений, не повлекших вреда здоровью. Для квалификации действий нападавшего как разбой с применением оружия (в данном случае, газового баллончика) необходимо доказать, что воздействие газа представляло смертельную опасность для потерпевшей или могло привести к серьезному ухудшению ее состояния здоровья. Таким образом, из материалов уголовного дела, таких сведений не получено, причинение вреда здоровью не было, в связи с чем, содеянное образует насильственный грабёж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ)¹⁰.

Следует отметить, что преступники в ходе завладения чужим имуществом могут применять аэрозольные устройства, снаряженные сильнодействующими и ядовитыми веществами [4, с. 18]. Так, по другому уголовному делу было установлено, что К. и Д., имея умысел на нападение в целях хищения имущества, принадлежащего П., с целью сломить волю к сопротивлению последнего, нанесли удар кулаком в лицо, а также применили аэрозольный баллончик с веществом, вызывающим сильное раздражение (орто-хлорбензилиденмалонодинитрил), которое согласно нормативным указаниям является сильнодействующим веществом. Таким образом, газовый баллончик создавал реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего, о чем свидетельствуют покраснение и отек лица, покрас-

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

¹⁰ Обвинительный приговор Первомайского районного суда г. Владивостока от 4 марта 2025 г. по делу № 1-62/2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zRNG1UCOA9Q8/> (дата обращения: 08.09.2025).

нение глаз и лопнувшие капилляры. Также имелось экспертное заключение, на основе которого суд пришёл к выводу об оценке деяния по ч. 2 ст. 162 УК РФ¹¹.

4. Особенности квалификации открытого хищения путем рывка

Рассмотрим интересные случаи квалификации открытого хищения чужого имущества, совершенного путем рывка. Такие ситуации предполагают физическое воздействие на потерпевшего, но без намерения истинно применить к нему насилие. Подобные случаи могут включать в себя такие действия, как снятие одежды, часов, головных уборов или других личных вещей или выхватывание сумки, телефона или других предметов из рук жертвы. Важно отметить, что в процессе изъятия вещи может произойти неосторожное причинение вреда здоровью (например, потерпевший падает, пытаясь удержать свою сумку, и получает травму). Большинство специалистов сходятся во мнении, что в некоторых случаях требуется дополнительная квалификация по статье 118 УК РФ [5, с. 120].

Для иллюстрации приведем пример из судебной практики, раскрывающий данное правило квалификации разбоя по совокупности преступлений. Гражданин Ф. в ходе разговора с потерпевшей заметил золотые серьги в ее ушах. Это вызвало у него намерение совершить преступление – завладеть серьгами, применив насилие, угрожающее жизни или здоровью. Чтобы подавить волю потерпевшей и предотвратить сопротивление, Ф. ударил ее кулаком в левую часть лица. От удара потерпевшая упала, ударившись затылком справа о бетонные порожки. Экспертиза установила, что полученные ею телесные повреждения являются опасными для жизни, образуя признак, характерный для тяжкого вреда здоровью. Суд такие действия квалифицировал по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 162 и ч. 1 ст. 118 УК РФ. Правовая позиция суда подкрепляется как показаниями потерпевшей, так и результатами судебно-медицинской экспертизы. Потерпевшая сообщила, что после того, как осужденный Ф. ударил ее кулаком в лицо, она упала, и в этот момент Ф. снял ее золотые серьги. Экспертиза же показала, что комплекс повреждений у потерпевшей не мог быть получен от удара тупым предметом с ограниченной травмирующей поверхностью, таким как кулак. Однако, повреждения могли возникнуть в результате удара кулаком в левую часть лица, последующего падения и удара головой о бетонные порожки. Таким образом, вышеуказанные обстоятельства позволяют сделать вывод, что Ф., нанося удар потерпевшей в область лица, действовал с неосторожной формой вины, содержанием которой является непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий в виде причинения потерпевшей тяжкого вреда здоровью. Волевой момент небрежности состоит в том, что Ф. при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть, что характерно для ст. 118 УК РФ¹².

По мнению большинства специалистов в области уголовного права рывок как действие, направленное на завладение имуществом, не всегда рассматривается как физическое насилие. Некоторые правоведы, например, Е.О. Щербакова, считают, что основной целью лица, совершающего рывок, является хищение, а не нанесение вреда здоровью [6, с. 19–20; 7, с. 340]. В свою очередь, З.М. Челябова, определяющая насилие как умышленное противоправное воздействие на человека против его воли, выражает мнение, что при ситуации с рывком отсутствует прямой умысел на причинение вреда [8, с. 19–21].

Однако судебная практика по этому вопросу весьма неоднозначна. Например, в одном из случаев, виновное лицо А. с целью открытого хищения, резко вырвало сумку у потерпевшей, в результате чего она по инерции упала и получила телесные повреждения. Несмотря на это, суд, учитывая отсутствие умысла на причинение вреда, квалифицировал действия А. как грабеж (ч. 1 ст. 161 УК РФ), а не как более тяжкое преступление, связанное с насилием¹³.

При схожих обстоятельствах суд вынес иное решение, согласно которому признал доказанным факт совершения грабежа с применением не опасного для жизни или здоровья насилия, о чем сви-

¹¹ Обвинительный приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 13 ноября 2019 г. по делу № 1-259/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Diewj9SZ1Kdt/> (дата обращения: 08.09.2025).

¹² Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда по делу № 22-7/2025 от 25.04.2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HULTvk7bUkb0/> (дата обращения: 24.09.2025).

¹³ Обвинительный приговор РФ от 25.01.2014 № 1-43/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.09.2025).

детельствуют следующие данные: когда С. проходил мимо потерпевшей, она почувствовала сильный толчок в плечо, из-за которого упала. В этот момент мужчина попытался вырвать у нее сумку. На основании этих фактов суд осудил С. по п. «г» ч. 2 статьи 161 УК РФ¹⁴.

Заключение

Исследование уголовно-правовой природы насильственных хищений позволяет прийти к следующим выводам:

1) хищения, совершаемые с применением насилия, в основном представлены грабежом и разбоем;

2) ключевым критерием, позволяющим отличить грабеж от разбоя, является характер и степень применяемого насилия. При грабеже применяется не опасное насилие, предполагающее отсутствие угрозы для жизни или здоровья, в то время как при разбое насилие является опасным для жизни или здоровья;

3) изучение обвинительных приговоров позволило сделать вывод о неправильном применении уголовного закона. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, например, по толкованию термина «насилие, опасное для жизни или здоровья», не всегда в полной мере учитываются представителями правоприменительной практики. К такому виду насилия могут относиться ситуации, когда применялось насилие, представляющее угрозу для жизни и здоровья, но не приведшее к фактическому причинению вреда здоровью потерпевшему (длительное удержание головы жертвы в воде, перекрывание дыхательных путей и другие случаи, описанные в статье);

4) обобщение материалов судебной практики также позволило сделать вывод о неверном толковании понятия «рывок» при совершении хищения в открытой форме. Рывок не всегда следует рассматривать как разновидность физического насилия. Необходимо учитывать, что основной целью лица, совершающего рывок, является хищение, а не нанесение вреда здоровью. В случае неосторожного причинения вреда нельзя исключать применение положений статьи 118 УК РФ;

5) изучение судебных решений показало, что уголовный закон нередко применяется с ошибками в случае квалификации хищений с применением предметов, создающих реальную опасность для жизни или здоровья (механические распылители, аэрозольные, другие устройства, снаряженные раздражающими веществами). Квалификация содеянного как разбой по ч. 2 ст. 162 УК РФ предполагает установление факта, что газ из баллончика является опасным для жизни и здоровья, а его применение может привести к нарушению здоровья потерпевшего.

Список литературы

1. *Архипов А.В.* Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора Л.М. Прокументова. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – 311 с.
2. *Шарнин А.А.* Отграничение насильственных форм хищения от иных смежных составов // Академическая наука. – 2025. – № 1. – С. 162–163.
3. *Векленко В.В.* Квалификация хищений. – Омск: Омская акад. МВД России, 2001. – 256 с.
4. *Пильников С.Г., Шутова А.А., Фоменко Е.В.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика отдельных видов хищений чужого имущества: закон, теория, практика: монография. – Москва: Проспект, 2021 – 154 с.
5. *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 673 с.
6. *Щербакова Е.О.* Грабеж чужого имущества: проблемы уголовно-правового регулирования и противодействия (на материалах Южного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 19–20.

¹⁴ Обвинительный приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 22 мая 2017 г. по делу № 1-204/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hkoIJ5rUBKYw/№1-204/2017> (дата обращения: 04.10.2025).

7. Юдина У.С. Особенности уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 340.
8. Челябинова З.М. Мониторинг практики применения норм о грабеже, совершенном посредством рывка // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 19–21.

References

1. Arkhipov A.V. Legislation on Criminal Liability for Theft in Russia: Problems of Law Enforcement and Conceptual Foundations of Reformation / edited by Doctor of Law, Professor L.M. Prozumentov. – Moscow: Yurlitinform, 2022. – 311 p.
2. Sharnin A.A. Distinguishing Violent Forms of Theft from Other Related Offenses // Academic Science. – 2025. – No. 1. – Pp. 162–163.
3. Veklenko V.V. Qualification of thefts. – Omsk: Omsk Acad. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. – 256 p.
4. Pilnikov S.G., Shutova A.A., Fomenko E.V. Criminal and criminological characteristics of certain types of theft of other people's property: law, theory, practice: Monograph. – Moscow: Prospekt, 2021 – 154 p.
5. Lopashenko N.A. Crimes in the Economic Sphere: Author's Commentary on the Criminal Law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (by Article). – Moscow: Volters Kluver, 2006. – 673 p.
6. Shcherbakova E.O. Robbery of other people's property: problems of criminal law regulation and counteraction (based on the materials of the Southern Federal District): abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – Krasnodar, 2008. – Pp. 19–20.
7. Yudina U.S. The specifics of criminal liability for the destruction or damage of other people's property // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1. – P. 340.
8. Chelyabova Z.M. Monitoring the practice of applying the norms on robbery committed by means of a lunge // Monitoring of law enforcement. – 2017. – No. 3 (24). – Pp. 19–21.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2025

Received: 28.11.2025

Статья принята к публикации: 28.12.2025

Accepted: 28.12.2025

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ (СТ. 318 УК РФ)

Семенова Ульяна Сергеевна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: yudina.uljana@yandex.ru

¹Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия

В статье рассматриваются особенности квалификации применения насилия в отношении представителя власти, так как на сегодняшний день количество таких деяний возрастает, что подтверждает актуальность данной тематики. Предметом исследования выступает уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ). Целью исследования является обоснование предложений по квалификации преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ. В содержании статьи приводятся примеры из материалов судебной практики по квалификации насилия в отношении представителя власти. В ходе исследования были применены следующие методы: формально-логический, сравнительно-правовой, а также анализ, синтез, дедукция. Новизна исследования заключается в том, что с целью недопущения ошибок в правоприменительной деятельности автором высказаны предложения по квалификации применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), в частности, при его опосредованной реализации – с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, сотрудник правоохранительного органа, насилие, представитель власти, угроза убийством, угроза применения насилия, статья 318 УК РФ

FEATURES OF QUALIFYING THE USE OF VIOLENCE AGAINST A GOVERNMENT REPRESENTATIVE (ARTICLE 318 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Semenova U.S.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: yudina.uljana@yandex.ru

¹Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

The article examines the features of the qualification of the use of violence against a government official, since nowadays the number of such acts is increasing, which confirms the relevance of this topic. The subject of the research is the criminal law norm establishing liability for the use of violence against a government representative (Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation). The study aims to substantiate proposals for the qualification of the crime under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article provides examples from forensic investigative practices regarding the qualification of violence against government representatives. The following methods were used in the course of the research: formal-logical, comparative-legal, as well as analysis, synthesis, deduction. The novelty of the research lies in the author's proposals for qualifying the use of violence against a government representative (Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation), aimed at preventing errors in law enforcement, particularly in cases of its indirect commission — through the use of information and telecommunication networks.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: encroachment on life, law enforcement officer, violence, government official, threat of murder, threat of violence, article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation

Введение

На сегодняшний день применение насилия в отношении представителя власти обладает высокой степенью общественной опасности. Последняя обусловлена тем, что лицо посягает сразу на два объекта уголовно-правовой охраны: по мнению большинства ученых, основным непосредственным объектом выступает установленный законодательно порядок осуществления полномочий представителями власти, в свою очередь, дополнительным – считаются общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья и физическую (телесную) неприкосновенность представителя власти или его близких¹. Из этого следует, как верно отмечает Н.Г. Кадников, специальная категория потерпевших, обладающая признаками, которые характеризуют социальное и должностное положение потерпевшего. По мнению ученого, выделение такой категории законодателем способствует более четкой дифференциации уголовной ответственности [1, с. 26], несмотря на дискуссионные вопросы относительно круга потерпевших [2, с. 213].

Согласно данным официальной статистики, за последние пять лет наблюдается неутешительная динамика. Так, в 2020 г. количество осужденных за преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 318 УК РФ, составило 5687 и 600, в 2021 г. – 6910 и 613, в 2022 г. – 7638 и 623, в 2023 г. – 7335 и 560, в 2024 г. – 7081 и 561 соответственно². Как мы видим, число осужденных за основной состав преступления увеличилось на 20 %, кроме того, стабильно высоким остается и второй показатель, что говорит о необходимости законодательных изменений.

В 2023 г. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил спорные моменты квалификации [3, с. 25] в рамках постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 01.06.2023 г. (далее – ППВС РФ)³. Однако до сих пор в правоприменительной практике возникают спорные вопросы квалификации [4 с. 67], в частности, связанные с категорией потерпевшего [5, с. 124].

1. Некоторые особенности квалификации применения насилия, **не опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ)**

В контексте квалификации насилия, примененного к представителю власти, отправной точкой анализа является детализация содержания категории «насилие».

Как справедливо отмечал Л.Д. Гаухман, родовым признаком насильственного преступления выступает его имманентная связь с реальным применением физического насилия либо с его потенциальной угрозой. Ученый интерпретирует физическое насилие в качестве формы противоправного внешнего воздействия на организм человека, осуществляемого вопреки его воле. Объектом указанного воздействия могут выступать как наружные ткани, так и органы потерпевшего. При этом криминализация деяния не ставится в прямую зависимость от фактического причинения физического вреда. Насилие сохраняет свой уголовно-правовой характер даже в случаях, когда его результат не наступает по независящим от виновного обстоятельствам (например, промах при выстреле). В этой связи, к насильственным правомерно относить преступления, посягающие на физическую неприкосновенность личности.

Ключевым критерием является не противоправность самого по себе применения насилия, а общественная опасность и противоправность деяния в целом. Таким образом, действия, формально подпадающие под признаки физического воздействия (например, скручивание рук), но не причиняющие физической боли и, что главное, лишённые преступного умысла, не образуют состава преступления [6, с. 3, 51]. В нашем случае, если оно совершается с целью причинить насилие представителю власти, то оно представляет собой насильственное преступление.

Угроза применения насилия, как правило, зачастую выражается представителям власти очно, однако все чаще лица используют мессенджеры и сотовую связь, тем самым выражают угрозу посред-

¹ Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. д-р юрид. наук, проф. Н.Г. Кадникова. – Москва: Юриспруденция, 2018. – С. 726–727; Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2018. – С. 519.

² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 09.04.2024).

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

ством использования информационно-телекоммуникационных технологий [7, с. 24]. Так, в 2025 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 318 УК РФ в отношении гражданина, который отправлял участковому уполномоченному полиции текстовые и голосовые сообщения через мессенджер с угрозами применения насилия. В данном случае важным условием является восприятие угрозы как реальной, как в данной ситуации⁴.

Интерес представляет следующий пример. Ф. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ. Сотрудник полиции в общественном месте задержал Ф., который находился в состоянии алкогольного опьянения. В момент задержания сотрудником в отношении Ф. была применена физическая сила в виде «броска через плечо». В ответ Ф. совершил насильственные действия в отношении сотрудника, выразившиеся в нанесении пары ударов ногой по голове, в результате которых был причинен ушиб мягких тканей в области левого виска, что, согласно заключению эксперта, расценивается как повреждение, не причинившее вреда здоровью. Кроме того, Ф. оскорбил сотрудника полиции. Суд постановил оправдать Ф., так как материалы видеонаблюдения подтвердили отсутствие нарушений общественного порядка с его стороны. Вследствие этого, правовых оснований для его задержания и применения к нему мер физического воздействия не имелось. Публичное оскорбление сотрудника полиции было признано малозначительным деянием⁵.

По нашему мнению, суд совершенно справедливо оправдал Ф. В данном случае имеет важное значение п. 13 ППВС РФ № 14 от 01.06.2023 г., разъясняющий, что если применение насилия в отношении представителя власти было совершено в ответ на явно незаконные действия со стороны последних, содеянное может быть квалифицировано как преступление против личности⁶. В данном случае Ф. подлежал оправданию, так как применил насилие в отношении сотрудника полиции в ответ на явно незаконные действия последнего, а признаков иных преступлений в его действиях не содержалось.

Согласно п. 20 ППВС РФ № 14 от 01.06.2023 г., публичное оскорбление представителя власти, совершенное во время или после применения в отношении данного лица насилия или угрозы применения насилия, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 318 УК РФ и статьей 319 УК РФ⁷. Кроме того, зачастую ст. 319 УК применяется в совокупности с другими преступлениями, о чем пишет в своих работах Ю.Д. Налимов [8, с. 64].

Следует отметить, что рассматриваемое преступление является двухобъектным и имеет специальную категорию потерпевшего, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности данного деяния.

Отдельного внимания заслуживает насилие и угроза его применения, которая может выражаться не только очно, но и посредством информационно-телекоммуникационных сетей. При квалификации преступлений следует обращать внимание и на первичные действия потерпевших, за которыми последовало преступление.

2. Особенности квалификации применения насилия, **опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти (ч. 2 ст. 318 УК РФ)**

Особое внимание стоит обратить на особенности квалификации насилия в отношении двух представителей власти. Так, инспектор ДПС сообщил К. об отстранении его от управления транспортным средством по причине алкогольного опьянения К. После предложения пройти медицинское освидетельствование К. предпринял попытку скрыться с места дорожно-транспортного происшествия. В ответ на это командир ДПС А. попытался пресечь действия К., однако последний схватил А. за шею и

⁴ СМС-террорист арестован за угрозы полицейскому // SyasNews – информационно-новостной портал: [сайт]. – URL: <https://syasnews.ru/chp/sms-terrorist-arestovan-za-ugrozy-policejskomu> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Приговор Волгоградского областного суда Волгоградской области № 22-833/2025 от 5 марта 2025 г. по делу № 1-124/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wqqzsUfIGpNT/?> (дата обращения: 10.09.2025).

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

⁷ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

сдавил её, причинив А. телесные повреждения. К. сел в транспортное средство и поехал, в связи с чем А., В., З., Л. стали его преследовать. Далее в районе железнодорожных путей К. подошел к А. и нанес не менее 2 ударов рукой с камнем в грудь и не менее 1 удара деревянной палкой по руке (без вреда здоровью), бросил камень в колено В., причинив ему средней тяжести вред здоровью.

Действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 318, ч. 2 ст. 318 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКУД ВС РФ) решила, что вывод суда о совершении двух самостоятельных преступлений по ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 318 УК РФ не может быть признан законным и обоснованным, так как нельзя сказать, что К. совершены преступления в отношении двух потерпевших, в разное время, с самостоятельным умыслом на причинение насилия в отношении представителей власти.

По мнению СКУД ВС РФ, действия К. в отношении сотрудников полиции носили единый продолжаемый характер, поскольку были направлены на один и тот же объект посягательства, совершены фактически одновременно, в одном месте, с одной и той же целью и охватывались единым умыслом.

Действия К. подлежат квалификации по одному составу преступления – ч. 2 ст. 318 УК РФ и образует единое продолжаемое преступление⁸.

Мы полностью поддерживаем позицию СКУД ВС РФ. Согласно п. 4 ППВС РФ от 12.12.2023 г. № 43, продолжаемое преступление представляет собой сложное единое преступное деяние, структурно состоящее из ряда тождественных противоправных действий, интегрированных общей (единой) волей и направленностью умысла виновного лица. Продолжаемое преступление может быть сконструировано двумя основными способами: путем совокупности деяний, каждое из которых – самостоятельный состав преступления, и путем совокупности деяний, которые в отдельности лишены всех признаков уголовно наказуемого деяния, однако в совокупности составляют одно преступление.

О единстве умысла виновного свидетельствуют: совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели⁹.

В рамках субъективной стороны продолжаемого преступления, единство умысла виновного лица может быть выведено из анализа объективных обстоятельств деяния. В качестве релевантных критериев выступают, в частности, следующие системообразующие факторы: незначительный разрыв во времени, совершение деяния аналогичным способом, постоянство объекта или предмета преступления, а также наличие общей конечной цели. Совокупность указанных обстоятельств формирует систему доказательственных фактов, позволяющую суду сделать вывод о наличии единого умысла, охватывающего все деяния, и, как следствие, квалифицировать содеянное как единое продолжаемое преступление.

В связи с вышесказанным, предлагаем в ППВС РФ № 14 от 01.06.2023 г. включить разъяснение о квалификации единого продолжаемого преступления в рамках ст. 318 УК РФ.

Заключение

Таким образом, при рассмотрении ряда особенностей квалификации применения насилия в отношении представителя власти, нами были сформулированы следующие выводы.

1. Применение насилия в отношении представителя власти представляет собой двухобъектное преступление, посягающее как на личность, так и на нормальную деятельность органов власти, а наличие специального потерпевшего детерминирует повышенную общественную опасность деяния. Криминообразующим признаком объективной стороны выступает насилие или угроза его применения, которые могут быть реализованы как непосредственно, так и опосредованно – с использованием инфор-

⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.03.2025 № 80-УД25-2-К6 Приговор: по ч. 1 ст. 318, ч. 2 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти). Определение ВС РФ: Приговор изменен, действия осужденного переквалифицированы на ч. 2 ст. 318 УК РФ, окончательно назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев // <https://web.telegram.org/a/#-1001200420254>; СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru>.

мационно-телекоммуникационных сетей. При квалификации подлежат рассмотрению противоправные действия самого потерпевшего с учетом разъяснений ППВС РФ № 14 от 01.06.2023 г.

2. В целях оптимизации правоприменительной практики и унификации квалификации деяний, предусмотренных ст. 318 УК РФ, полагаем целесообразным включить в ППВС РФ № 14 от 01.06.2023 г. разъяснение о квалификации единого продолжаемого преступления в рамках ст. 318 УК РФ, если действия лица носили единый продолжаемый характер, были направлены на один объект посягательства, совершены фактически одновременно, в одном месте, с одной и той же целью и охватывались единым умыслом.

Список литературы

1. *Кадников Н.Г.* Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. – Москва: Юриспруденция, 2019. – 336 с.
2. *Бадамшин И.Д.* Специфика категории потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» / И.Д. Бадамшин, И.Б. Кулиев // *Аграрное и земельное право.* – 2024. – № 8(236). – С. 212–215.
3. *Пейсикова Е.В.* Преступления против представителей власти и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Позиции Пленума ВС РФ / Е.В. Пейсикова, С.В. Борисов, А.О. Полищук // *Уголовный процесс.* – 2023. – № 8(224). – С. 22–29.
4. *Коржова П.В.* Некоторые проблемы квалификации применения насилия в отношении представителя власти / П.В. Коржова, И.В. Матвеев // *Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы: сб. материалов международной научно-практической конференции в рамках VI Международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», Новосибирск, 15 мая 2024 года.* – Новосибирск-Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 65–70.
5. *Карпова Н.А.* К вопросу об ответственности за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование / Н.А. Карпова, Н.Г. Кадников // *Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: сб. научных статей.* – Москва: Юриспруденция, 2020. – С. 119–125.
6. *Гаухман Л.Д.* Насилие как средство совершения преступления. – Москва: Юридическая литература, 1974. – 167 с.
7. *Степанова М.А.* Угроза применения насилия в отношении представителя власти и превышения им должностных полномочий / М.А. Степанова, Е.В. Царев // *Проблемы правоохранительной деятельности.* – 2024. – № 3(57). – С. 21–24. – 24 с.
8. *Налимов Ю.Д.* Вандализм: дифференциация уголовной ответственности и квалификация: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук / Налимов Юрий Дмитриевич. – Москва, 2022. – 188 с.

References

1. *Kadnikov N.G.* The qualification of crimes and issues of judicial interpretation: a monograph. – Moscow: Publishing House of Jurisprudence, 2019. – 336 p.
2. *Badamshin I.D.* The specifics of the category of victims of crimes under art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation “The use of violence against a representative of authority” / I.D. Badamshin, I.B. Kuliyeu // *Agrarian and land law.* – 2024. – № 8(236). – Pp. 212–215.
3. *Peisikova E.V.* Crimes against government officials and encroachment on the life of a law enforcement officer. The positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation / E.V. Peisikova, S.V. Borisov, A.O. Polishchuk // *Criminal procedure.* – 2023. – № 8(224). – Pp. 22–29.
4. *Korzhoval P.V.* Some problems of qualifying the use of violence against a government official / P.V. Korzhova, I.V. Matveev // *Combating offenses in the field of economics: legal, procedural and criminalistic problems: A collection of materials from the international scientific and practical conference within the framework of the VI International Legal Forum “Law and Economics: national experience and Development Strategies”, Novosibirsk, May 15, 2024.* – Novosibirsk-Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. – Pp. 65–70.

5. *Karpova N.A.* On the issue of responsibility for encroachment on the life of a person exercising justice or preliminary investigation / N.A. Karpova, N.G. Kadnikov // Crimes against justice committed at the pre-trial stages of criminal proceedings: A collection of scientific articles. – Moscow: Jurisprudence, 2020. – Pp. 119–125.
6. *Gaukhman L.D.* Violence as a means of committing a crime. – Moscow: Legal Literature, 1974. – 167 p.
7. *Stepanova M.A.* The threat of violence against a government official and abuse of office / M.A. Stepanova, E.V. Tsarev // Problems of law enforcement. – 2024. – № 3(57). – Pp. 21–24. – 24 p.
8. *Nalimov Yu.D.* Vandalism: differentiation of criminal responsibility and qualifications: specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; penal enforcement law»: dissertation for the degree of candidate of Law / Nalimov Yuri Dmitrievich. – Moscow, 2022. – 188 p.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025

Received: 18.09.2025

Статья принята к публикации: 27.10.2025

Accepted: 27.10.2025

ФИЛОСОФИЯ ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Антонченко Вадим Викторович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: antovadim@yandex.ru

¹Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток, Россия

В работе исследуется принцип гуманизма в рамках уголовного права. Основная задача работы – установить значение гуманистического подхода в повышении результативности борьбы с преступностью, рассматриваемой как более общее понятие, нежели просто отраслевой принцип права. В контексте правового государства, гуманизм необходимо воспринимать не исключительно как инструмент достижения поставленной цели. Ставя во главу угла личность и ее права, гуманизм представляет собой независимую и самодостаточную цель общественного развития. Современное общество стремится к гуманности, но в уголовном праве это не означает слабость государства или всепрощение преступников. Скорее, гуманистический подход правоохранительных органов исключает любое насилие и укрепляет законность государственного принуждения в борьбе с преступностью. Для глубокого научного понимания взаимосвязи между преступностью и уголовным правом необходимо философское осмысление природы гуманизма и его влияния на данную отрасль права. Это позволит выявить зависимость между показателями преступности и процессами криминализации, пенализации, а также особенностями уголовной политики, способными влиять на причины противоправного поведения, усиливая или ослабляя их действие. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: гуманизм, уголовное право, принципы уголовного права, преступность, наказание, справедливость, государственное принуждение

THE PHILOSOPHY OF HUMANISM IN CRIMINAL LAW

Antonchenko V.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: antovadim@yandex.ru

¹Far Eastern Fire and Rescue Academy – branch of St. Petersburg State Fire Service of EMERCOM of Russia, Vladivostok, Russia

The article describes the principle of humanism in the framework of criminal law. The main objective of the work is to establish the importance of a humanistic approach in improving the effectiveness of the struggle against crime, considered as a more general concept than just a branch principle of law. In the context of a rule-of-law state, humanism should not be perceived solely as a tool for achieving a set goal. Putting the individual and his rights at the forefront, humanism is an independent and self-sufficient goal of social development. Modern society strives for humanity, but in criminal law this does not mean the weakness of the state or the forgiveness of criminals. The humanistic approach of law enforcement agencies rather eliminates any violence and strengthens the legitimacy of State coercion in the struggle against crime. For a deep scientific understanding of the relationship between crime and criminal law, a philosophical understanding of the nature of humanism and its impact on this branch of law is necessary. This will reveal the relationship between crime rates and the processes of criminalization, penalization, as well as the features of criminal policy that can influence the causes of illegal behavior; strengthening or weakening their effect.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: humanism, criminal law, principles of criminal law, criminality, punishment, justice, state coercion

Введение

Проблеме гуманизма в уголовном праве посвящено немало научных трудов [1; 2, с. 7–11; 3, с. 129–142; 4, с. 161–172 и др.]. При этом, единого и абсолютно полного определения этого явления в социальном мире, тем более в такой узкой области, как уголовное право, до сих пор не существует и, вероятно, его невозможно дать в окончательной форме. Изучение этой сферы обусловлено мировоззрением исследователя, его системой ценностей, определяющей представления о должном устройстве мира и перспективах развития социума и государства. Ценностный аспект, свойственный гуманитарным наукам и критически важный для понимания сути права, неразрывно связан с вопросами о достоверности знаний, претендующих на научный статус [5, с. 8–15].

Современное государство, используя законные методы принуждения, включая назначение наказаний и применение других уголовно-правовых мер, должно учитывать базовые принципы регулирования социальных взаимодействий. Эти принципы важны не только для поддержания общественной безопасности, но и для стимулирования прогресса и развития общества. Применение уголовно-правовых мер, как инструмент воздействия на общественные отношения, требует особого внимания к основополагающим принципам социальной регуляции. Несоблюдение этих принципов может привести к нарушению баланса между безопасностью и прогрессом, что в конечном итоге негативно скажется на развитии государства.

Апелляция к философско-правовым изысканиям необходима в любой юридической области, отрасли права, законодательства и науки [6]. Актуальность рассмотрения принципов гуманизма в уголовном праве представляется особенно важной по сравнению с другими отраслями юриспруденции. Это объясняется, с одной стороны, тем, что именно на уголовное законодательство возложена функция защиты ключевых общественных ценностей и значимых интересов социума. С другой стороны, уголовное право оказывает самое глубокое воздействие на личные права граждан, существенно ограничивая их. В арсенале уголовного права находятся наиболее мощные средства воздействия на личность (преступника), способные лишить его наиболее ценных благ, включая даже право на жизнь в странах, где смертная казнь легализована.

Современный период в развитии уголовно-правовой науки, в частности, отличается тем, что специалисты все чаще обращаются к принципу гуманности в общественных отношениях, особенно в контексте применения законного государственного принуждения и правоохранительных мер в целом. Анализируя направления совершенствования уголовной политики, специалисты уже давно утверждают, что данный процесс неразрывно связан с гуманизацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Невозможно преувеличить важность принципа гуманизма в работе правоохранительных органов и необходимость гуманизации уголовного права. Тем не менее, признавая потребность в смягчении наказаний в определенных сферах (например, для уменьшения давления на бизнес и сокращения числа заключенных), эксперты и, что особенно важно, практики часто сомневаются в возможности гуманизации уголовной политики как инструмента снижения уровня преступности в обществе.

Философия гуманизма в истории и праве

Гуманизм, происходящий от латинского *humanus*, что значит «человечный», представляет собой антропоцентрическую философию. В основе этого мировоззрения лежит стремление к благополучию человека, защите его свобод, обеспечению равенства и счастья, а также уважению его личного достоинства. Это течение определяет общий принцип организации жизни, опирающийся на признание безусловной ценности человеческого существования. Гуманизм зародился в европейских государствах в период Ренессанса [7, с. 190–196]. Однако, уже в далекой древности мыслители античности размышляли о возможности достижения человеком выдающегося культурного и морального прогресса, видя его связь с гармоничной эстетической формой, сочетающей в себе деликатность и гуманность. Они выдвигали основополагающие гуманистические концепции, провозглашавшие человека определяющим критерием мироздания (Протагор, приблизительно 485–410 гг. до нашей эры; Сократ, около

469–399 гг. до нашей эры; Демокрит, около 460–370 гг. до нашей эры; Цицерон, 106–43 гг. до нашей эры и другие) [8; 9].

Гуманизм, как это сформулировано в Уставе Международного гуманистического и этического союза, представляет собой моральную и демократическую философию жизни. Она постулирует, что люди обладают неотъемлемым правом и личной ответственностью формировать цели и содержание своего существования. Эта философия вдохновляет на создание более человеческого общества, опираясь на этические принципы, укорененные в общечеловеческих и природных ценностях и руководствуясь разумом и непрерывным стремлением к познанию, при этом активно используя человеческий потенциал. Гуманизм отвергает теизм и любые сверхъестественные интерпретации реальности¹.

Гуманизм в наши дни – это спектр разнообразных интеллектуальных течений. Его институционализация и юридическое закрепление начались в межвоенный период и активно продолжают теперь. Концепцию гуманизма для обозначения личного мировоззрения используют агностики, атеисты, рационалисты и члены этических объединений. Они стремятся отделить моральные принципы от религиозных учений и метафизических конструкций, чтобы укрепить их автономное влияние на индивидуальную судьбу и социальные взаимодействия.

Гуманизм выступает в качестве фундаментальной черты права, как явления цивилизации; человечность является атрибутом, позволяющим праву реализовывать свое предназначение. Социальный прогресс определяется отношением общества к гуманизму и его практической реализации. Гуманистический принцип, закрепленный в правовых нормах, исключает релятивизм, то есть его применение не должно зависеть от контекста, временных рамок, специфики ситуации, личных предпочтений или субъективного «внутреннего убеждения» лица, применяющего закон, и других подобных непостоянных или предвзятых факторов.

Моральные и эстетические принципы всегда выходили за рамки личного выбора. Это особенно актуально для тех, кто обладает властью влиять на жизнь других от имени государства, а именно для сотрудников правоохранительных органов и судей, способных решать судьбы людей. Гуманизм сегодня является важнейшей основой рационального мышления, как в теории, так и в социальной практике. В сфере правопорядка это утверждение полностью подтверждается: гуманистические ценности являются всеобщими и объективными даже в большей степени, чем такие социальные феномены, как мораль, государственная власть и закон. Трудно оспорить всеобщность и объективность таких базовых понятий, как жизнь, здоровье, свобода, равенство и безопасность.

В таком понимании принципы гуманизма тесно смыкаются с универсализмом прав человека [10, с. 5–14]. Когда общество свободно от нерационального государственного насилия, проявляющихся при авторитарных и тоталитарных политических режимах, оно не может не признать человека, его жизнь, свободу и достоинство наивысшей ценностью. В подобном социуме все активы, будь то вещественные или идеальные, направляются на достижение наивысшего уровня процветания и защиты человека и его прав.

Идея о восприятии гуманизации в качестве передовой и прогрессивной характеристики формирования связей в обществе, безусловно, важна, однако этого недостаточно. Гуманизм нельзя ограничивать ролью принципа уголовного права или способом урегулирования социальных и правоохранительных задач. В современном мире гуманизм представляет собой независимую, самодостаточную и ценную цель социального развития и общественного прогресса. Инструментом достижения этой цели выступают все области права, включая, в том числе, три взаимосвязанных компонента антикриминального законодательства, а именно уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право. Гуманность, в свою очередь – это качественное состояние, к достижению которого стремится современное общество. По сути, гуманизм – это не просто свойство или правовой принцип, а, в более широком смысле, само право во всей его полноте. Гуманизм должен пронизывать все аспекты социальной жизни и правовой системы, выступая ориентиром для развития общества.

От протагоровского утверждения, что «человек – мера всех вещей», до кантовской концепции морального императива, где личность выступает как самоценная цель, наделенная безусловным до-

¹ International Humanist and Ethical Union [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20130117101233/>; <http://iheu.org/bylaws> (дата обращения: 10.09.2025).

стоинством, как изначально присущим ей ценностным свойством, – всеобщие принципы призывают к более обстоятельному философско-правовому осмыслению гуманизма и в рамках отдельных отраслей юриспруденции. [11; 12, с. 81–98].

Принцип гуманизма в уголовном праве

Подлинный смысл гуманистического подхода в уголовном правосудии вытекает из принципов гуманизма, лежащих в основе всей правовой системы. Этот гуманизм не ограничивается заботой об отдельно взятой личности и тем более не сводится исключительно к положению преступника, сталкивающегося с негативными последствиями своих действий в виде наказания. Гуманизм представляет собой общественный феномен, характерный для развитого общества и правового государства, ориентированного на социальное благополучие. Он влияет на общество в целом, определяя его прогрессивность, уровень благосостояния и защищенности граждан. Гуманизм пронизывает все сферы общественной жизни, способствуя созданию более справедливого и безопасного мира для всех.

Ученые и политики, определяя пути и будущее развития правоохранительной деятельности, зачастую рассматривают гуманизм как умозрительную концепцию, полезную лишь для философских и исторических исследований, но малоприменимую в повседневной реальности. В лучшем случае, концепция гуманизации уголовного законодательства воспринимается как инструмент, который можно выборочно использовать в законодательстве и практике правоохранительных органов в определенных ситуациях [13, с. 355–360; 14, с. 123–130].

Вместе с тем, представляется, что человечность в юриспруденции, в особенности в уголовном праве, выступает как самоценная задача, к достижению которой должно стремиться каждое демократическое, законопослушное и социально-ориентированное государство. Правовые принципы представляют собой фундаментальные концепции, отражающие бытийную основу права. В юриспруденции под принципами права подразумеваются ключевые идеи, первичные положения или направляющие основы процесса создания, эволюции и реализации права². Их суть должна найти свое выражение в четких юридических правилах и практике их реализации. Ключевые принципы правовой системы отражают общечеловеческие идеалы, отсутствие которых делает невозможным ее нормальное функционирование.

В рамках уголовного права его основополагающие начала служат базисом, на котором строится вся система уголовного законодательства. Среди этих принципов гуманизм занимает особое место, являясь не только одной из ключевых идей общеправового характера, но и одной из важнейших основ уголовного права. Наряду с такими принципами, как законность, равноправие, демократизм и взаимная ответственность государства и его граждан, гуманизм играет центральную роль в формировании правовых норм и их применении.

Статья 7 Уголовного кодекса РФ³, которая называется «Принцип гуманизма», устанавливает, что уголовное законодательство РФ обеспечивает безопасность человека (ч. 1); наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2).

Данная норма уточняет применение основополагающей правовой концепции, которая представляет собой общий правовой принцип гуманизма, в узкоспециализированной области уголовного права. Элементы ее конструкции позволяют предположить, что гуманность в уголовном законодательстве проявляется, в первую очередь, через сострадание к нарушителю, а также смягчение как самих наказаний, так и условий их отбывания осужденными. Таким образом, акцент на гуманизме в данной сфере права подчеркивает необходимость учета человеческого аспекта при назначении наказаний и во время их отбывания. Сострадание к правонарушителям предполагает, что система уголовного правосудия не только нацелена на наказание, но и на реабилитацию и восстановление осужденных. Это предполагает

² Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / под ред. проф. М.Н. Марченко. – Т. 2. – Москва: Зерцало, 2002. – С. 22.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

использование альтернативных подходов к наказанию, таких как исправительные мероприятия, которые помогут нарушителям лучше интегрироваться в общество после отбывания своей кары. Указанная норма служит основой для формирования более гуманных и справедливых практик в уголовном судопроизводстве, что, в свою очередь, может позитивно сказаться на уровне криминогенной ситуации в обществе. Этот подход делает акцент на том, что наказание должно быть не только карательным, но и способствующим исправлению, и что важно учитывать человеческую природу правонарушителя при разработке законодательных инициатив.

Гуманизация уголовного права традиционно включает в себя процессы, касающиеся декриминализации и депенализации различных деяний, а также смягчение мер наказания для правонарушителей и улучшение условий функционирования учреждений, где они отбывают наказание. В отечественном уголовном кодексе имеется множество положений, которые направлены на улучшение условий для преступников: об обратной силе уголовного закона (ст. 10 УК РФ), условно-досрочном освобождении от наказания (ст. 79 УК РФ), замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), освобождении наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ), отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ), амнистии (ст. 84 УК РФ), помиловании (ст. 85 УК РФ) и другие. Для наиболее уязвимых категорий лиц в силу их возраста, состояния здоровья и трудоспособности (несовершеннолетних, женщин, беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, мужчин, достигших к моменту вынесения судом приговора 65 лет, а также инвалидов первой группы) существуют смягчающие особенности назначения и исполнения наказаний: (ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53.1, ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59, ст. 88 и др.). Положения о более мягких наказаниях или специальных условий освобождения от уголовной ответственности установлены также в некоторых нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (ст. 126, 205, 25.1, 205.4 и др.). Принцип гуманизма также тесно связан с принципом экономии уголовной репрессии: более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить целей данного наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ).

Тем не менее, подход к гуманизму в уголовном праве как к простому проявлению «жалости к преступнику» не отражает истинной сути и значения данного понятия, являясь чрезмерно ограниченным. Эта точка зрения возникает из восприятия уголовного права лишь как средства наказания, осуществляющего карательные функции. Суть же гуманистического принципа в уголовном праве заключается в том, чтобы установить пределы допустимого воздействия на правонарушителя, а не служить основанием для трактовки гуманизма как смягчающего обстоятельства для тех, кто нарушил закон.

Гуманизм обладает качеством фундаментальной основы для функционирования иных принципов уголовного права. Содержание принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), принципа законности (ст. 3 УК РФ), принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и принципа вины (ст. 5 УК РФ) без их опоры на принцип гуманизма остается пустым: законность без ее ориентации на гуманистические цели может быть неправовой; принципы равенства, вины и справедливости, имея субъективный характер и не направленные на защиту «человечности», могут применяться противоположно своему сущностному содержанию – особенно наглядно это проявляется в сословных обществах и условиях недемократических государственных режимов.

Уголовное право, функционирующее как средство наказания, имеет негативное содержание своих норм в отношении тех, на кого они направлены (преступников), так как подразумевает явное причинение им ущерба. Законность такого ущерба не снимает его отрицательную (антиценную) природу. Другими словами, наказание представляет собой зло, противопоставленное злу совершенного преступления. В соответствии с этой точкой зрения, основная задача уголовного права заключается в том, чтобы по возможности минимизировать вредные последствия, связанные с наказанием, и наделить его характеристикой «меньшего из зол».

Принцип гуманизма в уголовном праве имеет многогранный характер. С одной стороны, он подчеркивает первостепенное значение усилий государства в защите граждан и общества от преступных деяний. С другой стороны, гуманизм проявляется в справедливом и уважительном отношении к правам и свободам преступников. Несоблюдение баланса между этими аспектами может привести либо к чрезмерно мягким наказаниям, которые не выполняют своих функций, либо к жестоким мерам, не соответствующим степени нарушения, причиненного преступлением.

Гуманизм по отношению к потерпевшему подразумевает стремление к максимальному восстановлению его прав и устранению негативных последствий преступления. В свою очередь, гуманизм по отношению к преступнику предполагает создание реальных возможностей для его социальной реабилитации и реадaptации, а также изменение мышления, что позволит избежать рецидивов.

Гуманизм в отношении общества означает стремление максимально сохранить членов общества, совершивших правонарушения, но при этом имеющих возможность доказать свою безопасность и желание исправиться. В то же время, важно, чтобы общество было надежно защищено от тех индивидов, чьи преступления указывают на их опасность. Таким образом, гуманизм в уголовном праве требует тонкого подхода, учитывающего интересы всех сторон и стремящегося к гармонии между ними.

Уголовно-правовые отношения представляют собой лишь одну из разновидностей правовых отношений в целом, следовательно, идея гуманизма в уголовном праве возникает из более широкого понятия гуманности самого права. Гуманизация представляет собой многогранный и многослойный процесс, в котором все элементы находятся в диалектической взаимосвязи: гуманизация уголовно-правовых отношений и пенитенциарной системы является конкретными проявлениями гуманизации всех социальных взаимодействий. Государство, формируя через правовые нормы стандарты поведения граждан в обществе, обязано устанавливать актуальные и цивилизованные ориентиры гуманного обращения с личностью, которые должны охватывать все сферы общественной жизни, включая уголовные наказания и режим в местах лишения свободы.

Гуманизм и охрана личности человека

Сложно представить себе этико-философскую систему, которая не ставит во главу угла свои представления о человеке и человечности. Например, конфуцианство, как одна из самых ранних философских традиций, постепенно превратившаяся в мировоззрение, общественную мораль, политическую доктрину и научный подход для народов Юго-Восточной Азии, обращает внимание на вопросы организации отношений между правителями и их подданными. Конфуцианство акцентирует, что основным принципом морали, которому должны следовать все, является «золотое правило», подразумевающее снисхождение (в других интерпретациях – «взаимность», «забота о людях», «великодушие», «сострадание») [15, с. 111–118].

Принцип гуманизма в области уголовного права проявляется в первую очередь через конструктивный и рациональный подход к наказанию. Уголовное наказание не должно восприниматься как акт мести за преступные деяния. Государственная власть, учитывая свой публичный характер, применяет (или должна применять) законные меры принуждения, но исключительно для целей, обозначенных в законодательстве. Таковой целью является норма статьи 43 УК РФ, которая указывает, что наказание используется для восстановления социальной справедливости, а также для коррекции поведения осужденного и предотвращения новых правонарушений. Учитывая, что многие ученые признают неопределенность термина «восстановление социальной справедливости», а практика показывает сложности в процессе «исправления осужденного», главной задачей наказания представляется предупреждение новых преступлений.

Многолетние исследования последствий наказаний показывают, что их сдерживающий эффект далек от идеального. Стигматизируя людей, совершивших ошибку, наказание провоцирует враждебность, часто скрытую, иногда явную. Привычка к насилию, как способу решения всех проблем, делает людей и общество в целом более жестокими; ожесточение умов неизбежно обесценивает как само право, так и ценности, которые оно призвано оберегать, включая общечеловеческие: жизнь, свободу, равенство перед законом, права личности.

Следовательно, гуманистический подход демонстрирует практическую пользу, а гуманизация в рамках уголовной политики является потребностью общества, возможно, даже большей, чем для лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Ключевое изменение в общественном, и прежде всего в юридическом, сознании должно заключаться в осознании того, что наказание за преступление не должно быть актом бессмысленной мести. Уголовному праву, вероятно, следует переосмыслить устоявши-

еся веками принципы, согласно которым основной целью привлечения к ответственности является наказание, а не компенсация вреда, причиненного преступлением потерпевшему.

Анализ различных подходов к борьбе с преступностью на международном уровне показывает явную закономерность: более гуманное отношение к людям, включая комфортные условия содержания в местах лишения свободы, приводит к снижению уровня преступности и повышению общественной безопасности. Это подтверждается множеством практических примеров. Системы правосудия с фокусом на реабилитацию и ресоциализацию нарушителей, а не только на их наказание, демонстрируют эффективность в уменьшении количества правонарушений. Кроме того, высокий уровень жизни, социальная справедливость, доступное образование и качественное здравоохранение играют ключевую роль в формировании безопасного общества, устраняя многие социальные предпосылки для преступности. В государствах, внедряющих более гуманные условия содержания для заключённых — такие как образовательные программы, переподготовка и психологическая поддержка — наблюдается значительно меньший процент рецидивов. Это способствует улучшению общей криминогенной ситуации. Таким образом, гуманизация правоохранительной и пенитенциарной систем выступает важным компонентом обеспечения стабильной общественной безопасности [16, с. 42–45; 17, с. 115–121; 18, с. 145–153]. Низкий уровень преступности способствует формированию гуманного законодательства, которое, в свою очередь, поддерживает низкую преступность. Эти явления тесно связаны между собой, находясь в диалектической зависимости. В данном контексте государство, обладая наибольшей мощностью и эффективным механизмом принуждения, включая следование нормам позитивного права, играет ключевую роль в инициировании этого взаимозависимого процесса. Его задача заключается в стимулировании изменений и содействии положительному развитию взаимосвязи между уголовными правонарушениями и возникающими из них уголовными правоотношениями.

Современное государство, обладая ресурсами и возможностями, может позволить себе более лояльное отношение к гражданам, нарушившим закон, если их действия не причиняют ущерб жизни, здоровью или половой неприкосновенности других людей. При этом важно, чтобы нанесенный вред был полностью возмещен, а гуманность проявлялась, прежде всего, по отношению к потерпевшему. Однако в ситуациях, когда преступления затрагивают личность человека, его жизнь, здоровье или половую неприкосновенность, приоритетом должна становиться защита прав пострадавшего. Государство и уголовное законодательство, рассматривая личность как основной объект уголовно-правовой охраны, обязаны демонстрировать абсолютную нетерпимость к подобным преступлениям.

Сегодня проявляемое государством снисхождение к насильственным преступлениям вряд ли можно назвать гуманным, а защиту личности достаточной. Даже жизнь человека, несмотря на декларацию ст. 2 УК РФ и расположение раздела VII (преступления против личности), открывающего Особенную часть уголовного закона, не пользуется приоритетной защитой государства. Так, максимальные санкции за незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ (ч. 3 ст. 228, ч. 4, 5 ст. 228.1 УК РФ), получение либо дачу взятки (ч. 6 ст. 290, ч. 5 ст. 291 УК РФ), являются гораздо более строгими, чем за убийство или изнасилование, в том числе, квалифицированное (ч. 1 ст. 105 УК РФ, ч. 1, 2, 3 ст. 131 УК РФ).

Принцип гуманизма является неотъемлемой частью правоохранительной деятельности, поскольку он формирует её основу, направленную на защиту человека, и достигает своего высшего проявления в профессиональной работе судьи при вынесении приговора. Если данный принцип не выступает для правоохранителя важным ориентиром в ежедневной деятельности, то его способность выполнять функцию, направленную на гармонизацию общества, становится недостижимой.

Заключение

Содержание общественных связей, включая сферу уголовно-правовых отношений, напрямую определяется ролью человека в них. Государство, которое строит свою уголовную политику на основе признания и защиты прав и свобод личности, а также уголовное право, опирающееся на принципы гуманизма, не демонстрирует слабость. Напротив, такая стратегия повышает их эффективность в борьбе с преступностью. Принципы гуманизма в уголовном праве базируются на ценностном подходе, кото-

рый учитывает антропоцентрическую природу общественного бытия и признаёт существование ключевых универсальных ценностей, связанных с личностью и её правами. Гуманизм в праве предполагает бережное отношение как к человеку, так и к обществу. При разработке уголовного законодательства государство обязано отражать ценностные ориентиры и правовые идеи, утверждающие право человека на жизнь, безопасность, достоинство и неприкосновенность частной жизни.

Уголовно-правовые нормы, а особенно практика их применения, должны основываться на принципе гуманизма, соответствуя ключевым конституционным и уголовно-правовым принципам справедливости и равенства перед законом. Гуманизация уголовного права и политики современного государства должна опираться не только на передовые достижения уголовного права и криминологии, но и на современные исследования в области девиантологии, социологии, психологии, философии права, а также других наук социогуманитарного направления, изучающих взаимоотношения между индивидом, обществом и государством.

Гуманизация уголовного права и уголовной политики невозможна в условиях слабой правоохранительной системы; гуманизм – это признак просвещенного и сильного государства, его фундаментальная доктрина, определяющая природу правоохранительной деятельности, главной целью которой является обеспечение безопасности граждан. Гуманизация уголовно-правовых отношений, закреплённая на уровне юридических норм и интегрированная в повседневную практику правоприменения, должна стать приоритетным направлением развития уголовного права современного государства. Это выступает рациональным условием для преобразования правоохранительных и пенитенциарных институтов.

Список литературы

1. *Кашепов В.П., Гравина А.А., Кошаева Т.О.* Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / под общ. ред. В.П. Кашепова. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 336 с.
2. *Говорухин А.Е.* Гуманизация уголовно-правовой политики // *Юридический факт.* – 2016. – № 5 (5). – С. 7–11.
3. *Дронова Ю.А., Туманова Л.В.* Размышления о принципе гуманизма // *Вестник ТвГУ. Сер.: Право.* – 2022. – № 1 (69). – С. 129–142.
4. *Дубровина Е.С.* Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция.* – 2018. – № 4. – С. 161–172. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172.
5. *Антонченко В.В.* Актуальность исследования ценностного содержания уголовного права // *Уголовная юстиция.* – 2024. – № 24. – С. 8–15. DOI 10.17223/23088451/24/2.
6. *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права: монография. – Москва: Современная гуманитарная академия, 2003. – 524 с.
7. *Цикалюк М.В.* Основные теоретические подходы к анализу понятия «гуманизм» в истории науки // *Ученые записки Забайкальского государственного университета.* – 2010. – №4 (33). – С. 190–196.
8. *Pinn A.B.* *The Oxford Handbook of Humanism.* – Oxford University Press, 2021. – 824 p.
9. *Law S.* *Humanism: A Very Short Introduction.* – Oxford University Press, 2011. – 168 p.
10. *Антонченко В.В.* Универсальность прав человека как агрегация закона и морали // *Вестник Омского университета. Сер. Право.* – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 5–14. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(1).5-14.
11. *Лебедев А.В.* Протагор / *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин.* – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Мысль, 2010. – 2816 с.
12. *Фасоро С.А.* Кант о человеческом достоинстве: автономия, человечество и права человека // *Кантовский сборник.* – 2019. – Т. 38, № 1. – С. 81–98. DOI: 10.5922/0207-6918-2019-1-4.
13. *Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В.* Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // *Вестник Казанского юридического института МВД России.* – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 355–360. DOI: 10.24420/KUI.2019.23.36.015.
14. *Простосердов М.А.* Проблемы реализации гуманизма в санкциях норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права.* – 2022. – № 2 (17). – С. 123–130. DOI: 10.46741/2713-2811.2022.17.2.014.
15. *Гусейнов А.А.* Золотое правило нравственности по Конфуцию // *Ведомости прикладной этики.* – 2018. – № 52. – С. 111–118.

16. *Антропова Н.А., Антропов Р.В., Фирсов О.В.* Современная преступность в странах Европейского Союза: анализ, оценки, способы противодействия // *Российский следователь*. – 2023. – № 3. – С. 42–45. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-3-42-45.
17. *Гордеев А.Ю.* К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // *Вопросы российского и международного права*. – 2017. – Т. 7, № 11А. – С. 115–121.
18. *Майоров В.И., Дунаева О.Н.* Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2017. – № 1 (39). – С. 145–153.

References

1. *Kashepov V.P., Gravina A.A., Koshaeva T.O.* Humanization of modern criminal legislation: a monograph / under the general editorship of V.P. Kashepov. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2015. – 336 p.
2. *Govorukhin A.E.* Humanization of criminal law policy // *Legal fact*. – 2016. – № 5 (5). – Pp. 7–11.
3. *Dronova Yu.A., Tumanova L.V.* Reflections on the principle of humanism // *TvSU Bulletin. Series: Law*. – 2022. – No. 1 (69). – Pp. 129–142.
4. *Dubrovina E.S.* Humanization of criminal law as a trend of social development // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. – 2018. – No. 4. – Pp. 161–172. DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-161-172.
5. *Antonchenko V.V.* Relevance of the study of the value content of criminal law // *Criminal Justice*. – 2024. – No. 24. – Pp. 8–15. DOI 10.17223/23088451/24/2.
6. *Kerimov D.A.* Methodology of law. The subject, functions, and problems of the philosophy of law: a monograph. – Moscow: Modern Humanitarian Academy, 2003. – 524 p.
7. *Tsikalyuk M.V.* Basic theoretical approaches to the analysis of the concept of “humanism” in the history of science // *Scientific Notes of the Trans-Baikal State University*. – 2010. – No. 4 (33). – Pp. 190–196.
8. *Pinn A.B.* *The Oxford Handbook of Humanism*. – Oxford University Press, 2021. – 824 p.
9. *Law S.* *Humanism: A Very Short Introduction*. – Oxford University Press, 2011. – 168 p.
10. *Antonchenko V.V.* Universality of human rights as an aggregation of law and morality // *Bulletin of Omsk University. The Pravo series*. – 2024. – Vol. 21, No. 1. – Pp. 5–14. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(1).5-14.
11. *Lebedev A.V.* *Protogor* // *New philosophical encyclopedia: in 4 volumes / pre-scientific-ed. Council of V.S. Stepin*. – 2nd ed., ispr. and add. – Moscow: Mysl, 2010. – 2816 p.
12. *Fasoro S.A.* Kant on human dignity: autonomy, humanity and human rights // *Kant Collection*. – 2019. – Vol. 38, No. 1. – Pp. 81–98. DOI: 10.5922/0207-6918-2019-1-4
13. *Latypova E.Yu., Nechaeva E.V.* Controversial issues of the content of the principle of humanism in criminal law // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – Vol. 10, No. 3. – Pp. 355–360. DOI: 10.24420/KUI.2019.23.36.015.
14. *Prostoserdov M.A.* Problems of the realization of humanism in the sanctions of the norms of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation // *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*. – 2022. – No. 2 (17). – Pp. 123–130. DOI: 10.46741/2713-2811.2022.17.2.014.
15. *Huseynov A.A.* The Golden rule of morality according to Confucius // *Bulletin of Applied Ethics*. – 2018. – No. 52. – Pp. 111–118.
16. *Antropova N.A., Antropov R.V., Firsov O.V.* Modern crime in the countries of the European Union: analysis, assessments, methods of counteraction // *A Russian investigator*. – 2023. – No. 3. – Pp. 42–45. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-3-42-45.
17. *Gordeev A.Yu.* On the issue of positive experience in crime prevention in foreign countries // *Issues of Russian and international law*. – 2017. – Vol. 7, No. 11А. – Pp. 115–121.
18. *Mayorov V.I., Dunaeva O.N.* Modern concepts of interaction between the police and society as a means of countering crime: the experience of foreign countries and Russia // *Legal science and law enforcement practice*. – 2017. – No. 1 (39). – Pp. 145–153.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2025

Received: 18.09.2025

Статья принята к публикации: 24.10.2025

Accepted: 24.10.2025

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРАКТИКОВ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Штыков Дмитрий Викторович^{1,2},

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: Shtykov.DV@tversu.ru*

Дронов Максим Олегович³,

e-mail: dronov04m@mail.ru

¹*Тверской государственный университет (ФГБОУ ВО «ТвГУ»), г. Тверь, Россия,*

²*Юридическое бюро «Падва и Эпштейн», г. Москва, Россия,*

³*Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (Университет) (ФГБОУ ВО «МГИМО(У)»), г. Москва, Россия*

Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования статуса практиков по несостоятельности в Великобритании. В частности, рассматриваются такие аспекты заявленной темы как порядок получения статуса специалиста по несостоятельности, а также требования, предъявляемые к лицам, наделенным данным статусом; роль профессиональных объединений, осуществляющих аттестацию специалистов по несостоятельности; вознаграждение лиц, проводящих процедуру несостоятельности. В юридической литературе отмечается, что «регулирование несостоятельности и ответственности за противоправные действия, связанные с банкротством, складывалось в Англии на протяжении нескольких веков»¹. Только современный этап развития законодательства о несостоятельности начался с принятия Закона об акционерных обществах (1844) и Закона о ликвидации акционерных обществ (1844). Таким образом, Великобритания прошла значительный путь в совершенствовании правового регулирования несостоятельности, что делает целесообразным его исследование, в том числе, в целях рецепции положительного опыта. Основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, а также частнонаучный метод сравнительного правового анализа. В заключении статьи сделан ряд выводов, имеющих значение для оптимизации правового регулирования института несостоятельности в Российской Федерации.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: несостоятельность, внешняя администрация, реорганизация, администрация доходов, ликвидация, специалисты по несостоятельности, профессиональные объединения, страхование ответственности, вознаграждение

THE LEGAL STATUS OF INSOLVENCY PRACTITIONERS UNDER THE LEGISLATION OF THE UNITED KINGDOM

Shtykov D.V.^{1,2},

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: Shtykov.DV@tversu.ru*

Dronov M.O.³,

e-mail: dronov04m@mail.ru

¹*Tver State University (FSBEI HE “TverSU”), Tver, Russia*

²*Law Office “Padva & Epstein”, Moscow, Russia*

³*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (FSBEI HE “MGIMO University”),
Moscow, Russia*

¹ Коммерческое (торговое) право зарубежных стран: учебник и практикум для вузов / отв. ред. В.Ф. Попондопуло, О.А. Макарова. – 4-е изд. – Москва: Юрайт, 2025. – 562 с. – (Высшее образование // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – 405 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/560047/p.405> (дата обращения: 14.09.2025).

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal regulation of the status of insolvency practitioners in the United Kingdom. In particular, it examines such aspects of the topic as the procedure for obtaining the status of an insolvency practitioner and the requirements imposed on persons vested with this status; the role of professional associations responsible for licensing and certifying insolvency practitioners; and the remuneration of persons conducting insolvency proceedings. It is noted in the legal literature that “the regulation of insolvency and liability for illegal actions related to bankruptcy has been developing in England for several centuries.”² The modern stage of the development of insolvency legislation, however, began with the adoption of the Joint Stock Companies Act (1844) and the Joint Stock Companies Winding-Up Act (1844). Thus, the United Kingdom has gone through a significant process of improving the legal framework of insolvency, which makes its study relevant, including for the purpose of borrowing best practices. The methodological basis of the study consists of general scientific methods of analysis and synthesis, as well as the specific scientific method of comparative legal analysis. The conclusion provides a number of findings that may be relevant for optimizing the legal regulation of insolvency in the Russian Federation. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: insolvency, external administration, reorganization, revenue administration, liquidation, insolvency specialists, professional associations, liability insurance, remuneration

Одну из ключевых позиций в субъектном составе дел о несостоятельности занимает арбитражный управляющий, главной задачей которого является объективное и беспристрастное посредничество между другими участниками процесса в целях финансового оздоровления либо эффективного банкротства компании в интересах кредиторов, а в широком контексте – общества в целом. В связи с изложенным опыт правового регулирования статуса специалистов по несостоятельности, накопленный одной из старейших юрисдикций мира, представляется значимым в аспекте сравнительного правоведения и рецепции позитивных практик. Подобную позицию разделяют, в частности, авторы теоретического курса «Сравнительное банкротное право», подготовленного кафедрой предпринимательского права МГУ им. М.В. Ломоносова: «Активное развитие института несостоятельности (банкротства) ставит перед российским законодателем и правоприменителем множество сложных и неоднозначных вопросов, решение которых предполагает формирование научно-практических подходов. Многие из данных подходов были сформированы в зарубежных правовых порядках, где рыночная экономика, а следовательно, и институт несостоятельности (банкротства) преодолевали множество кризисов в течение нескольких столетий, а научные традиции банкротного права являются устоявшимися и не подвергающимися сиюминутному пересмотру в силу колеблющейся правоприменительной практики либо усмотрения различных научных школ»³.

В настоящее время основной источник английского права в сфере несостоятельности – Закон о несостоятельности (Insolvency Act 1986)⁴, который характеризуется «как один из наиболее прогрессивных законов о несостоятельности, действующих в настоящее время»⁵, и Закон о компаниях (Companies Act 2006)⁶. Важно отметить, что в Великобритании «понятие “несостоятельность” (insolvency) применяется в отношении юридических лиц, а “банкротство” – в отношении физических лиц. По отношению к юридическим лицам также используется понятие ликвидации (winding-up)» [1].

В соответствии с пунктом 3 приложения В1 к Закону о несостоятельности с поправками, внесен-

² Commercial (Trade) Law of Foreign Countries: Textbook and Practical Manual for Universities / eds. V.F. Popondopulo, O.A. Makarova. – 4th ed. – Moscow: Urait, 2025. – 562 p. (Higher Education Series // Yurayt Educational Platform [website]. – 405 p.). – URL: <https://urait.ru/bcode/560047/p.405> (accessed 14 September 2025). Text: electronic.

³ Сравнительное банкротное право: теоретический курс / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. С.А. Карелина; под ред. С.А. Карелиной и А.С. Щелоковой. – Москва: Статут, 2025. – С. 7. – URL: <https://www.estatut.ru/catalogue/books/grajdanskoe-pravo/predprinimatelskoe-pravo/sravnitelnoe-bankrotное-pravo-teoreticheskiy-kurs-otvetstveniy-redaktor-doktor-yuridicheskikh-nauk-professor-s-a-karelina/> (дата обращения: 14.09.2025).

⁴ Insolvency Act 1986. – URL: <https://www.moneyclaimsuk.co.uk/legislation/insolvency-act.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).

⁵ Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) в зарубежных странах в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие // Юстицинформ. – 2020. – URL: <https://base.garant.ru/77455081/> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶ Companies Act 2006. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/pdfs/ukpga_20060046_en.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

ными Законом о предпринимательской деятельности (Enterprise Act 2002)⁷, главной целью специалиста по несостоятельности (insolvency practitioner) является спасение компании как действующего предприятия, а в случае, если это невозможно – продажи бизнеса. В случае, если и это невозможно – реализация имущества для распределения между кредиторами в целях удовлетворения их интересов. Согласно положениям Закона о несостоятельности (sch. B1, пункт 67), специалист, после того как он назначен, заменяет директоров компании.

Указанное подтверждает ключевую роль данного лица в делах о несостоятельности, одновременно актуализируя значимость исследования его правового статуса.

Согласно данным, опубликованным Службой по делам о несостоятельности Министерства бизнеса и торговли Великобритании «в Англии и Уэльсе в 2023 г. было зарегистрировано 25 158 банкротств компаний. Это наибольшее годовое значение с 1993 г.»⁸.

В соответствии с законодательством Англии и Уэльса в случае наличия у компании финансовых проблем в отношении нее могут быть введены следующие виды процедур несостоятельности: внешняя администрация, соглашение о реструктуризации задолженности, реорганизация, администрация доходов, ликвидация. Большинство этих процедур регламентируется Законом о несостоятельности 1986 года, и лишь процедура реорганизации – Законом о компаниях 2006 года.

Следует отметить, что такая процедура как внешняя администрация существенным образом была обновлена Законом о предпринимательской деятельности 2002 года. Так, согласно изменениям, компания или ее директора вправе сами назначить ресивера (администратора) без обращения в суд, тогда как согласно общему правилу должник/кредитор, который обращается с заявлением о несостоятельности компании в суд, помимо, собственно, доказательств несостоятельности, предлагает и кандидатуру специалиста по несостоятельности.

«Законодательство Великобритании устанавливает отдельные критерии принудительного и добровольного банкротства» [2]. Поэтому, что касается процедуры ликвидации, то в ее рамках назначение специалиста по несостоятельности – ликвидатора – зависит от того, кто ее инициирует: если речь идет о добровольной ликвидации, то кандидатуру ликвидатора выбирают учредители компании квалифицированным большинством (не менее $\frac{3}{4}$ от общего числа голосов), после чего эту кандидатуру могут утвердить кредиторы. Однако они также вправе выбрать другую кандидатуру простым большинством голосов. Если же речь идет о принудительной ликвидации, то суд назначает специалиста по несостоятельности, которого впоследствии может утвердить в качестве ликвидатора собрание кредиторов. Таким образом, «суть процедуры банкротства по праву Великобритании состоит в том, что фактический контроль над потенциальной компанией-банкротом получает третье лицо, являющееся представителем кредиторов» [3]. По этому поводу в специальной литературе отмечается, что банкротство в Англии носит «прокредиторский характер» [4]. Данная особенность присуща английскому праву начиная с 1705 года⁹. Очевидно, что в качестве специалиста по несостоятельности может выступать лишь лицо, соответствующее установленным требованиям.

Основы правового статуса указанных лиц регламентируются в главе 8 Закона о несостоятельности 1986 г. Интересно, что такой статус может быть присвоен не только соответствующим профессиональным объединением, но и уполномоченным государственным органом – Министерством промышленности и торговли.

В.И. Михайлова отмечает, что «в Великобритании организаций, уполномоченных выдавать практикующим специалистам по несостоятельности лицензии (разрешения), всего восемь. Это Ассоциация дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА, здесь и далее англ. аббревиатура), Ассоциация практикующих специалистов по несостоятельности (ИРА), Институт дипломированных бухгал-

⁷ Enterprise Act 2002. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/40/pdfs/ukpga_20020040_en.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

⁸ В Англии и Уэльсе число банкротств компаний достигло максимума за 30 лет. – URL: <https://expert.ru/news/ekonomiki-evrosoyuza-i-evrozony-v-iv-kvartale-2023-g-nakhodilis-v-stagnatsii/> (дата обращения: 17.09.2025).

⁹ См.: *Sgard Jérôme*. On market discipline: Bankruptcy, debt discharge, and renegotiation in England and France (17th–19th century). ISNIE Annual Conference, June 2007, Reykjavik. – URL: <https://isnie-archive.sioe.org/assets/files/papers2007/sgard.pdf> (дата обращения: 17.09.2025).

теров Англии и Уэльса (ICAEW), Институт дипломированных бухгалтеров Шотландии (ICAS), Институт дипломированных бухгалтеров Ирландии (ICAI), Независимый надзорный орган (управление или саморегулируемая организация солиситоров) (SRA) Союза юристов Англии и Уэльса, Юридическое сообщество Шотландии и Юридическое сообщество Северной Ирландии» [5].

Закон о несостоятельности предъявляет определенные требования к лицам, претендующим на статус специалиста по несостоятельности в части образования, а также практической подготовки и опыта. Согласно этим требованиям, заявитель должен иметь один или несколько дипломов об образовании по специальностям, указанным в законе, либо академические или профессиональные квалификации, подтверждающие достижение эквивалентного им уровня образования.

Также обязательным требованием является успешная сдача экзамена Объединенной комиссии по экзаменам на банкротство (JIEB – Joint Insolvency Examination Board). Экзамены JIEB проводятся раз в год, обычно в ноябре. С 2018 года экзамены проводятся по двум предметам: корпоративная несостоятельность и банкротство физических лиц. Кандидаты должны сдать оба экзамена, чтобы получить полную лицензию практика по несостоятельности. Однако для получения частичной лицензии кандидатам необходимо сдать только один экзамен. Экзамен JIEB является практико-ориентированным и проверяет знания и навыки, которые специалисты по несостоятельности применяют в своей работе¹⁰. При этом, к сдаче экзамена «допускаются только дипломированные бухгалтеры или юристы» [6].

Важно отметить, что «осуществление деятельности в качестве специалиста по несостоятельности без подтверждения соответствующей квалификации является преступлением и наказывается лишением свободы и (или) штрафом. В своей деятельности специалист по несостоятельности руководствуется положениями законодательства о банкротстве, сборниками правоприменительной практики, а также кодексом этики»¹¹.

Также законодательство устанавливает требование для специалиста по несостоятельности о непрерывном образовании. Контроль за их деятельностью осуществляет ассоциация арбитражных управляющих, равно как и периодические проверки на соответствие профессиональным стандартам и положениям законодательства. Такие плановые проверки проводятся раз в три года.

Специалистом по несостоятельности не может стать лицо, которое либо признано банкротом, либо в отношении которого вынесен приказ об освобождении от долгов и введен мораторий на удовлетворение требований кредиторов. Кроме того, данный статус не может быть присвоен лицу, которое дисквалифицировано в порядке, установленном Законом о дисквалификации директоров компании (Company Directors Disqualification Act 1986)¹², а также лицу, признанному недееспособным.

Как уже отмечалось, профессиональные объединения осуществляют проверки в отношении специалистов по несостоятельности, являющимися их членами. Такие проверки проводятся, в том числе, и по жалобам на действия или бездействие практика по несостоятельности.

В специальной литературе приводятся данные, согласно которым «в 2016 г. профессиональными объединениями было проведено 328 плановых и 23 внеплановых проверки деятельности арбитражных управляющих, в 268 случаях (76 %) не было выявлено нарушений; в то же время пять проверок (1,4 %) завершились отзывом лицензии арбитражного управляющего, еще в пяти (1,4 %) случаях действие лицензии было приостановлено. Выявление нарушений в деятельности арбитражных управляющих происходит не только путем проведения надзорных мероприятий со стороны профессиональных объединений, но и в результате рассмотрения поступивших жалоб и обращений. Так, всего за 2016 г. в Великобритании поступило 847 жалоб на действия арбитражных управляющих, из них отклонено 247 (29 %). Среди наиболее распространенных оснований подачи жалоб следует выделить: нарушение порядка проведения процедур (32 %), нарушение порядка информирования (29 %) и нарушение кодекса профессиональной этики (28 %). При этом 54 % обращений было подано должниками, 18 % – кредиторами и 6 % – директорами компаний» [7].

¹⁰ <https://jieb.co.uk/the-exams/> (дата обращения: 16.09.2025).

¹¹ Section 389, Insolvency Act 1986. – URL: <https://www.moneyclaimsuk.co.uk/legislation/insolvency-act.pdf> (дата обращения: 17.09.2025).

¹² Company Directors Disqualification Act 1986. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/46/contents> (дата обращения: 17.09.2025).

Важной составляющей правового статуса специалиста по несостоятельности является обязательное страхование его ответственности. Согласно Закону о несостоятельности, никакое лицо не будет иметь право действовать в отношении другого лица, пока применительно к надлежащему выполнению его функций не будет предоставлено обеспечение. При этом минимальные требования таковы: «на момент назначения практикующего специалиста по несостоятельности существует действительная гарантия, по которой поручитель отвечает в пределах общей оценочной неустойки (penalty sum) в размере 250 000 ф. ст.»¹³.

Закон о несостоятельности определяет также механизм привлечения специалистов по несостоятельности к ответственности. Так, Г.А. Салахетдинова указывает, что к отзыву лицензии могут привести следующие действия специалистов по несостоятельности:

- 1) «неоднократное нарушение принципа объективности, отсутствие достаточного уровня компетенции, нарушение публичных интересов;
- 2) неоднократное нецелевое использование средств в процедурах банкротства;
- 3) ненадлежащий контроль за расходом средств в процедуре банкротства и, как следствие, причинение вреда должнику и кредиторам;
- 4) использование средств в личных целях;
- 5) признание арбитражного управляющего банкротом» [7].

Приступая к анализу вопроса о вознаграждении лиц, проводящих процедуру несостоятельности компаний в Великобритании, следует отметить, что их проводят как государственные служащие (official receivers), так и практики по несостоятельности (insolvency practitioners)¹⁴. Для понимания объема работы указанных категорий специалистов приведем данные из специальной литературы по зарубежной практике антикризисного управления: «Из 1 108 человек, назначенных на процедуры несостоятельности, 50 были государственными служащими, и провели они (при содействии помощников общим числом около 1 000 человек – сотрудников Государственной Службы Несостоятельности) 42 тысячи процедур. Оставшиеся «назначенцы» в количестве 1058 человек, называемые в Англии частными «практиками по несостоятельности» (Insolvency Practitioners), провели (также со своими помощниками) 20 тысяч процедур несостоятельности, и именно эти лица являются наиболее близкими аналогами российских арбитражных управляющих. В дополнение к этим процедурам в том же 2004 году 15 тысяч состоятельных британских компаний было ликвидировано по решению своих участников/акционеров и (поскольку в соответствии с английским законодательством любая ликвидация осуществляется также под контролем практиков по несостоятельности) общая «нагрузка» этой категории специалистов составила 35 тысяч процедур»¹⁵. Несмотря на то, что речь идет об относительно давней статистике, приведенные данные относительно распределения процедур между двумя указанными категориями специалистов являются иллюстративными. Отметим, что опыт Великобритании в регулировании этого вопроса позиционируется исследователями как положительный [8].

В Соединённом Королевстве процедура банкротства или ликвидации предприятия в среднем занимает около года, что свидетельствует о высокой эффективности и отлаженности данного процесса. Однако при более детальном рассмотрении данной статистики возникает ряд закономерных вопросов, связанных с реальными возможностями реализации такого количества дел в установленные сроки. Например, как на практике один официальный ресивер мог успеть провести за этот период целых 840 процедур несостоятельности? Даже если рассматривать нагрузку практиков по несостоятельности, то 35 дел на одного человека, по меркам российской правовой системы, представляются крайне высоким показателем, требующим дополнительного анализа.

¹³ Section 390, Insolvency Act 1986. – URL: <https://www.moneyclaimsuk.co.uk/legislation/insolvency-act.pdf> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁴ См., например: Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права: монография / коллектив авторов; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.Н. Левушкин, канд. юрид. наук, доц. Э.Х. Надьсева). – Государственный университет просвещения. – Москва: Юстицинформ, 2023. – URL: <https://base.garant.ru/480916720/> (дата обращения: 17.09.2025).

¹⁵ *Файншидт Е.А.* Зарубежная практика антикризисного управления: учебное пособие. – Москва, 2012. – С. 136.

Принципиальное различие в назначении между государственным ресивером и специалистом по несостоятельности определяется прежде всего экономическими факторами, а именно – объёмом и ликвидностью активов должника. Государственные ресиверы традиционно занимаются наиболее стандартными и малозначительными с финансовой точки зрения делами. Речь идёт о банкротствах мелких торговых предприятий, случаях с отсутствующими должниками или процедурах, инициированных в отношении физических лиц. Их профессиональное вознаграждение строго регламентировано и рассчитывается согласно утверждённым государственным тарифам почасовой оплаты. Источником выплат выступают либо сохранившиеся активы должника (после полного погашения всех судебных издержек и обязательных платежей), либо, в случае их недостаточности или полного отсутствия, средства государственного бюджета.

В отличие от государственных ресиверов, специалисты по несостоятельности назначаются на существенно более сложные и экономически привлекательные дела, где активы должника представляют значительную материальную ценность. Именно поэтому при определении ответственного лица судья руководствуется прежде всего принципом экономической целесообразности: дела с минимальными активами автоматически попадают в ведение государственных ресиверов, тогда как перспективные с финансовой точки зрения случаи передаются специалистам, имеющим соответствующий опыт и квалификацию.

Такая дифференциация позволяет создать сбалансированную систему распределения дел о банкротстве, при которой государственные ресиверы занимаются преимущественно рутинными и мало доходными процедурами, а частные управляющие концентрируются на сложных случаях с высоким потенциалом вознаграждения. Подобный подход не только оптимизирует нагрузку на участников процесса, но и способствует наиболее оптимальному проведению процедур банкротства в различных экономических условиях. При этом важно отметить, что подобная система демонстрирует свою эффективность именно благодаря чёткому разделению полномочий и зон ответственности между государственными ресиверами и специалистами по несостоятельности.

Таким образом, анализ правового статуса специалистов по несостоятельности по законодательству Великобритании позволяет сделать следующие выводы.

Все аспекты правового статуса специалистов по несостоятельности, включая требования к образованию, основания привлечения к ответственности и др., детально регламентируются Законом о несостоятельности (Insolvency Act, 1986).

Правила назначения специалиста по несостоятельности зависят от вида вводимой в отношении компании процедуры.

Важная роль в регулировании деятельности специалистов по несостоятельности принадлежит профессиональным ассоциациям, которые осуществляют их аттестацию, проводят проверки их деятельности, в том числе по поступающим жалобам.

Процедуры несостоятельности компаний в Великобритании проводят как государственные служащие (official receivers), так и практики по несостоятельности (insolvency practitioners). При этом выбор между ними определяется объёмом и ликвидностью активов должника.

Указанный дифференцированный подход к назначению лица, проводящего процедуру несостоятельности, позволяет создать сбалансированную систему распределения дел о несостоятельности, при которой специалисты по несостоятельности назначаются на процедуры с высоким потенциальным вознаграждением. Данная система десятилетиями подтверждает свою эффективность.

В заключение отметим, что рецепция позитивной и устоявшейся практики правового регулирования статуса специалистов по несостоятельности в Великобритании представляется целесообразной в стремлении дальнейшего совершенствования соответствующего правового института в Российской Федерации.

Список литературы

1. Юрьева Т.В. Управление в условиях несостоятельности: зарубежный опыт // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 10. – С. 57–64.
2. Туфлейкин А.В. Сравнительный анализ института несостоятельности (банкротства) юридических лиц по российскому и зарубежному законодательству // Актуальные исследования. – 2023. – № 29 (159), июль.

3. *Стоцкий Е.И.* Особенности правового регулирования несостоятельности (банкротства) в правовых системах Великобритании и Германии // *Мировая наука.* – 2021. – № 3 (48). – С. 117–122.
4. *Денека И.М.* Развитие законодательства о банкротстве в Англии, США и Франции: ключевые аспекты // *Юрист.* – 2013. – № 24. – С. 22–27.
5. *Михайлова В.И.* Корпоративный управляющий: введение конструкции множественности лиц как альтернативный способ повышения эффективности арбитражного управления в процедурах банкротства // *Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / отв. ред., д-р юрид. наук, проф. С.А. Карелина, канд. юрид. наук И.В. Фролов.* – Москва: Юстицинформ, 2020. – С. 279–292.
6. *Стрелкова И.И.* Управляющий в деле о банкротстве (опыт России, Китая и США) // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2016. – № 7. – С. 51–56.
7. *Салахетдинова Г.А.* Зарубежный опыт проведения процедур банкротства и совершения исполнительных действий // *Закон и право.* – 2021. – № 11. – С. 75–80.
8. *Дорохина Е.Г.* Проблемы правового статуса арбитражного управляющего // *Законодательство.* – 2013. – № 5, май.

References

1. *Yurieva T.V.* Management in Insolvency: Foreign Experience // *Economic Analysis: Theory and Practice.* – 2011. – № 10. – Pp. 57–64.
2. *Tufleykin A.V.* Comparative Analysis of the Institution of Insolvency (Bankruptcy) of Legal Entities under Russian and Foreign Legislation // *Current Research.* – 2023. – № 29 (159), July.
3. *Stotskiy E.I.* Features of the Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal Systems of the UK and Germany // *World Science.* – 2021. – № 3 (48). – Pp. 117–122.
4. *Deneka I.M.* Development of Bankruptcy Legislation in England, the USA and France: Key Aspects // *Jurist.* – 2013. – № 24. – Pp. 22–27.
5. *Mikhaylova V.I.* Corporate Administrator: Introducing the Concept of Multiple Persons as an Alternative Way to Improve the Efficiency of Bankruptcy Administration // *The Institution of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: theory and practice of Law enforcement / eds., Doctor of Law, Professor S.A. Karelina, Candidate of Legal Sciences I.V. Frolov.* – Moscow: Justitsinform, 2020. – Pp. 279–292.
6. *Strelkova I.I.* Administrator in Bankruptcy Proceedings (Experience of Russia, China and the USA) // *Arbitration and Civil Procedure.* – 2016. – № 7. – Pp. 51–56.
7. *Salakhedinova G.A.* Foreign Experience in Conducting Bankruptcy Procedures and Enforcement Actions // *Law and Legislation.* – 2021. – № 11. – Pp. 75–80.
8. *Dorokhina E.G.* Problems of the Legal Status of the Insolvency Administrator // *Legislation.* – 2013. – № 5, May.

Статья поступила в редакцию: 24.09.2025

Received: 24.09.2025

Статья принята к публикации: 20.10.2025

Accepted: 20.10.2025

ОПЫТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ: ИНСТИТУТ ХУЛЬА В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ

Лунев Юрий Федорович¹,

e-mail: lunev@inbox.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Брачным отношениям во всех правовых системах отведено особое место потому, что они на прямую связаны с другими разделами гражданского права: наследственным, имущественным и обязательственным. В исламе вероучение является основополагающей (фундаментальной) частью мусульманского права (шариата), а создание семьи и воспитание детей считаются священной обязанностью правоверных, установленной Аллахом. По мусульманскому праву, правоспособность жены на расторжение брака существенно ниже, чем у мужа, а дееспособность ограничивается тремя способами разрыва семейных отношений, в которых она может выступить либо в качестве инициатора процедуры разрыва брака, либо поддержать инициативу, проявленную со стороны мужа. Рассматривается один из способов прекращения брака в мусульманской правовой системе, особенностью которого является право женщины на инициативу в бракоразводном процессе. Анализируются необходимые условия для освобождения жены из-под власти мужа путем совершения хульа, порядок и процедура действий сторон и их последствия. Приводятся источники мусульманского права, регулирующие соглашение сторон о расторжении брачных договорных отношений.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: шариат, никах, махр, талак, хульа, мубарат, фасх, мадзара, ханафитский мазхаб

THE EXPERIENCE OF LEGAL CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA: THE INSTITUTION OF KHUL' IN MUSLIM LAW

Lunev Yu.F.¹,

e-mail: lunev@inbox.ru

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

Marital relations have a special place in all legal systems because they are directly related to other sections of civil law: inheritance, property and obligations. In Islam, the doctrine of faith is a fundamental part of Muslim law (Sharia), and starting a family and raising children is considered a sacred duty of the faithful, established by Allah. According to Muslim law, the wife's legal capacity to terminate a marriage is significantly lower than that of her husband, and her legal capacity is limited to three ways of breaking up family relations, in which she can either initiate the procedure for breaking up a marriage or support the initiative taken by her husband. The article considers one of the ways to terminate a marriage in the Muslim legal system, the specificity of which is a woman's right to initiative in the divorce process. The necessary conditions for the release of a wife from her husband's power by committing khul', the order and procedure of the parties' actions and their consequences are analyzed. The sources of Muslim law regulating the agreement of the parties on the termination of marriage contractual relations are given.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: Sharia, Nikah, Mahr, talaq, khul', Mubarat, Faskh, madzara, Hanafi madhhab

В ходе конституционной реформы Российской Федерации 2020 г. своё закрепление в Конституции РФ получил не только принцип защиты государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ), но, что ещё более значимо, и принцип культурного единства, ибо культура в Российской Федерации объявлена уникальным наследием её многонационального народа (ч. 4 ст. 68). В полной мере это относится к правовой культуре.

Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утверждённые Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, требуют от научного сообщества добиваться распространения в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти¹. Для создания российской историографической модели политико-правовых знаний и её применения при противодействии идеологическим искажениям цивилизационного развития России требуется открытый, беспристрастный, направленный на благо человечества поиск истины [1, с. 31]. Необходимы достоверность знаний не только о настоящем, но и о прошлом государства и права народов, образовавших многонациональный народ России.

При безоговорочном доминировании в России православной традиции и традиционных православных духовно-нравственных ценностей, важным вопросом является осмысление закономерностей адаптации традиций мусульманских народов России к её православному ядру. С учетом возвращения на конституционный уровень регулирования института брака как союза мужчины и женщины (п. ж. 1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), представляет научный и практический интерес анализ брачных отношений в традиционном исламе, в том числе право женщины по шариату на освобождение из-под власти мужа и на расторжение брака (институт хульа).

Божественная природа норм шариата обуславливает их слитность, в основе которой – единство воли Аллаха, закреплённой в Коране и Сунне [2, с. 93], то согласно предписаниям ислама брак (никах, никаях) между мужчиной и женщиной представляет собой священный союз, поощряемый мусульманской верой и Аллахом².

Никах совершается путём заключения договора купли-продажи, где собственно невеста выступает в качестве предмета договора, а приданное (махр, мехр) в качестве покупной цены. Кроме существенных условий договора при его заключении оговариваются и иные условия осуществления дальнейшего совместного проживания супругов. Суть брака заключается в слиянии родственных душ – «О люди, бойтесь Господа вашего, что сотворил вас из одной души, и создал из нее пару ей, и рассеял от них по Земле во множестве мужчин и женщин»³ – посредством создания по душе (нафс) и любви (мавада) семьи (аль) – первичной ячейки мусульманской уммы: «берите в жены себе таких женщин, что придутся вам по душе, – двух, трех или четырех»⁴, «Кто верует и доброе творит. Скажи: “Я не прошу у вас наград за это, любви лишь к ближним я прошу”»⁵, для заботы друг о друге: «Ваши жены — одеяние для вас, а вы — одеяние для них»⁶ и продолжения рода путём рождения и воспитания детей: «Мы послали до тебя посланников и даровали им супруг и потомство»⁷.

Самое важное в мусульманское семье, на что указал Аллах, – это мир и согласие, доброта и душевное спокойствие (сакина): «И к числу знамений Его принадлежит то, что создал Он для вас из плоти вашей пару, дабы была она спутником и другом, и поселил меж вами любовь и милосердие. Поистине в этом для людей, размышляющих знамение»⁸.

Хотя главенствующая роль в мусульманском браке принадлежит мужчине, «мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество над другими, и за то, что они расходуют из своего иму-

¹ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 22.11.2025 г.).

² Коран. Перевод смыслов И.В. Пороховой. – Москва: Рипол-Классик, 2022.

³ Коран. Смысловой перевод профессора Б.Я. Шидфар. – Москва: Умма, 2003.

⁴ Там же.

⁵ Коран. Перевод смыслов И.В. Пороховой. – Москва: Рипол-Классик, 2022.

⁶ Коран. Перевод смыслов и комментарии: Эльмир Кулиев. – 11-е изд. – Москва: Эксмо, 2020.

⁷ Там же.

⁸ Коран. Смысловой перевод профессора Б.Я. Шидфар. – Москва: Умма, 2003.

щества. И порядочные женщины – благоговейные, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах»⁹ – жена, как и любая мусульманская женщина, в сложных житейских ситуациях не лишается права на поддержку своей семьи (родителей, детей, иных родственников), выборных представителей (глав) мусульманской уммы (аксакалов городских махалля и сельских кишлаков, священнослужителей в лице имамов мечетей и муфтиев, а также представителей государственной власти: казиев, мухтасибов и миршабов). При этом муж, невзирая на все слабости своей супруги, в любом случае должен относиться к ней достойно и с уважением, как отмечено в Сахихе Муслима: «Женщина подобна ребру. Если ты попытаешься выпрямить ее, ты сломаешь ее, но если ты оставишь ее в покое, она принесет тебе пользу, даже если в ней есть некоторая кривизна» [3, с. 1470].

В случае возникновения недопонимания, споров либо конфликтов между супругами им рекомендуется разрешать возникшую или уже сложившуюся негативную ситуацию путём совершения процедуры медиации¹⁰ с помощью уважаемых родственников – «и если вы опасаетесь раздора между супругами, то пошлите к ним того, кто рассудит их из его родни, и того, кто рассудит их из её родни. И если желаете их примирения, то Аллах установит согласие между ними, поистине Аллах всеведущ, Обладатель знания»¹¹.

«Если женщина опасается, что муж будет дурно обращаться с ней или избегать её, то не будет на них греха, если они поладят миром, ибо мирное решение — лучше. Хотя люди [по природе] и скупы, но если вы будете творить добро и будете богобоязненными, то, воистину, Аллах ведаёт о том, что вы вершите»¹².

Однако, жизнь есть жизнь, и, если, не взирая на помощь близких и мудрых советчиков, отношения в семье не налаживаются, то, как следствие, это ведет к разрыву семейных отношений.

Согласно теории фикха расторжение брачных отношений в исламской юриспруденции осуществляется тремя способами, а именно: разводом (талак), прекращением брака по соглашению (хульа, мубарат) и аннулированием брака (фасх, фасах).

Инициатива талака, причём без объяснения причин развода, принадлежит исключительно мужу, даже при клятве воздержания от соития (йла) или при разводе тафвизу-талак, когда муж своим распоряжением уполномочивает свою жену на самостоятельное принятие решения о разводе: по желанию (ихтиаре), свободе (альямру-фильяди) или повелению (майшеяте) [4, с. 226–240].

Аннулирование брака (фасх) производится решением казиза как результат судебного разбирательства после установления определённых фактов, препятствующих дальнейшему совместному проживанию супругов.

Соглашение о расторжении брака может исходить как со стороны мужа (мубарат), так и со стороны жены (хульа).

То есть, находящаяся в браке мусульманка, когда семейная жизнь, в лучшем случае, не приносит ей счастья, а в худшем становится для неё невыносимой, а значит и не выполняются суть, предназначение и цели брака, установленные Аллахом, сама может сделать предложение мужу расторгнуть брак путём выкупа своей свободы. Вопрос только в том, какова цена свободы?

Право женщины на свободу от мужа через плату закреплено как в Коране, так и в Сунне. В аяте Аль Баккара сказано: «А если же вы (т.е. муслимы) опасаетесь, что муж и жена нарушат законы, установленные Аллахом, то они оба не совершат греха, если она выкупит развод [за счет оговоренного при замужестве калыма]. Таковы законы, установленные Аллахом»¹³.

Согласно хадису Сахиха Аль-Бухари, «жена Сабита ибн Кайса пришла к пророку и сказала: «О, посланник Аллаха! Я не виню Сабита за недостатки в его характере или его религии, но я, будучи истинной мусульманкой, не могу вести себя не искренне (если остаюсь с ним)». На это Посланник Ал-

⁹ Коран. Перевод с арабского И.Ю. Крачковского. – 3-е изд. – Москва; Санкт-Петербург: АСТ; СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС, 2005.

¹⁰ При разрешении семейных споров в Российской Федерации также применяется процедура медиации. И хотя Семейный кодекс РФ напрямую не содержит отдельного раздела о медиации, процедура медиации регулируется Федеральным законом от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31539> (дата обращения: 22.11.2025 г.).

¹¹ Коран. Перевод с арабского И.Ю. Крачковского. – 3-е изд. – Москва; Санкт-Петербург: АСТ; СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС, 2005.

¹² Коран. Перевод с арабского и комментарий Магомед-Нури Османова. – Москва: Диля, 2021.

¹³ Там же.

лаха спросил (ее): «Вернешь ли ты сад, который подарил тебе твой муж (как Махр)?». Она ответила: «Да». Тогда Пророк сказал Сабиту: «О, Сабит! Забери свой сад и разведись с ней» [5, с. 5273, 5275].

Эта история Хабибы и Сабита с решением Пророка о праве жены расстаться с мужем и вернуться в семью после возвращения полученного (от мужа) нашла подтверждение и в Сунане Абу Дауда и других признанных сборниках хадисов [6, с. 2227, 2228].

Таким образом факихи, на основании Корана и Сунны, в случае вознаграждения (фидии) женой мужа путём возвращения ему махра, считают законным расторжение брачного договора по взаимному согласию сторон [7, с. 162]. При этом они указывают на нежелательность совершать хульа без серьёзной причины, поскольку Пророк сказал: «Женщина, которая просит мужа совершить хульа без серьёзной причины, не ощутит благоухания Рая» [8, с. 1187].

Хульа совершается без участия казия, поскольку, во-первых, так поступали правоверные халифы Омар и Осман; во-вторых, это соглашение сторон является конструкцией договора мены, при совершении которого не требуется участие судьи; в-третьих, расторжение брачного договора по обоюдному согласию похоже на расторжение сделки, в котором судья не принимает участия, так как ценой никаха, договора купли-продажи невесты, выступает приданое (махр) – имущество, которое жених обязуется передать своей жене в связи с вступлением в брак, и которое при его согласии на освобождение жены от обязательств по договору последняя и возвращает мужу, уплатившему этот махр [9, с. 212].

Предоставление приданого будущей жене представляет собой дар Аллаха, как указано в Коране: «Даруйте женам их махр. А если женщины по собственной воле откажутся от чего-либо [из махра], то пользуйтесь этим во благо и в удовольствие»¹⁴.

В соответствии с тафсиrom Ат-Табари повеление Аллаха давать женам причитающееся им приданое (Коран (4:4)), которое затем по воле жен возвращается непосредственно их мужьям, является Богоугодным деянием [10, с. 415].

Итак, поводами, оправдывающими хульа, являются определённые непреодолимые для совместного проживания условия, которые могут быть вызваны отсутствием чувств у супругов или даже отращением, переходящим в ненависть (мадзара), а может быть вопросами веры, состояния здоровья или материального положения. При этом муж должен уважать мнение и пожелание своей жены. Как сказано в Сунане (сборнике хадисов) Ибн Маджи: «Лучшие из вас — это те, кто относится к своим женщинам наилучшим образом» [11, с. 1978], а в трактате по принципам фикха «Ал-Ахбах ва-н-Назаир» Ибн Нуджайма один из принципов гласит — «воздаяние за доброе дело наступает только при намерении его совершить»¹⁵.

Необходимыми условиями хульа по ханафитскому мазхабу являются:

- 1) наличие повода для освобождения жены из-под власти мужа;
- 2) не давшая положительного результата проведённая процедура медиации с участием родственников и уважаемых людей;
- 3) инициатива жены с требованием расторжения никаха произнесённая в точных конкретных выражениях;
- 4) согласие мужа на освобождение жены и на выкупную цену (имущество), то есть расставание по-хорошему или Маруфом [12, р. 547];
- 5) согласие на освобождение принимается мужем непосредственно после получения такого предложения от жены и в определённой словесной форме «фарактуки» (я расстаюсь с тобой) или «халатуки» (я отпускаю тебя) и другие.

Особые условия хульа: в случае несоблюдения женой своих обязанностей либо непослушания, муж может потребовать возместить из потраченной на жену нафаки (установленной никахом суммы на содержание жены) определённую компенсацию (ивад), которая должна быть приемлема для обоих; Хульа, заключённая отцом от лица дочери, имеет законную силу, если на это есть её согласие [4, с. 283].

Последствия хульа: она ведёт к одному неунничтожимому разводу (истима); все права и обязанности между супругами прекращаются; идда устанавливается в одну менструацию [6, с. 2229, 2230].

¹⁴ Коран. Перевод с арабского и комментариев Магомед-Нури Османова. – Москва: Диля, 2021.

¹⁵ Сюкияйнен Л.Р. Основы теории исламского права: учеб. пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. – С. 42.

Хульа, хотя в целом и не поощряется исламом, но всё же при этом и не является, согласно догмам шариата и религиозным догматам, харамом, а представляется, по мнению факихов, всего лишь одним из способов защиты мусульманской женщины путем устранения сложившейся, устоявшейся неприязни, враждебности (мадзара), когда уже невозможно наладить внутрисемейные отношения и сохранить распадающийся брак.

Анализ института хульи и связанных с ним норм шариата показывает значительные особенности традиционного правопонимания мусульманских народов. Но не случайно С.Н. Бабуринов подчеркивает, что ислам принес в мир возвышенную концепцию человеческого достоинства, которая осуждает расизм, шовинизм, эксплуатацию человека человеком, а Великая Исламская революция 1979 г. в Иране вообще повернула современное государство и право к традиционным духовно-нравственным ценностям [13, с. 101, 102, 105].

Как отметил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, у православных и у представителей нехристианских религий «разные представления о Боге и о Его отношении к человеку, разные традиции, отличающийся образ жизни. Но основные нравственные представления традиционных религий во многом близки, что позволяет нам сообща противостоять вызовам морального нигилизма, агрессивно-го безбожия, межнациональной, политической и социальной вражды» [14, с. 65].

У мусульманских народов современному российскому обществу надо впитывать, адаптируя к своим традициям, семейные ценности, прежде всего, сохранение семьи минимум из трех поколений, уважение к старшим, заботу о детях. Эти части национального самосознания бесценны [15, с. 82–85]. Но включение правовой культуры мусульманских народов в общую правовую культуру многонационального народа Российской Федерации, не может быть механическим, потребуются продолжение идущего уже несколько веков очень непростого процесса адаптации и непрерывной работы над повышением уровня правовой культуры самих мусульман и их организаций [16, с. 625].

Список литературы

1. Савенков А.Н., Горбань В.С. Всемирная история политической и правовой мысли, в 6 т. Т. 1. Философия и историография юридической мысли. – Москва: Наука, 2025. – 323 с.
2. Муромцев Г.И. Мусульманское право в контексте правогенеза // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 80–106.
3. Muslim. Imam Abul Hussain Muslim bin al-Hajjaj, Sahih Muslim. Ahddith edited and referenced by: Hafiz Abu Tahir Zubair Ali Za'i. Translated by: Nasiruddin al-Khattab (Canada), Edited by: Huda Khattab (Canada), Maktaba Dar-us-Salam. – Vol. 4. – Riyadh, 2007. – 512 p.
4. Маргинани Бурхануддин. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. Ч. 1. Т. I–II / пер. с англ.; под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. проф. А.Х. Саидов. – Москва: Волтерс Клувер, 2010. – 808 с.
5. Al-Bukhari, Muhammed Ibn Ismaiel Sahih Al-Bukhari /translated by Muhammad Muhsin Khan. – Vol. 7. DARUSSALAM. – Riyadh, 1997. – 442 p.
6. Abu Dawud Sulaiman bin Ash'ath, Sunan Abu Dawud. – Vol. 3. Compiled by: Ahâdith edited & referenced by: Hâfiz Abu Tâhir Zubair 'All Za'l Translated by: Nasiruddin al-Khattab (Canada) Edited by: Huda Khattab (Canada) Final review by: AbU Khaliyl (USA) Maktaba Dar-us-Salam. – Riyadh, 2008. – 626 p.
7. Торнау Н.Е. Мусульманское право. – Вып. 1: О праве наследства по закону / Сочинение барона Торнау. – Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. – [4], 258, 11 с.
8. At-Tirmidhi, Imim Hâfiz Abū Elsa Mohammad Ibn Elsa At-Tirmidhi, Jami At-Tirmidhi. – Vol. 2. Translated by: Abu Khaliyl (USA) Ahâdith edited and referenced by Hâfiz Abu Thhir Zubair 'Au Za'i. Islamic Research Section Darussalam. – Riyadh, 2007. – 575 p.
9. Mustafa Dib Al Bugha. Review of practical Islamic laws. – Kuala-Lumpur: ITBM, 2019. – 466 p.
10. Al-Tabari, Abu Jafar Muhammad bin Jarir. Tafsir Al-Thabari, Transl. Abdul Somad And Yusuf Hamdani. – Vol. 6. – Jakarta: Pustaka Azzam, 2009. – 1288 p.
11. Ibn Maja. Sunan Ibn Maja. – Vol. 3. Compiled by: Imam Muhammad Bin Yazeed Ibn Majah Al-Qazwini Ahddith edited, researched and referenced by: Hafiz Abu Tahir Zubair 'AM Za'I. Translated by: Nasiruddin al-Khattab (Canada). Edited by: Huda Khattab (Canada). DARUSSALAM. – Riyadh, 2007. – 562 p.

12. *Sayyid Sabiq, Fiqh us-Sunnah*. Talib. – Vol. 8. Muḥafazat al-Anbar: Al-Maarif. – Beirut, 2016. – 689 p.
13. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – Москва: Норма, 2025. – 536 с.
14. *Кирилл*, Патриарх Московский и всея Руси. Слово предстоятеля (2009–2011): собрание трудов. Сер. I. – Т. 1. – Москва: Изд-во Московской патриархии РПЦ, 2012. – 608 с.
15. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.]. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с.
16. *Сюкияйнен Л.Р.* Исламское право и диалог культур в современном мире / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., перераб. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 680 с.

References

1. *Savenkov A.N., Gorban V.S.* The World History of political and legal thought, in 6 volumes. – Vol. 1. Philosophy and historiography of legal thought. – Moscow: Nauka, 2025. – 323 p.
2. *Muromtsev G.I.* Muslim law in the context of legal genesis //Right. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No. 1. – Pp. 80–106.
3. *Muslim. Imam Abul Hussain Muslim bin al-Hajjaj, Sahih Muslim*. Ahddith edited and referenced by: Hafiz Abu Tahir Zubair Ali Za'i. Translated by: Nasiruddin al-Khattab (Canada), Edited by: Huda Khattab (Canada), Maktaba Dar-us-Salam. – Vol. 4. – Riyadh, 2007. – 512 p.
4. *Marghinani Burhanuddin*. Hidoya. Comments on Muslim law: in 2 ch. Ch. 1. – Vol. I—II / translated from English; edited by N.I. Grodekov; ed., author's preface, introductory article and scientific commentary by prof. A.H. Saidov. – Moscow: Walters Kluwer, 2010. – 808 p.
5. *Al-Bukhari, Muhammed Ibn Ismaiel Sahih Al-Bukhari* /translated by Muhammad Muhsin Khan. – Vol. 7. DARUSSALAM. – Riyadh, 1997. – 442 p.
6. *Abu Dawud Sulaiman bin Ash'ath, Sunan Abu Dawud*. – Vol. 3. Compiled by: Ahâdîth edited & referenced by: Hâfiz Abu Tâhir Zubair 'All Za'l Translated by: Nasiruddin al-Khattab (Canada) Edited by: Huda Khattab (Canada) Final review by: AbU Khaliyl (USA) Maktaba Dar-us-Salam. – Riyadh, 2008. – 626 p.
7. *Tornau N.E.* Muslim law. Issue One: On the right of inheritance by law / The work of Baron Tornau. – St. Petersburg: In the Printing House of The Second Department of Its Own E. I. V. Chancellery, 1866. – [4], 258, 11 p.
8. *At-Tirmidhi, Imim Hâfiz Abū Elsa Mohammad Ibn Elsa At-Tirmidhi, Jami At-Tirmidhi*. – Vol. 2. Translated by: Abu Khaliyl (USA) Ahâdith edited and referenced by Hâfiz Abu Thhir Zubair 'Au Za'i. Islamic Research Section Darussalam. – Riyadh, 2007. – 575 p.
9. *Mustafa Dib Al Bugha*. Review of practical Islamic laws. – Kuala-Lumpur: ITBM, 2019. – 466 p.
10. *Al-Tabari, Abu Jafar Muhammad bin Jarir. Tafsir Al-Thabari*, Transl. Abdul Somad And Yusuf Hamdani. – Vol. 6. – Jakarta: Pustaka Azzam, 2009. – 1288 p.
11. *Ibn Maja*. Sunan Ibn Maja. – Vol. 3. Compiled by: Imam Muhammad Bin Yazeed Ibn Majah Al-Qazwini Ahddith edited, researched and referenced by: Hafiz Abu Tahir Zubair 'AM Za'I. Translated by: Nasiruddin al-Khattab (Canada). Edited by: Huda Khattab (Canada). DARUSSALAM. – Riyadh, 2007. – 562 p.
12. *Sayyid Sabiq, Fiqh us-Sunnah*. Talib. – Vol. 8. Muḥafazat al-Anbar: Al-Maarif. – Beirut, 2016. – 689 p.
13. *Baburin S.N.* The moral state. The Russian view on the values of constitutionalism. – Moscow: Norma, 2025. – 536 p.
14. *Kirill*, Patriarch of Moscow and All Russia. The word of the Primate (2009–2011). Collection of works. – S. I. – Vol. 1. – Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2012. – 608 p.
15. The modern state in the era of global transformations: an analytical report / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik [et al.]. – St. Petersburg: Law Center-Academy, 2019. – 344 p.
16. *Sukiyainen L.R.* Islamic law and the dialogue of cultures in the modern world / National. research. University of Higher School of Economics. – 2nd ed., reprint. — Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2025. – 680 p.

Статья поступила в редакцию: 26.09.2025

Received: 26.09.2025

Статья принята к публикации: 25.11.2025

Accepted: 25.11.2025

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК»: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДОКТРИНЫ

Коробова Анна Сергеевна¹,
e-mail: korobova07@list.ru

¹Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена определению признаков категории «общественный порядок», отражающих ее содержательный потенциал. Конструирование дефиниции «общественный порядок» представляет собой сложный когнитивный процесс, обусловленный полисемантичностью, неоднородностью предмета исследования, требующий комплексного изучения данного правового явления.

Доctrинальные положения об общественном порядке в правовой науке свидетельствуют о неоднозначности и контекстуальности рассматриваемой категории, об отсутствии единого подхода к пониманию, что обуславливает необходимость дополнительного критического осмысления его аспекта правовой действительности и предложения авторской дефиниции «общественный порядок».

Современная юриспруденция немыслима без поиска путей модернизации настоящего законодательства и праворегуляционных процессов, отвечающим запросам реального времени, направленных на эффективное развитие государства и общества.

Кроме того, актуальность исследования обусловлена ростом преступлений в сфере общественного порядка и общественной безопасности, их повышенной вредоносности, что во многом определено нестабильным геополитическим состоянием отдельных государств и мирового сообщества в целом.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: правовая дефиниция, законодательная дефиниция, общественная безопасность, социальный порядок, общественный порядок, преступление, Уголовный кодекс РФ

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORY "PUBLIC ORDER": DOCTRINAL ISSUES

Korobova A.S.¹,
e-mail: korobova07@list.ru

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia

This article is devoted to defining the characteristics of the category “public order”, reflecting its substantive potential. Defining “public order” is a complex cognitive process, driven by the polysemantic nature and heterogeneity of the subject, requiring a comprehensive study of this legal phenomenon.

Doctrinal provisions on public order in legal science demonstrate the ambiguity and contextuality of this category, as well as the lack of a unified approach to understanding it. This necessitates further critical reflection on its legal validity and the author’s proposed definition of “public order”.

Modern jurisprudence is inconceivable without seeking ways to modernize current legislation and regulatory processes that meet real-time demands and promote the effective development of the state and society.

Furthermore, the relevance of this study is driven by the rise in crimes against public order and public safety, their increased harmfulness, which is largely determined by the unstable geopolitical state of individual states and the global community as a whole.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: legal definition, legislative definition, public safety, social order, public order, crime, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

Исследование категории общественного порядка с каждым днем приобретает особую значимость, так как отношения между государствами нестабильны, мировое сообщество находится в состоянии турбулентности, что определяется напряженной в области мирового порядка обстановкой. Потеря устойчивости в отношениях между государствами провоцирует бифуркационные процессы как в отдельно взятом государстве, так и в мировом масштабе.

Подобное состояние порождает рост преступлений против общественного порядка, предусмотренных разделом IX Уголовного кодекса Российской Федерации, что детерминирует необходимость комплексного исследования указанной категории в направлении определения идентификационных признаков, отграничивающих ее содержательную сторону от смежных категорий.

В настоящее время для любого государства обеспечение общественного порядка – это одна из важнейших задач. Поэтому вопросы, связанные с его охраной, становятся востребованными социумом: исследование подобного рода явлений представляется как теоретически, так и практически актуальными, в связи с чем целесообразно дополнительное когнитивное осмысление категории с учетом существующей правовой действительности и в историческом ракурсе, а также последующее внесение предложений по разработке законодательной дефиниции понятия «общественный порядок» для гармонизации правовой регламентации и правореализационных процессов.

Справедливо положение В.Ю. Туранина о юридическом языке, определявшем его как систему словесного выражения мыслей, с помощью которой описывается право и его проявления, характеризующиеся наличием специфической терминологии, особенных объектов фиксации и определенным кругом постоянных пользователей, служащая средством интеллектуально-правовой коммуникации [1, с. 9].

Особое место в этом процессе занимает дефиниция как прием юридической техники. Термин «дефиниция» происходит от лат. *definition* – определение, точное указание какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления данного понятия, поэтому в первую очередь обратимся к справочным источникам.

Действительно, дефиниции представляют собой важнейший элемент юридической техники, образуя понятийный аппарат действующей системы законодательства, во многом способствуя ее формальной определенности [2, с. 71–72], экономичный и функциональный прием, позволяющий сокращать пространство юридического материала, тем самым систематизируя нормативное регулирование, давая возможность однозначного применения тождественных понятий [3, с. 102]. При этом конструирование дефиниций – сложный процесс, требующий глубокой научной и практической разработки [4, с. 120].

Невозможно не согласиться с высказыванием В.М. Баранова, внесшим весомый вклад в развитие знания о правовом феномене законодательной дефиниции¹, что «полет мысли, генерация предложений и идей возможно при условии наличия базовых компонентов языка права, каковыми могут выступать юридические дефиниции»².

Значимость дефиниций в правовой сфере была отмечена в Отчете о состоянии российского законодательства в 2014 г.³, отразившем положительную тенденцию увеличения объема дефиниций, однако при этом сделан акцент на непрофессиональное употребление терминологии.

Солидаризируемся с положением о весомости законодательной дефиниции М.Д. Хайретдиновой, указавшей на ее специфичную правовую нормативность, позволяющую ее рассматривать как относительно автономный элемент механизма правового регулирования [5, с. 7].

Цель проведенного исследования заключается в определении признаков, отражающих существенно-содержательную сторону категории общественного порядка с внесением предложений авторской дефиниции исследуемого понятия.

¹ Подробно см.: Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского. – Нижний Новгород, 2007. – С. 26.

² Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. – Москва: Проспект, 2021. – С. 200.

³ Отчет о состоянии российского законодательства в 2014 году / под ред. А.А. Клишаса, В.Н. Плигина. – Москва, 2014.

Дефиниции понятия «общественный порядок» в справочной литературе

В толковых словарях русского языка словосочетание «общественный порядок» как искомая категория, не обнаруживается, однако содержатся слова «порядок» и «общественный». Обратим внимание, что слово «порядок» образовано от слова «ряд, рядить». Согласно этимологическому словарю Н.М. Шанского «ряд» является общеславянским словом, восходит к литовскому *rinda* «ряд, линия», латышскому *rist, riedu* «приводить в порядок», чешскому *řada* «ряд, очередь, шеренга»⁴.

В семантическом аспекте «порядок» характеризуется смысловой многогранностью, под ним понимается правильное, налаженное состояние; расположение; последовательный ход; правила; существующее устройство, режим, военное построение, числовая характеристика той или иной величины (специальный термин)⁵; состояние благоустроенности, налаженности, организованности; правильное расположение, надлежащий вид чего-либо; система управления, строй; образ жизни, уклад; распорядок; обычай; правила поведения, сложившиеся или установленные где-либо; определенная последовательность, ход чего-либо; войсковое построение, строй; способ, метод, правила осуществления чего-либо; разновидность, тип, род чего-либо⁶; систематичность; путь в осуществлении чего-нибудь; режим; обыкновение; построение, сфера, область чего-нибудь; ряд, линия чего-нибудь; в систематике животных и растений группу близко родственных семейств (научное)⁷.

Далее, рассматривая историю употребления слова «порядок», обнаруживаем, что искомое производное слово также имеет одно из значений, присущих глаголу «рядить», то есть «договариваться», а мотивирующее слово «ряд» означало, помимо прочего, «распоряжение, управленье; суд и расправу; положение, устав, наказ, правила, законы; условие, договор, торг и соглашение, обязательство по воле, взаимная сделка в торговле»⁸. Следовательно, в семантическом ядре исследуемого понятия, есть значения, присущие производящему слову, то есть «порядок» подразумевает согласованный свод правил, принятый для исполнения и регулирования тех или иных отношений.

Данные, представленные в вышеуказанных источниках, свидетельствуют о полисемии слова «порядок», его контекстуальности, что обуславливает необходимость его изучения с учетом области применения.

В соответствии с Большим толковым словарем русского языка слово «общественный» является прилагательным, относящимся к обществу; отражающим отношения, положение людей в обществе, связанные с их деятельностью в материальной и духовной жизни общества проявляемое, выражаемое обществом, общественностью по отношению к кому-, чему-либо; организуемое, осуществляемое силами общественности; обладающее потребностью жить в обществе, с обществом⁹, что позволяет также сделать вывод о полисемии искомого слова.

Схематично составляющие признаки словоформы «общественный» можно представить следующим образом (см. рисунок 1).

В русских литературных памятниках слово «общество» встречается с конца XI века, однако возникло оно значительно раньше, являясь производным от прилагательного «общий», которое употреблялось (и сейчас употребляется в некоторых диалектах) с буквой «ч». Последнее, в свою очередь, образовано от глагола «общаться» (разговаривать, обмениваться словами и мыслями), в котором сохранилась общеславянская основа *obъtъ* со значением «распространенный»¹⁰.

Теоретическое изучение общества предполагает рассмотрение его в качестве целостного организма, части которого не только влияют друг на друга, но и находятся в соподчинении. Поисками оснований исторического процесса занимались все философские системы с древнейших времен, продуцируя определенное видение и те или иные методологические установки для частных социальных наук.

⁴ Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прозерпина: Школа, 1994.

⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – Москва: ИТИ Технологии, 2006. – 941 с.

⁶ Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. – Москва: Астрель, 2006.

⁷ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Рус. словари, 1994.

⁸ Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Даль В.И. – Москва: РИПОЛ классик, 2006. – Т. 4. Р–Я. – 672 с.

⁹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. – 1534 с.

¹⁰ Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. – Москва: ЮНВЕС, 2003. – 702 с.

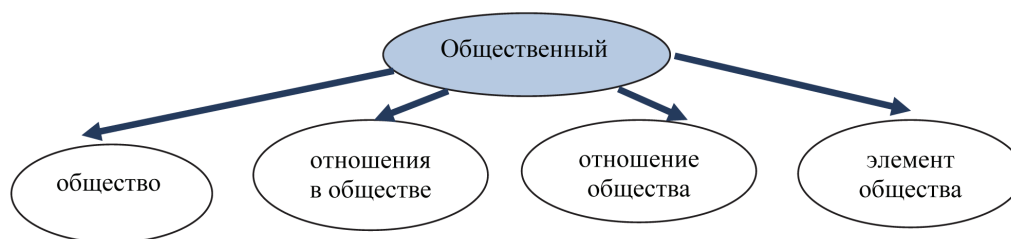

Рисунок 1 – Признаки словоформы «общественный»

Большая советская энциклопедия трактует «общество» в широком смысле как совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, как особую, высшую ступень развития живых систем, которая проявляется в функционировании и развитии социальных организаций, институтов, групп, в движении классовых и др. социальных противоречий¹¹.

Что же означает словосочетание «общественный порядок», представляющее собой понятие, обладающее своей структурой, включающее определенный объем и содержание? В зависимости от сферы употребления отражения того или иного явления действительности в научном знании, исследуемое понятие содержит существенные и отличительные признаки.

В авторитетных юридических энциклопедиях, содержащих в концентрированном виде наиболее полный курс теоретических и прикладных правовых знаний, базирующихся на многочисленных источниках, в том числе содержащих отсылку к нормативным правовым актам РФ, раскрывающие основополагающие институты российского права, представляющие регламентацию законодательством тех или иных общественных институтов, термина «общественный порядок» нами не обнаружено¹².

Однако в учебном пособии понятий и терминов в уголовном праве РФ, акцентирующем внимание на лаконичности и глубине изложенного в нем материала, включено понятие «общественный порядок», регламентированное как реально сложившийся в обществе порядок отношений между людьми, поддерживаемый нормами права и морали, выступающее объектом преступлений, предусмотренных ст. 213, 214 УК РФ¹³.

Не умаляя достоинства собранного материала и манеру изложения, полагаем, что сформулированное определение не отражает всей полноты рассматриваемого правового явления в виду отсутствия идентификационных признаков, позволяющих дифференцировать его от смежных понятий.

Кроме того, в процессе изучения в юридической энциклопедии обнаружен термин «правопорядок», который обозначает одну из основных составных частей общественного порядка, складывающегося в результате осуществления различных видов социальных норм, регулирующих разнообразные сферы общественной жизни и различающихся между собой характером и несовпадающим способом воздействия на поведение людей (обычаи, нормы морали, правила деятельности общественных организаций и др.); определенное состояние общественных отношений, регулируемых правом, характеризующийся реальным уровнем законности, обеспечения и реализации субъективных прав, соблюдения юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями. Отмечается, что правопорядок регламентируется правовыми нормами, принятыми в установленном в данном государстве порядке¹⁴.

¹¹ Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров [и др.]. – 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1970–1978. – Т. 18. – Ч. 2.

¹² См.: Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. – Москва: Сов. энцикл., 1984; Юридическая энциклопедия / М.Ю. Тихомиров, Л.В. Тихомирова; под ред. М.Ю. Тихомирова. – Москва: Юриформцентр, 1999. – 526 с.; Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2001; Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О.Е. Кутафин. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2003. – 529 с.; Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации / под общ. ред. М.В. Деменкова. – Москва: Издание Государственной Думы, 2014. – 240 с. Большой юридический словарь / авт. и сост. А.Б. Борисов. – Москва: Книжный мир, 2010. – 848 с. Большая юридическая энциклопедия: более 30 000 терминов и определений / авт. и сост. А.Б. Барихин. – Москва: Книжный мир, 2010. – 960 с.

¹³ Понятия и термины в уголовном праве России. Общая и Особенная части: учебное пособие / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.И. Чучаев, канд. юрид. наук Е.В. Лощенко. Москва: Контракт, 2014. – 320 с. – С. 183.

¹⁴ Юридическая энциклопедия / М.Ю. Тихомиров, Л.В. Тихомирова; под ред. М.Ю. Тихомирова. – Москва: Юриформцентр, 1997. – С. 345–346.

В философские источники включен термин «социальный порядок», с одной стороны, объясняющий, каким образом форма появляется в общественных отношениях, а с другой – каким образом социальные системы и их элементы связаны во времени и пространстве¹⁵. Современный философский словарь предлагает понимать под социальным порядком «понятие, выражающее устойчивость и организованность общественной жизни, а также возможность объективирования социального и, следовательно, его концептуализации»¹⁶.

В социологии также используется термин «социальный порядок», понимаемый как организованность общества, жизни, упорядоченность социального действия, социальной системы; совокупность существующих в данном обществе институтов и способов их воздействия на социальную жизнь; условия существования, при которых формируются, поддерживаются и разрушаются различные образцы социальной организации¹⁷.

Термин «социальный порядок» как философско-социологическая категория объясняет, каким образом форма появляется в общественных отношениях, с одной стороны, а с другой – каким образом социальные системы и их элементы связаны во времени и пространстве.

В широком смысле данный термин отвечает на глобальные вопросы бытия и существования общества. В более узком контексте понятие социальный порядок используется в *философии, социологии, политологии и других социальных науках* для обозначения установленных образцов, постоянных структур, процессов и изменений, присущих социуму, отражающихся на поведении и взаимодействии индивидов и на функционировании социальной системы в целом.

На современном этапе проблема общественного или социального порядка (рассматривая общественный порядок как социально-психологическое явление, А.А. Селифонов их отождествляет) разрабатывается философией и отраслевыми науками. Основное внимание ученых сосредоточено на выявлении параметров оптимального порядка и анализе возможных средств его воплощения [6].

Приходим к выводу, что понятие общественный порядок или социальный порядок, выступающий в качестве его синонима в цикле гуманитарных наук, обладая семантической насыщенностью, является предметом изучения различных дисциплин, служит фундаментом для исследования социальных, политических и культурных процессов, отражая признаки тех или иных явлений и предметов действительности с учетом сферы применения, объем и содержание изучаемых общественных реалий.

Научные положения об общественном порядке в праве

Категория «общественный порядок», обладая признаком универсальности, применяясь в разных областях науки, является и межотраслевой в системе права, при этом не имеет законодательной дефиниции, ее унифицированное понимание отсутствует и в правовой доктрине.

Юридическая неопределенность категории «общественный порядок» постоянно побуждала отечественных ученых и практиков правоохранительной деятельности заниматься изучением этого социального явления.

Фундаментальные исследования общественного порядка в правовой науке проводились в период 50–90-х годов прошлого столетия во время становления и развития советского государства. В послевоенный период перед Советским Союзом стояла задача реконструкции разрушенного войной народного хозяйства. Приоритетными направлениями внутренней политики Советского государства на данном этапе стали обеспечение общественной безопасности и восстановление общественного порядка в период перехода к мирной жизни. В то время как в последнее десятилетие наблюдается необоснованное снижение интереса к вопросам, связанным с исследованием категории общественного порядка и его сущностно-содержательной характеристики.

¹⁵ Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с. – С. 661.

¹⁶ Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемеров. – Москва, 2004. – С. 527.

¹⁷ Социологический энциклопедический словарь / на русском, английском, немецком, французском и чешском языках; ред. акад. РАН Г.В. Осипов. – Москва: ИНФРА-М; НОРМА, 1998. – 488 с. – С. 252.

Теоретиками концепции общественного порядка в сфере административного права в советский период являлись П.Ф. Гришаев, М.И. Еропкин, Л.Л. Попов, А.В. Серегин, А.В. Ключниченко и др.

По утверждению П.Ф. Гришаева, высказанному ученым в 1959 году, общественный порядок выступает регулятором отношений между членами общества, в соответствии с которым наступает обязанность соблюдения правил как закрепленных в правовых нормах, так и в нормах морали, гарантирующие общественную безопасность, то есть безопасные условия повседневной жизни и деятельности членов общества [7, с. 4].

Так, М.И. Еропкин общественный порядок определял как «обусловленную интересами всего народа, регулируемую нормами права, морали, правилами общежития и обычаями систему волевых общественных отношений, складывающихся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести граждан, укрепления народного достоинства, общественное спокойствие, создание нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций» [8]. Основные положения данного воззрения поддержали И.И. Веремеенко, А.В. Серегин, трактующие в широком смысле общественный порядок как систему общественных отношений, урегулированных нормами права и иными социальными нормами, обеспечивающими личную и общественную безопасность граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности [9, с. 27; 10, с. 4].

По мнению Л.Л. Попова, порядок составляют не только правовые и социальные нормы с закрепленными в них правилами поведения, а фактически складывающиеся общественные отношения [11].

Профессор А.В. Ключниченко трактовал общественный порядок как систему отношений, обеспечивающих «нормальные условия для общественно-полезной деятельности граждан, их отдыха и быта, гарантированное общественное спокойствие, уважение к общественной нравственности, чести и достоинству людей, а также сохранности имущества» [12, с. 126].

Среди ученых в сфере уголовно-правовой науки советского периода, исследовавших проблемы категории общественного порядка, стоит выделить И.Н. Данышина, определившего общественный порядок как систему общественных отношений, сложившихся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения [13, с. 142–143]. Так, В.С. Комиссаров отметил, что определение понятия «общественный порядок», сформулированное И.Н. Данышиным, при всей сложности и высокой степени оценочности представлено наиболее оптимально¹⁸.

Представители советского периода в широком смысле характеризуют общественный порядок, понимая под ним совокупность общественных отношений, урегулированных юридическими и неюридическими нормами, существующими в той или иной общественной формации, обеспечивающие безопасность жизнедеятельности в условиях развитого общества. В соответствии с широким толкованием содержанием общественного порядка является система общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения и исполнения норм права, морали и иных социальных норм. Реальный общественный порядок составляют не сами установления социальных норм, а фактически складывающиеся на их основе общественные отношения.

Полагаем, что всеобъемлющая характеристика общественного порядка придает ему свойство универсальности, делая его объектом преступлений, на которые посягают многочисленные общественно опасные деяния, наказание за совершение которых предусмотрено УК РФ, не позволяя его выделять как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны.

Несколько отличается от советских утверждений по вопросам общественного порядка современный взгляд правовой доктрины.

Так, по мнению теоретиков права А.В. Малько и Н.И. Матузова, общественный порядок – это обусловленная закономерностями социального развития система правил и институтов, обеспечивающая

¹⁸ Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деят. науки РФ А.И. Коробеева. – Т. IV. Преступления против общественной безопасности. – Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 11–12.

упорядоченность общественных отношений и придающая им определенную организационную форму¹⁹, которая находится в органической взаимосвязи с другой сферой общественной жизни – правом, под которым понимается состояние урегулированности общественных отношений посредством правовых норм²⁰.

В это время П.Н. Шевченко делает акцент на понимание общественного порядка в узком смысле как совокупности общественных отношений, возникающих в результате общения людей на основе правовых и социальных норм, прежде всего, в общественных местах [14, с. 37].

В рамках историко-правового самостоятельного исследования С.Т. Шефрукова приходит к выводу, что понятие «общественный порядок» включает в себя, помимо юридического аспекта, культурные, психические, нравственные, профессиональные и другие представления, непосредственно отражающиеся в обычаях, традициях, нравственных устоях того или иного сообщества [15, с. 7].

Ученые в отрасли административного и уголовного права предметно подходят к толкованию общественного порядка в зависимости от сферы применения исследуемого понятия.

Среди представителей современной уголовно-правовой доктрины выделим научные воззрения А.П. Кузнецова, дефинирующего общественный порядок как «регламентированный в государстве социально-правовыми нормами порядок, обеспечивающий защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств» [16, с. 9].

В прикладном аспекте, рассматривая исследуемую категорию как объект уголовно-правовой охраны, А.В. Точка обращает внимание на то, что общественный порядок есть система взаимоотношений всех элементов общества, создаваемая для поддержания устойчивого развития правовых основ социума, соблюдения прав и законных интересов иных субъектов отношений [17, с. 68–69]. В своем исследовании он критически высказывается о широком подходе к осмыслению общественного порядка. Подобная трактовка, по его мнению, способствует декриминализации преступлений, направленных непосредственно против общественного порядка, тем самым оставляя общественный порядок без должной уголовно-правовой охраны.

Кроме того, осмысление категории общественного порядка представлено в работах современных исследователей в системе уголовного права: Э.В. Крохмалюка [18, с. 523–526], Х.К. Алиева [19], А.П. Белопольского [20, с. 364–365], С.В. Борисова [21], Р.Г. Сулейманова [22], Е.Г. Смирновой [23], Н.Г. Иванова [24, с. 53–61] и др. Одни авторы, рассматривая общественный порядок, выделяют в качестве обязательного признака исследуемого понятия наличие общественного места, другие определяют его как правовое и нравственное состояние общества, третьи – как комплекс правил поведения субъектов общественных отношений, обеспечивающий общее спокойствие и нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности, четвертые – как систему отношений между людьми.

В административно-правовой отрасли А.П. Корнев охарактеризовал общественный порядок как систему общественных отношений, закрепленных в нормах права, морали и правилах общежития, определяющую права и обязанности участников этих отношений, призванную обеспечить жизнь, неприкосновенность, честь, достоинство и иные права граждан, охрану государственного и общественного имущества, спокойствие в общественных местах, поддержание необходимых условий для нормального функционирования предприятий, организаций и должностных лиц²¹.

В целом общественный порядок в государстве представляет собой социально-правовую категорию, установившуюся в результате соблюдения социально-правовых норм (норм права, морали, общепринятых правил общежития, устоев, традиций и др.) систему общественных отношений, неприкосновенность которой гарантируется всей политической системой государства, обществом²².

Проводя сравнительное изучение категорий общественный порядок и общественное благоустройство как социальных явлений, И.Д. Бредихин (административное право) интерпретирует обще-

¹⁹ Теория государства и права / под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. – С. 521.

²⁰ Теория государства и права: учебник / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Москва: Дело, 2009. – 525 с. – С. 19; Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Эксмо, 2010. – 512 с. – С. 20; Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник для вузов. – 3-е изд. – Москва: ИНФРА, 2010. – 464 с.

²¹ Административная деятельность ОВД / под ред. А.П. Корнев. – Москва, 2009. – С. 23.

²² Административная деятельность ОВД. Часть Общая: учебник / под ред. А.П. Корнев. – Москва, 2000. – С. 22.

ственный порядок в качестве сложного механизма, реализующегося в системе волевых общественных отношений в публичных местах [25, с. 186–189].

Также исследуя содержание правовой категории «общественный порядок» в административно-правовом ракурсе, Ц.С. Дондоков отмечает, что соблюдение гражданами социальных норм придает общественному порядку состояние прочности и устойчивости, выделяет стабильность как существенный признак общественного порядка, при этом не предлагая дефиниции, содержащей дифференцирующие признаки рассматриваемого правового явления [26, с. 52–56].

Говоря о проблемных вопросах мер обеспечения административного производства по нарушениям общественного порядка и общественной безопасности, Д.В. Пивоваров делает вывод, что под общественным порядком следует понимать совокупность взаимосвязанных элементов, образующих систему общественных отношений, обеспечивающих поддержание общественного и личного спокойствия граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности, урегулированную нормами права [27, с. 12].

Кроме того, Р.В. Сидорцов, базируясь на доктринальных положениях таких ученых в сфере административного права, как И.И. Веремеенко, М.И. Еропкин, Ф.Е. Колонтаевский, А.П. Корнев, Л.Л. Попов, А.В. Серегин и др., рассматривая общественный порядок в узком смысле, обозначает его в качестве системы общественных отношений, урегулированных правовыми и иными социальными нормами, складывающихся в общественных местах, обусловленных потребностями общества и личности и возникающих вследствие соблюдения социальных норм [28].

Несмотря на имеющиеся доктринальные разработки, касающиеся вопросов, связанных с осмыслением категории общественного порядка, в последнее десятилетие в отечественной правовой науке наблюдается снижение интереса к ее изучению как правовому явлению при наличии проблематики понимания, неоднородного применения исследуемого понятия в законодательстве РФ.

Кроме того, в настоящее время посягательства на общественные отношения, непосредственно связанные с порядком в обществе и безопасностью, имеют повышенную опасность, что требует наличия организованной системы правовых предписаний в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства для обеспечения спокойствия граждан и охраны существующих устойчивых общественных отношений государством.

В современных условиях нормативно-правового регулирования и научного познания явлений правовой действительности в сфере общественного порядка отмечается отсутствие общей стратегической основы. В этой области остается достаточный правовой простор для дальнейшего совершенствования.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам.

Во-первых, категория «общественный порядок» является многогранным явлением реальной действительности, соединяя в себя аспекты политического, экономического, культурного и правового характера.

Во-вторых, в юридической доктрине советского и постсоветского периодов имеются различные точки зрения относительно вопроса понимания категории «общественный порядок» ввиду многогранности исследуемого правового явления.

Унифицированный подход в конструировании определения отсутствует как на доктринальном, так и на законодательном уровнях. Одни ученые трактуют общественный порядок в широком смысле как совокупность общественных отношений, регламентирующихся фундаментальными принципами и нормами, господствующими в общественно-государственном строе, определяющими правила поведения всех субъектов отношений, в целях обеспечения стабильности и устойчивого развития государства, тем самым универсализируя общественный порядок как объект уголовно-правовой охраны и распространяя его на многочисленные составы преступлений УК РФ.

Приверженцы узкого подхода к пониманию понятия «общественный порядок» предлагают ограничиваться включением в дефиницию определенных общественных отношений, затрагивающих сферу спокойствия быта, труда и общества в целом, при этом совокупность общественных взаимоотношений не определена. Следовательно, требуется конструирование законодательной дефиниции для обеспечения гармонизации правореализационных процессов.

В-третьих, учитывая когнитивные признаки понятия «общественный порядок», отражающие сущностно-содержательную сторону данного правового явления, предлагаем авторскую дефиницию, на наш взгляд, отвечающую потребностям настоящей правовой действительности.

Под общественным порядком в широком осмыслении предлагается понимать *«организованные в соответствии с правовыми нормами, моралью, обычаями отношения членов общества, складывающиеся в системе государственного устройства согласно установленным законодателем, обществом правилам в целях соблюдения прав и интересов всех участников отношений, поддержания благоприятного состояния в обществе, требующего, в свою очередь, обеспечения, охраны от нарушений, посягательств, угроз».*

Применительно к уголовно-правовым отношениям общественный порядок как объект уголовно-правовой охраны – это *«система общественных отношений, регулируемых социально-правовыми нормами и общепризнанными правилами, установленными государством и обществом, регламентирующие правильное поведение индивидов в сфере публичных взаимоотношений, обеспечивающие стабильную жизнедеятельность граждан, функционирование институтов и организаций, защиту личности, материальных и духовных благ от преступных посягательств».*

Список литературы

1. Туранин В.Ю. Юридическая терминология в российском законодательстве. – Белгород, 2009. – С. 9.
2. Апт Л.Ф. Дефиниции в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного круглого стола (Черновцы, 21–22 сентября 2006 г.) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского. – Нижний Новгород, 2007. – С. 71–72.
3. Усков О.Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. – Белгород, 2007. – С. 102.
4. Баранова М.В. Конструирование дефинитивных норм права: проблемы и тенденции // Юридическая техника: ежегодник. – 2013. – № 7 (2). – С. 120.
5. Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 7.
6. Селифонов А.А. Общественный порядок как социально-психологическое явление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – № 1 (37).
7. Гришаев П.Ф. Преступления против общественной безопасности. – Москва: Экзамен, 1959. – С. 4.
8. Еропкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. – Москва: Юрид. лит., 1965. – 215 с.
9. Веремеенко И.И. Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. – 1982. – № 3. – С. 27.
10. Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. – Москва, 1975. – С. 4.
11. Попов Л.Л. Некоторые вопросы содержания и форм административной деятельности советской милиции // Труды высшей школы МООП РСФСР. – Москва, 1962. – Вып. 7.
12. Ключниченко А.П. О понятии социалистического общественного порядка // Труды КВШ МВД СССР. – 1970. – № 3. – С. 126.
13. Даньшин И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. – Москва, 1973. – 200 с.
14. Шевченко П.Н. К вопросу о содержании понятия «общественный порядок» // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 11. – С. 37.
15. Шефрукова С.Т. Категории общественный порядок и правопорядок в истории отечественной политико-правовой мысли и их обеспечение в Российском государстве: автореф. дис. ... канд. наук. – Краснодар, 2010. – С. 7.
16. Кузнецов А.П. Общественный порядок как социально-правовая категория: теоретическое исследование // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 2. – С. 9.
17. Точка А.В. Преступления против общественного порядка: криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. – 210 с.

18. Крохмалюк Э.В. Соотношение понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок» при квалификации хулиганства // Молодой ученый. – 2017. – № 14 (148). – С. 523–526.
19. Алиев Х.К. Вандализм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 22 с.
20. Белопольский А.П. Понятие и общая характеристика преступлений против общественного порядка // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 364–365.
21. Борисов С.В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 25 с.
22. Сулейманов Р.Г. Хулиганство: теоретическое и правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 26 с.
23. Смирнова Е.Г. Хулиганство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – 26 с.
24. Иванов Н.Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 53–61.
25. Бредихин И.Д. О проблеме соотношения общественного порядка, правопорядка, законности, общественной безопасности и общественного благоустройства: административно-правовой аспект // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 4. – С. 186–189.
26. Дондоков Ц.С. Содержание правовой категории «общественный порядок» // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 10 (67). – С. 52–56.
27. Пивоваров Д.В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, применяемые сотрудниками полиции: автореф. дис. ... канд. наук. – Омск, 2017. – С. 12.
28. Сидорцов Р.В. Законодательное регулирование субъектами Российской Федерации ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 12–13.

References

1. Turanin V.Yu. Legal Terminology in Russian Legislation. – Belgorod, 2009. – P. 9.
2. Apt L.F. Definitions in the Legislation of the Russian Federation // Legislative Definition: Logical-Epistemological, Political-Legal, Moral-Psychological and Practical Problems: Proceedings of the International Round Table (Chernivtsi, September 21–22, 2006) / edited by V.M. Baranov, P.S. Patsurkovsky. – Nizhny Novgorod, 2007. – Pp. 71–72.
3. Uskov O.Yu. Legal Technique as a Formal-Dogmatic Methodology. – Belgorod, 2007. – P. 102.
4. Baranova M.V. Construction of Definitive Norms of Law: Problems and Trends // Legal Technique: Yearbook. – 2013. – № 7 (2). – P. 120.
5. Khairutdinova M.D. Legislative definition (problems of theory and practice): author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Nizhny Novgorod, 2008. – P. 7.
6. Selifonov A.A. Public order as a socio-psychological phenomenon // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2008. – № 1 (37).
7. Grishaev P.F. Crimes against public safety. – Moscow: Exam, 1959. – P. 4.
8. Eropkin M.I. Management in the field of public order protection. – Moscow: Legal literature, 1965. – 215 p.
9. Veremeenko I.I. The essence and concept of public order // Soviet state and law. – 1982. – № 3. – P. 27.
10. Seregin A.V. Soviet public order and administrative-legal means of strengthening it. – Moscow, 1975. – P. 4.
11. Popov L.L. Some issues of the content and forms of administrative activity of the Soviet militia // Works of the higher school of the MOOP RSFSR. – Moscow, 1962. – Issue. 7.
12. Klyushnichenko A.P. On the concept of socialist public order // Works of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. – 1970. – № 3. – P. 126.
13. Danshin I.N. Criminal-legal protection of public order. – Moscow, 1973. – 200 p.
14. Shevchenko P.N. On the content of the concept of «public order» // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – № 11. – P. 37.

15. *Shefrukova S.T.* Categories of public order and legal order in the history of domestic political and legal thought and their provision in the Russian state: author's abstract. diss. ... candidate of sciences. – Krasnodar, 2010. – P. 7.
16. *Kuznetsov A.P.* Public order as a socio-legal category: theoretical study // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2022. – № 2. – P. 9.
17. *Tochka A.V.* Crimes against public order: criminalization, systematization, criminal-legal content: diss. ... candidate of legal sciences. – Krasnodar, 2015. – 210 p.
18. *Krokhmalyuk E.V.* The Correlation of the Concepts of «Public Safety» and «Public Order» in the Qualification of Hooliganism // Young Scientist. – 2017. – № 14 (148). – Pp. 523–526.
19. *Aliyev H.K.* Vandalism: Criminal-Law and Criminological Problems: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Moscow, 2015. – 22 p.
20. *Belopol'sky A.P.* Concept and General Characteristics of Crimes against Public Order // Theory and Practice of Social Development. – 2012. – № 4. – Pp. 364–365.
21. *Borisov S.V.* Hooliganism: Criminal-Law and Criminological Aspects: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Moscow, 2005. – 25 p.
22. *Suleimanov R.G.* Hooliganism: theoretical and law enforcement aspects: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Saratov, 2009. – 26 p.
23. *Smirnova E.G.* Hooliganism: criminal-legal and criminological aspects: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Krasnodar, 2005. – 26 p.
24. *Ivanov N.G.* Hooliganism as a crime: a critical look // State and Law. – 2009. – № 6. – Pp. 53–61.
25. *Bredikhin I.D.* On the problem of the relationship between public order, law and order, legality, public safety and public welfare: administrative and legal aspect // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – № 4. – Pp. 186–189.
26. *Dondokov Ts.S.* The content of the legal category «public order» // Bulletin of ChitSU. – 2010. – № 10 (67). – Pp. 52–56.
27. *Pivovarov D.V.* Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses that infringe on public order and public safety, applied by police officers: author's abstract. diss. ... candidate of sciences. – Omsk, 2017. – P. 12.
28. *Sidorcov R.V.* Legislative regulation of liability by the constituent entities of the Russian Federation for administrative offenses that infringe on public order: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Moscow, 2005. – Pp. 12–13.

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Received: 28.08.2025

Статья принята к публикации: 05.10.2025

Accepted: 05.10.2025

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Гарник Людмила Юрьевна¹,
e-mail: garnikludmila@yandex.ru

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Нижнем Новгороде,
г. Нижний Новгород, Россия

В Конституции Российской Федерации в п. 1 ст. 8 установлено правило, указывающее на реализацию экономических правоотношений в России, предусматривающих гарантию «единства экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности»¹. Именно для осуществления указанных значимых аспектов в системе государственного регулирования в России реализуется государственная политика в сфере обеспечения экономической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях, направленная на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращения кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения, консолидирующая усилия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, Центрального банка РФ и институтов гражданского общества по обеспечению экономической безопасности в целях защиты объективно значимых экономических потребностей страны и реализации национальных приоритетов РФ², заключающиеся в разработке мер организационного, нормативно-правового характера, гарантом осуществления которой выступает уголовный закон. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: законодательная корректировка, экономические преступления, анализ, структура, динамика, судебная практика, элементы состава преступления, способ совершения преступлений, правовые проблемные аспекты

LEGAL REGULATION OF SOLVING PROBLEMATIC ISSUES OF QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMICS

Garnik L.Yu.¹,
e-mail: garnikludmila@yandex.ru

¹Moscow Witte University, a branch in Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The Constitution of the Russian Federation, in paragraph 1, article 8, establishes a rule indicating the implementation of economic legal relations in Russia, providing for the guarantee of “the unity of the economic space, the free movement of goods, services and financial resources, support for competition, and freedom of economic activity”³. Precisely for the implementation of these significant aspects in the system of state regulation in Russia that the state policy in the field of economic security is being implemented at the federal, regional, municipal and sectoral levels, aimed at countering challenges and threats to economic security, preventing crisis phenomena in

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, вступили в силу 4 июля 2020 г.) // Указ Президента РФ 03.07.2020 № 445. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 18. – Ст. 2117.

³ The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 03.03.2020 No. 1-FCZ, entered into force on July 4, 2020) // Decree of the President of the Russian Federation. – 07.03.2020. – No. 445.

the resource and raw materials, industrial, scientific, technological and financial spheres, as well as to prevent a decrease in the quality of life of the population, consolidating the efforts of federal government bodies, state authorities of constituent entities of the Russian Federation, local governments, the Central Bank of the Russian Federation and civil society institutions to ensure economic security in order to protect objectively significant economic needs the country and the implementation of the national priorities of the Russian Federation⁴, which consist in the development of organizational, regulatory and legal measures, the implementation of which is guaranteed by the criminal law.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: legislative adjustment, economic crimes, analysis, structure, dynamics, judicial practice, elements of the corpus delicti, method of committing crimes, legal problematic aspects

Исследуя аспекты квалификации преступлений экономической направленности, стоит отметить, что за последние годы в стране была проведена значительная работа по совершенствованию нормативной базы, регулирующей уголовную ответственность, предусмотренную за совершение преступления в сфере экономической деятельности, в результате которой на сегодняшний день утратили силу и подверглись законодательной корректировке ряд норм, разработаны и приняты новые правила.

В тоже время анализ уголовного законодательства свидетельствует о серьезных недостатках в области его применения при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Указанные обстоятельства и определяют актуальность настоящего исследования.

Степень научной разработанности темы состоит в том, что в настоящее время в отечественной юридической науке не проводилось комплексного исследования проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Несмотря на отсутствие самостоятельных научных работ по исследуемой теме, необходимо отметить довольно высокий уровень проработки отечественными авторами вопросов, посвященных основам классификации, систематизации, признаков, последствий экономических преступлений. По данной проблематике написаны кандидатские диссертации К.А. Амьянцем [1, с. 21], Э.М. Мурадовым [2, с. 5], В.Г. Ярыгиным [3, с. 23].

Значительный интерес представляют работы, посвященные использованию опыта правоохранительных структур, законодательного регулирования и судебной практики в указанной сфере. К их числу можно отнести исследования: М.В. Талана [4, с. 57], Н.В. Вильской [5, с. 201], С.С. Витвицкой [6, с. 156] и других авторов, чьи работы были изучены при рассмотрении интересующих нас аспектов, связанных с темой работы.

Научные труды перечисленных ученых, разрабатывающих различные подходы к определению классификации, систематизации преступлений экономической направленности, внесли значительный вклад в исследование этой проблематики. Однако, комплексного исследования проблемных вопросов квалификации преступлений в сфере экономической деятельности в новых исторических реалиях не проводилось.

Целью исследования является выработка и обоснование концептуальных положений, создающих теоретические предпосылки модернизации правовых основ квалификации преступлений в сфере экономической деятельности.

Задачи исследования заключаются в анализе современного состояния, динамики, структуры, специфики экономических преступлений, а также в изучении перспектив решения проблем квалификации преступлений в сфере экономики.

Исследуя законодательное закрепление правил, регламентирующих решение проблемных вопросов квалификации преступлений в сфере экономики, считаем необходимым, в первую очередь, провести анализ современного состояния экономических преступлений путем изучения их динамики, структуры и специфики, что позволит в дальнейшем выявить проблемные вопросы квалификации исследуемых нами преступлений и предложить пути их разрешения.

⁴ Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 18. – Art. 2117.

Изучая современное состояние и динамику экономических преступлений, отметим, что основной источник данных для исследования указанных вопросов сформирован на основе сведений из статистических карточек о выявленных преступлениях и результатах расследования, аккумулированных информационными центрами территориальных органов МВД РФ. Дополнительно использовались официальные данные, публикуемые на официальных сайтах МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

В этой связи уточним, что из отчетов о состоянии преступности с января 2024 г. по май 2025 г. следует, что большинство выявленных преступлений экономической направленности требует предварительного расследования – 87%. Преступления в сфере экономической деятельности – тяжкие и особо тяжкие составы – 68% выявленных преступлений, где 50% расследованы⁵.

Согласно официальной статистике, количество выявленных преступлений экономической направленности повысилась с января по май 2025 года, по сравнению с аналогичным периодом 2024 года. Похожая тенденция наблюдается относительно количества расследуемых преступлений.

Изучая современное состояние и динамику экономических преступлений отметим, что лидирующую позицию в общем рейтинге экономических преступлений, по мнению Э.А. Васильева и Н.Н. Дьяченко, исследовавших тенденции развития экономической преступности, являются экономические преступления, где основной рост показателей в исследуемой сфере связан с фальшивомонетчеством (изготовление, хранение, перевозка и сбыт поддельных денег и ценных бумаг – ст. 186 УК РФ), удельный вес которого составляет в среднем 15,8 %. Отмечаются отдельные случаи отмывания денег, незаконного предпринимательства и неправомерных действий при банкротстве [3, с. 67]. Стоит уточнить, что треть криминальных деяний экономической направленности приходится на преступления против собственности – 27,7%, в числе которых с тенденцией к росту доминируют разного рода мошенничества в сфере кредитования с использованием технических технологий – 72,6%.

По данным статистики мошенники совершенствуют механизмы отъема денег у населения, применяя при этом проверенные способы звонков из банков. Большой популярностью являются на сегодняшний день преступления, связанные с криптовалютой и ее обналичиваем. Доля отмеченных преступлений ежегодно составляет 1%. Это в среднем 60% осужденных, где 40% за преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), 10% – за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ). Незаконная предпринимательская деятельность (ст. 171 УК РФ) за последнее время возросла, по сравнению с 2024 годом, на 10%⁶.

Анализируя динамику преступлений экономической направленности, отметим, имеющиеся официальные данные, касающиеся показателей выявленных преступных деяний, связанных со злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), незаконной банковской деятельностью (ст. 172 УК РФ), незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ) указывают на рост этих преступлений. За период с января по май 2025 года рост составил 14%, по сравнению с аналогичным периодом 2024 года.

В этой связи отметим, что анализируемая структура указанных преступлений нуждается в современной и качественной специфике предотвращения вредоносного воздействия угроз криминального характера, заключающегося в создании эффективного государственно-правового механизма обеспечения финансовой безопасности.

На сегодняшний день в РФ такие механизмы существуют. К ним можно отнести взаимодействие Центрального банка России с органами МВД РФ, заключающееся в предоставлении банками необходимой для следствия информации; на законодательном уровне установлены правила, регламентирующие защиту информации при осуществлении переводов денежных средств в соответствии с требованиями, установленными Банком России, согласованными с федеральными органами исполнительной власти⁷.

Стоит также отметить, что сегодня сотрудниками Центрального банка России существенно пересмотрены требования к обеспечению операторами различных электронных платформ переводов; уста-

⁵ Данные МВД России. – URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 22.07.2025 г.).

⁶ Там же.

⁷ О национальной платежной системе: федер. закон РФ от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 27.06.2011. – № 25. – Ст. 2751.

новлен порядок осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств в рамках осуществления Центральным банком России надзора в национальной платежной системе⁸, что позволило снизить рост преступности в исследуемом направлении за период с 2024 года по май 2025 года на 11%⁹.

Однако некоторые преступления, такие как: злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), незаконная предпринимательская деятельность (ст. 171 УК РФ), фальшивомонетчество (изготовление, хранение, перевозка и сбыт поддельных денег и ценных бумаг – ст. 186 УК РФ) до настоящего времени занимают лидирующую позицию в общем рейтинге экономических преступлений, где совокупность условий и факторов их совершения создают прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам РФ в экономической сфере и нуждаются, на наш взгляд, в разработке дополнительных правовых, технических механизмов, обеспечивающих реализацию органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центрального банка Российской Федерации мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности, а также на защиту национальных интересов Российской Федерации в сфере экономической деятельности.

Исследуя преступления экономической направленности, а также изучая доктринальные подходы к отмеченному нами вопросу, было установлено, что большинство специалистов по уголовному праву приходят к общему выводу об имеющихся проблемах квалификации преступлений в исследуемой нами сфере, которые сводятся к неправильному определению элементов преступления и являются причиной освобождения от наказаний за совершенные деяния в виду отсутствия состава преступления, а также не правильной квалификации смежных преступлений.

Так, по мнению И.А. Дворяк и Н.К. Потоцкого, при квалификации экономических преступлений необходимо детально уточнять все элементы состава преступления, в которые входят объект, под которым необходимо в рассматриваемом случае понимать общественные отношения в сфере экономической деятельности. Объективная сторона характеризуется в каждом конкретном случае либо действием, либо бездействием, субъективная сторона выражается в форме прямого умысла, а субъект, с точки зрения отмеченных авторов, должен быть наделен более значительными характеристиками, чем просто указание на возраст и его специальное право [7, с. 241]. Например, ст. 171–172 УК РФ в диспозиции норм права нет указаний на конкретного субъекта, совершившего преступление, нет предпосылок, указывающих на его корыстность, позволяющую определить прямой умысел, и при квалификации данного преступления собрать доказательную базу.

В этой связи укажем, что многие исследователи, обращая внимание на то, что правила, устанавливающие уголовную ответственность за экономические преступления, носят отсылочный характер [8, с. 118].

В этой связи рассмотрим проблемы квалификации ст. 172 УК РФ – незаконная банковская деятельность, которая предполагает изучение законодательства о банковской деятельности и ее лицензировании, поскольку диспозиция указанной нормы права предусматривает два направления, требующих верной квалификации указанного преступления. В первом случае объективная сторона правонарушения по исследуемой нами норме права выражается в осуществлении банковской деятельности без регистрации, а во втором случае – осуществление этой деятельности правонарушителем без специального разрешения (лицензии), в случаях, когда такое разрешение обязательно, при этом такие действия будут считаться преступными только если причинен крупный ущерб (от 1 млн руб.) гражданам, организациям либо государству или сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. В этой связи отметим, что в соответствии со ст. 14–15 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской

⁸ О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств: положение Банка России от 17.08.2023 № 821-П // Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2023. – № 76286.

⁹ Данные МВД России. – URL: <http://мвд.рф> (дата обращения: 22.07.2025 г.).

деятельности»¹⁰, получить банковскую лицензию может только зарегистрированная в установленном порядке кредитная организация, и совершать банковские операции может только банковская организация с полученным специальным разрешением (лицензией), поэтому, на наш взгляд, факт юридической регистрации кредитной организации правового значения для квалификации деяния по составу преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 172 УК РФ, не имеет. Стоит также отметить, что в диспозиции исследуемой нормы законодателем не уточнен конкретный субъект, к которому применяется ответственность, также закон не уточняет, к какому субъекту относится требование о регистрации. Имеющаяся в отмеченной норме позиция уточняющая «.....в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно....»¹¹, является, на наш взгляд, не корректной, т.к. законодатель во всех случаях банковской деятельности требует оформления специального разрешения (лицензии). Исходя из проведенного анализа, мы можем предположить, что указанный подход законодателя позволяет правоприменителю достаточно широко трактовать данный состав преступления и основания для привлечения к уголовной ответственности по нему.

Более того, изучая указанную норму права, отметим, что исследуемая нами норма предусматривает ответственность за незаконную банковскую деятельность. Однако ни в уголовном законодательстве, ни в Федеральном законе от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» не определено понятие «банковская деятельность». Указан только термин «банк» и банковские операции, к которым законодатель относит: «привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц»¹².

В качестве примера, подтверждающего проблемы квалификации отмеченных преступлений, рассмотрим судебную практику.

Так, по уголовному делу «№ 1-73/20 суд квалифицировал как «незаконную банковскую деятельность» по пункту «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ действия подсудимого К. – создание нелегального банка в виде группы подконтрольных юридических лиц, осуществляющих с его помощью банковские операции, с целью оптимизации налогообложения и сроков проведения расчетов клиентов по сделкам; перевод безналичных денежных средств в наличные с возможным нарушением закона»¹³ и т.д. В данном примере явно демонстрируется отсутствие состава преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, поскольку перечисленные деяния не являются банковскими операциями.

Отмеченные пробелы, на наш взгляд, нарушают конституционные принципы законности и требуют корректировки исследуемой нормы права.

В связи с тем, что исследуемая нами норма права представляет собой важное значение для экономической безопасности граждан, организаций и государства, в целях эффективной реализации органами государственной власти комплекса мер, направленных на противодействие преступлений в сфере экономической деятельности, предлагаем внести изменения в ст. 172 УК РФ следующего содержания: «осуществление банковской деятельности (банковских операций) кредитными организациями, обладающими исключительным правом осуществлять банковские операции как для юридических, так и физических лиц без специального оформления в установленном законом порядке разрешения (лицензии), в корыстных целях или в личной заинтересованности, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организации или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере».

На наш взгляд, представленный подход определяет исследуемую норму максимально точно, уточняет субъект преступления, объективную сторону, корыстный характер, указывает на операции банковской деятельности, позволяющие при квалификации состава определить субъективную сторону отмеченного преступления. В качестве подтверждения нашего суждения приведем положения Консти-

¹⁰ О банках и банковской деятельности: федер. закон РФ от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 02.12.1990. – № 20. – Ст. 1431.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

¹² О банках и банковской деятельности: федер. закон РФ от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 02.12.1990. – № 20. – Ст. 1431.

¹³ Приговор Кореневского районного суда № 1-49/2020 от 25 ноября 2020 г. по делу № 2-2961/2020. – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.07.2025 г.).

туционного Суда определяющее, что «любое преступление, а равно и наказание за его совершение, должны быть четко определены в законе»¹⁴.

Анализируя нормы уголовного законодательства, мы также установили, что многие правовые нормы уголовного законодательства (ст. 170.1, 171.1, 171–172, 196 УК РФ) в диспозиции не уточняют способ совершения преступлений. На наш взгляд, такие нормы требуют определенных пояснений для точной квалификации исследуемых преступлений.

Так, нечеткость указаний в основе диспозиции ст. 196 УК РФ, по мнению исследователей, приводит к ряду сложностей, содержащихся в сборе доказательной базы, в которую должны входить бухгалтерские отчеты и заключение арбитражного управляющего, содержащие признаки совершения преступления, которые должны ложиться в основу планирования расследования преступления [9, с. 56]. В этой связи уточним, что в соответствии со ст. 45 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁵ арбитражный управляющий назначается Арбитражным судом по предоставлению в указанный суд заявления кредитора о банкротстве, однако, при его аресте или задержании может не выполнять свои обязательства, в этом случае картина для правоохранителя при расследовании уголовного дела по ст. 196 УК РФ будет неполной. Законодательство также предусматривает для арбитражного управляющего возможность предоставления информации только одному субъекту, который может быть заинтересован в исходе дела или являться частью преступной группы. Более того, в процессе рассмотрения дела о несостоятельности в арбитражном суде предусмотрена возможность возврата денег кредиторам, заключение мирового соглашения, что в итоге может сказаться на всей картине расследования уголовного дела. Учитывая указывающие обстоятельства, в целях совершенствования уголовного законодательства в сфере экономической деятельности, считаем необходимым п. 1 ст. 196 УК РФ дополнить словами следующего содержания: «...при наличии решения арбитражного суда о признании лица банкротом».

Указанный подход, на наш взгляд, при расследовании дела о преднамеренном банкротстве не будет иметь предположительный характер и позволит исключать полное прекращение уголовного дела по причине отказа арбитражного суда в признании лица банкротом.

Таким образом, рассматривая указанные правовые проблемные аспекты при квалификации преступлений экономической направленности, мы приходим к выводу о том, что перспективы развития и пути решения проблем квалификации преступлений в сфере экономики могут иметь положительный характер при условии устранения пробелов в текущем законодательстве и в сформировавшейся системе обнаружения и расследования преступлений экономической направленности.

Проведенный анализ современной практики расследования преступлений в обозначенной сфере выявляет ряд нерешенных проблем, снижающих эффективность принимаемых мер противодействия распространению экономической преступности. Назрела необходимость в выработке продуманной уголовно-правовой политики, отвечающей современным экономическим условиям и в формировании правового регулирования решения проблемных вопросов квалификации преступлений в сфере экономики.

Список литературы

1. *Амьянц К.А.* Последствия преступлений в сфере экономики: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Амьянц Константин Аркадьевич. – Краснодар, 2008. – 30 с.
2. *Мурадов Э.С.* Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мурадов Эльчин Сафар оглы. – Москва, 2008. – 18 с.
3. *Ярыгин В.Г.* Экономическая преступность в современных условиях: теоретико-прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ярыгин Владимир Гаврилович. – Нижний Новгород, 2006. – 23 с.
4. *Талан М.В.* Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Талан Мария Вячеславовна. – Москва, 2002. – 475 с.

¹⁴ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова: постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2020 г. № 38-П. – URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 20.07.2025 г.).

¹⁵ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 26.10.2002. – № 27. – Ст. 1731.

5. Вильская Н.В., Малахова В.Ю. Особенности предмета преступлений в сфере экономической деятельности как одна из основ квалификации преступного деяния и отграничений от смежных преступлений // Право и управление. – 2023. – № 1.
6. Витвицкая С.С. Актуальные вопросы систематизации уголовного закона о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестник РГУ. – 2021. – № 4.
7. Дворяк И.А., Потоцкий Н.К. О проблемах квалификации экономических преступлений // Право и управление. – 2023. – № 3.
8. Тимошенко А.Н. Особенности возбуждения уголовного дела по преступлениям, связанным с преднамеренным банкротством // Право: современные тенденции. – 2023. – № 1.
9. Васильев Э.А., Дьяченко Н.Н. Тенденции развития экономической преступности и особенности борьбы с ней в современной России // Вестник КГУ. – 2020. – № 2.

References

1. Amiyants K.A. Consequences of Crimes in the Economic Sphere: Criminal-Law Aspect: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.08 / Amiyants Konstantin Arkadyevich. – Krasnodar, 2008. – 30 p.
2. Muradov E.S. Subjective Features of Crimes in the Sphere of Economic Activity: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.08 / Muradov Elchin Safar ogly. – Moscow, 2008. – 18 p.
3. Yarygin V.G. Economic Crime in Modern Conditions: Theoretical and Applied Aspects: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.08 / Yarygin Vladimir Gavrilovich. – Nizhny Novgorod, 2006. – 23 p.
4. Talan M.V. Crimes in the Sphere of Economic Activity: Theoretical Issues, Legislative Regulation, and Judicial Practice: Dissertation ... Doctor of Law: 12.00.08 / Talan Maria Vyacheslavovna. – Moscow, 2002. – 475 p.
5. Vilskaya N.V., Malakhova V.Yu. Features of the subject of crimes in the sphere of economic activity as one of the bases for qualifying a criminal act and distinguishing it from related crimes // Law and Management. – 2023. – No. 1. – P. 201.
6. Vitvitskaya S.S. Current issues of systematization of the criminal law on crimes in the sphere of economic activity // Bulletin of RSU. – 2021. – No. 4. – P. 156.
7. Dvoryak I.A., Potocki N.K. On the problems of qualification of economic crimes // Law and Management. – 2023. – No. 3. – P. 241.
8. Timoshenko A.N. Features of initiating criminal proceedings for crimes related to intentional bankruptcy // Law: modern trends. – 2023. – No. 1. – P. 56.
9. Vasiliev E.A., Dyachenko N.N. Trends in the development of economic crime and features of the fight against it in modern Russia // Bulletin of KSU. – 2020. – No. 2. – P. 67.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2025

Received: 22.04.2025

Статья принята к публикации: 23.09.2025

Accepted: 23.09.2025

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 4 (48)' 2025

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Альтенгоф А.А.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 01.01.2026.

Печ. л. 12,25. Усл.-печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 8,9.

Объем 1,6 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ 25-0004.

Отпечатано в ООО «СиДи Мейкер»,
121354, г. Москва, ул. Витебская, д. 9, стр. 15, тел. 8 (499) 877-13-78.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.